

Г. Е. КРЕЙДЛИН

МУЖЧИНЫ
И ЖЕНЩИНЫ
В НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 81.031
К 79

Крейдлин Г. Е.

К 79 Мужчины и женщины в невербальной коммуникации.
— М.: Языки славянской культуры, 2005. — 224 с. —
(Studia philologica. Series minor). (Вклейка после с. 128)

ISBN 5-9551-0090-3

В книге рассматриваются ключевые проблемы, относящиеся к невербальному диалогическому поведению мужчин и женщин современной русской и западноевропейской культуры. Речь идет об основаниях гендерной невербальной семиотики и о сравнительных особенностях жестового бытового знакового общения людей одного пола и разных полов.

Проводится анализ целого ряда знаков и типовых моделей телесного коммуникативного невербального поведения в их соотношении как друг с другом, так и со знаками и моделями вербального поведения. Обсуждаются понятия гендерного стиля невербального поведения и гендерного невербального стереотипа, в частности, предпринимается попытка определить, является ли природа данного стереотипа универсальной или культурно-специфичной. Устанавливаются гендерные приоритеты в выборе невербальных средств выражения когнитивных, эмоциональных, оценочных и других смыслов. Ставится и частично решается задача реконструкции мужского и женского невербального поведения по аудиозаписям тестов и их письменной расшифровке в отсутствие каких-либо видеозаписей текстов. Обсуждается вопрос о специфике отражения гендерных характеристик невербального поведения в языке живописи.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина Рембрандта
«Автопортрет с Саскией на коленях».*

ISBN 5-9551-0090-3

© Г. Е. Крейдлин, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

- §1. Гендер и гендерные роли. Гендерный аспект устной бытовой коммуникации 9
- §2. Гендер и невербальная семиотика 15
- §3. Источники и краткое содержание книги 20

Часть I. Невербальные гендерные стереотипы

- §1. Невербальные гендерные коммуникативные стереотипы 23
- §2. Гендерные стереотипы и гендерные стили невербального коммуникативного поведения 40
- §3. Гендерные стереотипы: норма и отклонения 48
  - А. Параязыковое поведение 51
  - Б. Жестовое поведение 57
  - В. Тактильное поведение 90
  - Г. Проксемное поведение 109
- §4. Гендер и эстетика телесных движений 116

Часть II. Невербальная агрессия как тип поведения: гендерный аспект

- §1. Невербальная агрессия и классы агрессивных жестов 133
- §2. Пример лексикографического описания агрессивного жеста 136
- §3. Гендерные особенности агрессивного невербального поведения 141

**Часть III. Невербальное поведение
мужчин и женщин в деловом общении**

- §1. Общая характеристика невербального компонента делового общения 152
- §2. Линии поведения и особенности гендерного невербального делового общения 156
- §3. Ошибки в интерпретации гендерного невербального поведения: проблемы переводимости и понимания 163

**Часть IV. Проблемы реконструкции
мужского и женского невербального
коммуникативного поведения эмигрантов**

- §1. Постановка задачи 170
- §2. Описание эксперимента по реконструкции и обсуждение результатов 176

**Часть V. Гендерная невербальная семиотика
и изобразительное искусство:
семиотическая картина мира
в изобразительных текстах**

- §1. Невербальная семиотика и анализ изобразительного текста 184
- §2. Жесты на картинах 189
- §3. Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»: сюжет и предметно-композиционная структура 194
- §4. Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»: тематическая организация и изобразительное решение 204
- Заключение 208**
- Литература 211**

Моей маме, Крейдлиной Анне Григорьевне

ВВЕДЕНИЕ*

Все умные мысли уже пере-
думаны; дело, однако, в том, что
их всегда надо передумать
заново.

Гёте

§1. Гендер и гендерные роли.

Гендерный аспект устной бытовой коммуникации

Е. Баратынский в стихотворении «Когда неопытен я был...» пишет: *Но светлый мир уныл и пуст, Когда душе ничто не мило; Руки пожатье заменило Мне поцелуй прекрасных уст*, и мы отчетливо осознаем, что означает для влюбленного мужчины замена поцелуя любимой женщины на рукопожатие.

Когда в «Буре» Шекспира Фердинанд говорит Миранде: *Here's my hand* 'Вот вам моя рука' — и Миранда отвечает: *And mine, with my heart in it* 'А вот моя, и в ней мое сердце', то мы прекрасно понимаем, что это говорят между собой не два патологоанатома, а любящие друг друга мужчина и женщина, и при этом хорошо понимаем, о чем они говорят.

Гендер и гендерные роли участников диалога играют заметную роль среди параметров, определяющих характер протекания, структуру и содержание диалога. Под **гендером** по уже существующей традиции здесь понимается пол, рассматриваемый под определенным углом зрения, а именно как общественное или культурное явление (или, говоря неформально, ген-

---

* Автор приносит искреннюю благодарность Н. Е. Фрид и Ю. А. Шихановичу за внимательное прочтение рукописи книги и ценные замечания.

дер — это социально и культурно нагруженный пол). А под **гендерными ролями участников диалога** я буду понимать общественные и культурные ожидания, касающиеся коммуникативного поведения полов, и способы, которыми эти ожидания реализуются при актуальном коммуникативном семиотическом взаимодействии.

Образующие признак «гендер» значения 'мужской' и 'женский' составляют фундаментальную оппозиционную пару в теории и практике человеческого общения, а проблемы определения и распределения гендерных ролей, значимые противопоставления в пределах одного пола и между полами, формулировка и обоснование гендерных принципов взаимодействия людей имеют огромное значение для организации общества и человеческой коммуникации. Эти проблемы являются весьма сложными для решения, поскольку даже подход к ним зависит от очень многих и очень разнородных факторов, среди которых наиболее значимыми являются степень развития общества в данный период времени, социальная дифференциация и языковая стратификация, тип культуры и идеологическая основа общества, уровень научных знаний и образованности людей и др. Различие гендерных ролей проявляется в разных областях жизни и человеческой деятельности, а совпадение или смещение гендерных ролей обычно рассматриваются как угроза вековым общественным устоям, как разрушение жесткой иерархической модели или как отклонение от нормы.

Изначально гендерные роли определялись, так сказать, пространственно, т. е. в соответствии с типовым социальным местом, отводимым каждому из полов. Для женщины это был ее дом, а мужчинам предназначался внешний мир. Отсюда вытекают самые разные следствия. Так, ввиду такого распределения областей жизнедеятельности и коммуникации женщине отводилась традиционная триада — замужество, дети, семья, и предполагалось, что ее самоощущение всецело зависит от успехов членов ее семьи. Женщине, которая чуть ли не все время должна была проводить дома, не очень были нужны такие черты характера, как честолюбие, агрессивность, инициативность или предприимчивость, зато ей нужны были стабильность и здоровый консерватизм. Мужчина же, «кормилец и защитник»,

был носителем активного начала, а потому был вынужден вести агрессивную постоянную борьбу «за место под солнцем», за существование свое и своей семьи. Он всегда настраивался на жесткое противостояние и победу над соперниками, и потому ему приходилось развивать в себе и совершенствовать необходимые для этого качества. Мужчинам чуть ли не всегда были свойственны интенсивный контакт с окружающей средой и энергичное воздействие на нее, личный энтузиазм, желание самореализоваться и стремление изменить среду в соответствии со своими представлениями, установками и намерениями, ср. характерное и образное высказывание на эту тему писателя В. А. Пьецуха: «Женское начало — это попечитель квартиры, мужское начало отвечает за подъезд».

Жизнь в современном западном постиндустриальном обществе, как сегодня уже стало очевидным, существенно изменила ролевые признаки полов и взаимоотношения между полами: *Мы видели, как времени рука срывает все, во что рядится время...* (В. Шекспир). Оказались сломанными казавшиеся вечными и незыблемыми **гендерные стереотипы**, под которыми я понимаю сложившиеся в обществе в целом или в некотором общественном коллективе мнения о характеристиках полов и о нормах мужского и женского поведения.

В переживаемый нами период глобализации и интеграции в современном мире кардинально изменилось отношение к функциям и личностным характеристикам, которые культура и общество закрепляли за полами и, прежде всего, за женщиной. Постепенно уходят представления о социальной пассивности женщины, о ее полной зависимости от мужчины, об отсутствии у женщины стремления подняться вверх по общественной лестнице. «Новый уклад жизни, — пишет в своей статье об изменениях социальных ролей мужчины и женщины в современном западном обществе философ и социолог Элизабет Бадинтер, — ведет к возникновению новых психологических и социальных характеристик обоих полов. И мужчины, и женщины стремятся сегодня к реализации „второй половины“ своей природы, которую их веками учили подавлять. В результате происходит смешение мужских и женских качеств, полное отрицание неравенства полов и их строго взаимодополняющего ха-

рактера» (Батинтер 1986, с. 15). Сила и слабость, открытость и замкнутость, решительность и безволие, желание подчинять и стремление подчиниться — все это сегодня соединяется в каждом из полов, и зачастую весьма причудливым образом.

Новые жизненные условия, социальные конвенции и ролевые установки привели к преломлению культурных и коммуникативных традиций, к смене содержания, структуры и стиля коммуникации полов, а иногда и к перебоям в коммуникации или конфликту между полами. И я здесь имею в виду не только и не столько речевое общение людей, содержание их речи и языковые способы его выражения, сколько коммуникацию невербальную.

Невербальная коммуникация людей предполагает настоящий, а не иллюзорный контакт людей и включает в себя много такого, «о чем мы, пока прогресс не приучил нас к эрзацу, и не догадывались. Это — и взгляд, и молчание, и жест, и гримаса, а главное — еще не открытое наукой, но знакомое каждому „биополе“, вступив в которое, мы постигаем другого или ненавидим его» (А. Генис. Сладкая жизнь). И хотя И. Гёте в стихотворении, предваряющем «Западно-восточный диван», написал буквально, что живая речь — это речь звучащая, воспринимаемая слухом, думается, что иногда слово увиденное или тактильно прочувствованное, слово, воплощенное в жесте руки, позе или выражении лица, может оказаться и понятнее, и весомее слова выговариваемого и услышанного.

Мужское и женское невербальное поведение и телесные знаки играют в реальном устном общении и в описывающих его письменных текстах огромную роль. Оскар Уайльд со свойственной ему изящной иронией как-то заметил: «A man's face is his autobiography; a woman's face is her work of fiction», т. е. «Лицо мужчины — это его автобиография, а лицо женщины — это ее художественное произведение (букв. роман)». Этим писатель подчеркнул, как кажется, не только очевидное существование невербальных гендерных различий, но и нечто гораздо менее тривиальное и более важное, а именно, что не любое телесное проявление этих различий получает одинаковую оценку. Кроме того, Оскар Уайльд считает, что лицо мужчины отражает его жизнь и внутреннее состояние, а лицо женщи-

ны — это нечто ненатуральное, изготовленное специально. Но в этом случае писатель, скажу сразу, ошибается.

Настоящая книга посвящена **невербальному диалогическому поведению мужчин и женщин современной европейской, главным образом русской, культуры**. Речь в ней идет о **гендерном аспекте устной бытовой коммуникации**, осуществляемой по большей части в диалогах двух людей «лицом к лицу», т. е. в ситуациях реального общения, которые по-английски называются ситуациями «face-to-face communication». В ряде случаев для сопоставления и последующего сравнительного анализа я привожу данные, свидетельствующие об особенностях невербального гендерного коммуникативного поведения людей других культур, а также факты, относящиеся к словесному выражению и словесным средствам передачи информации.

Я сознательно оставляю в стороне все прочие, чрезвычайно многочисленные и разнородные проблемы, касающиеся полов и их взаимоотношений, а также употреблений невербальных единиц и моделей поведения в ритуальных областях и в нестандартных ситуациях, например в патологии. Речь в книге пойдет почти исключительно о проблемах гендерного телесного бытового знакового общения — проблемах, которым в семиотической, лингвистической и гендерной литературе уделяется совсем не так много внимания, как они, на мой взгляд, заслуживают.

«Жестами стоит заниматься хотя бы потому, — сказал мне однажды в частной беседе, поддержав меня еще в самом начале моих занятий проблемами невербальной коммуникации, замечательный ученый и человек М. Я. Гелфтер, — что они говорят нам о душевном состоянии людей, как температура о внутренней болезни». Есть надежда, что исследование гендерного коммуникативного поведения поможет нам лучше понять природу мужчин и женщин, выявить особенности их психологии, узнать об их склонностях и пристрастиях, установках и душевных устремлениях.

Науку, предметом которой являются невербальная коммуникация и невербальное знаковое поведение и взаимодействие людей, я несколько лет назад предложил назвать **невербаль-**

ной семиотикой (см. Крейдлин 2002). Современная невербальная семиотика состоит из отдельных, хотя и тесно связанных друг с другом дисциплин и по сути своей является наукой междисциплинарной. Она возникла на границах нескольких научных областей и традиций, как давних и устоявшихся — здесь я имею в виду такие сложившиеся науки, как биология, этология (наука о поведении), лингвистика, социология и психология, — так и сравнительно новых. Среди последних можно выделить общую семиотику, теорию этноса и этнических систем, культурную антропологию, когнитологию (науку о знании и познании) и теорию когнитивных систем. Из сказанного вытекает, что в книге, в которой рассматриваются вопросы гендерного коммуникативного поведения, трудно пройти мимо некоторых важных проблем, непосредственно не являющихся ни лингвистическими, ни семиотическими. Впрочем, обращение к областям знания, отличным от лингвистики и семиотики, т. е. выход за пределы наук, которые составляют содержательный фундамент этой книги, само по себе едва ли можно считать недостатком. Взгляд со стороны, как известно, нередко помогает не только прояснить общую картину рассматриваемого явления, но и более четко высветить отдельные ее детали.

Реальная устная коммуникация и диалогическое взаимодействие людей складываются из различных сигналов, передаваемых через сенсорные каналы. При этом помимо речевых — зрительного и слухового — каналов в коммуникации активно используются и другие пути, по которым и осуществляется преимущественно невербальная коммуникация. Именно на этих путях делается основной акцент в настоящей книге. Ее главное содержание составляет **компаративный анализ семиотических единиц, оппозиций и моделей гендерного телесного невербального поведения**, которые вместе образуют центральный объект пяти частных наук, входящих в невербальную семиотику. Это паралингвистика (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации), кинесика (наука о жестах и жестовых движениях, о жестовых процессах и жестовых системах), окулесика (наука о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения), гаптика (наука о языке касаний, тактильной коммуникации и тактильном взаимодействии людей) и

проксемика (наука о пространстве коммуникации, его структуре и функциях)¹.

При изложении фактического материала, его теоретического осмысления и комментирования, а также при разборе примеров и анализе результатов экспериментов основное внимание уделяется структурным, функциональным и смысловым элементам, которые играют решающую роль в коммуникативном взаимодействии невербальных единиц с вербальными. Поскольку коммуникативный акт в устной, для меня исходной и основной, форме предстает как совокупность различных невербальных знаковых систем, соотносимых с основным средством человеческой коммуникации — естественным языком, я считаю первостепенно важным описать сходства и различия невербальных и вербальных знаковых элементов. Вербальные и невербальные единицы взаимодействуют очень сложным образом, но почти во всех случаях устной коммуникации, в которой участвуют естественный язык и невербальные семиотические коды, невербальные коды важны сами по себе хотя бы потому, что они существенно меняют качество информации, передаваемой вербально.

§2. Гендер и невербальная семиотика

Два пола — это, по сути, две разные культуры. Как озаглавлен один из бестселлеров, в котором много места занимает общение мужчин и женщин, а именно книга Дж. Грэя (J. Gray), изданная в Нью-Йорке в 1992 г. и недавно вышедшая в русском переводе, «Men are from Mars, Women are from Venus», т. е. 'Мужчины — с Марса, женщины — с Венеры'. Графически диаметрально противоположные литеры M и W для обозначения «мужского» и «женского», как заметил однажды поэт Мих. Безродный, оказались весьма удачным изобретением: популярность сущностей удостоверяется иконически через обратимость знаков.

---

¹ О структуре науки невербальной семиотики, о целях и задачах, которые эта наука ставит и решает, об исследовательских установках, теоретических подходах и практических методах, применяемых в ней, см. Крейдлин 2002.

Различие полов — это, казалось бы, совершенно непреложный и очевидный факт. Однако, как это ни покажется странным, значимые коммуникативные проявления различий между полами даже внутри одной культуры являются и сегодня плохо изученными, а их семантика и прагматика по большей части остаются систематически не описанными.

Один только пример. Известная американская лингвистка и борец за права женщин Р. Лаков в своей книге «Language and Woman's Place» 'Язык и место женщины в обществе', основываясь на коммуникативном поведении исключительно жительниц Северной Америки, уверенно заявляет о неэффективности речевого стиля женщин вообще как чрезмерно вежливого (*polite*), нерешительного (*hesitant*) и почтительного (*deferent*). Подобными малообоснованными и незаконными обобщениями, относящимися к коммуникативному поведению людей, к сожалению, переполнены гендерные исследования лингвистов, психологов и социологов.

Невербальное коммуникативное поведение мужчин и женщин, или гендерный аспект невербальной семиотики, сложно рассматривать как отдельное явление из-за целого ряда объективных трудностей. К ним можно отнести и недостаточную разработанность теоретического и методологического подходов в невербальной семиотике, и отсутствие общепринятых взглядов на гендерные проблемы вообще. Чтобы дать читателю лучше почувствовать сказанное, остановлюсь на одном примере.

Все мы знаем из своего жизненного опыта, что есть много русских жестов, которые отражают эмоциональное состояние их исполнителя. Однако описать форму, смысл, синтактику и прагматику этих единиц, например качество и степень их воздействия на диалогического партнера, и уж тем более сформулировать строгие, полные и непротиворечивые правила функционирования эмоциональных невербальных знаков в русской устной коммуникации крайне сложно. Из целого ряда причин, мешающих это сделать, назову только аморфность содержания самого концепта «эмоция»² и серьезные теоретические раз-

---

² Ср., например, не вполне ясные различия между эмоцией и чувством (см. об этом в Крейдлин 2002), между одной эмоцией и дру-

ногласия между исследователями эмоций касательно природы и функций самих эмоций (например, является данная эмоция чисто биологической или культурно и социально нагруженной). А ведь, казалось бы, уже давно выяснено, что эмоции — это конструкты с самыми разными функциями, например физиологической (ср. такие внешние проявления эмоций, как сердцебиение, покраснение или побледнение кожи, расширенные глаза, потение), когнитивной (например, интерпретация эмоционально окрашенных ситуаций и распознавание отношений, выражаемых, скажем, лицом или руками), экспрессивной (телесная выразительность, «игра лицом»), регулятивной (копировальные и защитные механизмы для минимизации, уничтожения или поддержания эмоции, обоюдный мониторинг и оценка эмоций участниками диалога), и каждая из этих функций по-разному взаимодействует со многими другими составляющими жизненного опыта людей и параметрами их интерактивного поведения.

Процессы, которые стоят за возникновением, развитием и проявлением эмоций, практически толком не исследованы и теоретически плохо осмыслены. Например, некоторые ученые считают, что эмоции обслуживают прежде всего мотивационные функции в межличностном общении или в контакте с материальными предметами, причем у мужчин и женщин это происходит по-разному, в зависимости, например, от того, имеет ли место диалог между лицами одного пола или разных полов, между знакомыми или незнакомыми людьми, или, например, от того, с каким предметом люди в данный момент имеют дело. Другие ученые считают, что основная сфера эмоций — это адаптивное поведение. Так, чувство боли заставляет человека обратить внимание на неполадки в организме, причем опять-таки дифференцированно у мужчин и женщин; чувство страха заставляет мужчин и женщин изменить обычные для них мо-

---

гой, роль оценочного и метафорического компонентов в толковании эмоций или пока еще плохо изученное соотношение в структуре отдельных эмоций психологического и когнитивного, иррационального и рационального. Подробнее об этом см. в работе В. Ю. Апресян (В. Апресян 1995).

дела и способы поведения. Третьи выделяют в качестве главных социальные функции эмоций и изучают гендерные проблемы только в связи с ними (например, изучают гендерные различия в когнитивной оценке неоднозначных ситуаций или различия в подходах к одной и той же социальной проблеме). Четвертые исследуют исключительно сигнальные функции эмоций и соответствующий гендерный аспект (эмоции сигнализируют, в частности, о наступлении новых когнитивных состояний, например о появлении нового знания, причем у мужчин и женщин часто по-разному; появление эмоции может свидетельствовать о внезапно происшедшей смене настроения и т. д.).

В более традиционных науках физиологические и психические явления чаще трактуются как отдельные и противопоставленные, причем в одних науках или их разделах примат отдается телу (общая биология, физиология, бихевиоризм), в других — сознанию (общая психология, психоанализ, когнитология). Каждая из известных теорий эмоций, будь то мотивационная, адаптивная, социальная и нейропсихологическая, ориентирована на соответствующую функцию и, выделяя гендер как основной параметр описания эмоций, отводит ему строго определенное место в своей концептуальной системе. И хотя, по мнению некоторых специалистов, занимающихся анализом эмоций (см. Бак 1983; Броди 1985; Броди, Холл 1993; Кемпер 1978), различные теории эмоций более или менее одинаково подходят к оценке качества и значимости гендерных различий в коммуникации, сами концептуальные системы и исследовательские интересы плохо соотносимы друг с другом.

Невербальная семиотика же, напротив, провозглашает принцип, согласно которому человек представляет собой **психофизиологическое единство**, т. е. целостную систему, в которой все психические явления имеют телесно выраженные проявления³ и, наоборот, физиологические действия имеют соответ-

---

³ Интересно было бы получить ответ на такой вопрос: какие из них тяготеют к выражению в данном естественном языке, а какие — в соответствующих невербальных кодах. Смею предположить, что ответ на него будет не только разным для разных культур, но и разным для мужчин и женщины внутри одной культуры.

ствия (корреляты) в сфере психического. Очень многие невербальные гендерные расхождения по своему происхождению являются биологическими, отобранными в ходе эволюции, поскольку обеспечивают адаптивное существование организма и его выживание (так, большие психологическая проницательность и чувствительность женщин к невербальным ключам получают биологическое обоснование как полезные для того, чтобы создать комфортную семейную атмосферу и вырастить и воспитать ребенка). Но вместе с тем существует немалое количество гендерных различий, которые биологическими либо вообще не являются, либо являются ими только косвенно, будучи вторичными свойствами, производными от биологических, так как сами по себе адаптивного характера не имеют. Известно, например, что более широкие женские бедра биологически приспособлены для рождения ребенка, однако влияние размера бедер на стиль и манеру женской походки на сегодняшний день биологического объяснения не получило. Кроме того, даже анатомически обусловленные различия можно усилить, ослабить либо как-то еще изменить под действием социальных или коммуникативных факторов и требований данной культуры.

Невербальная семиотика стремится устанавливать и анализировать универсальные и культурно-специфичные гендерные стереотипы во всех их проявлениях, фиксируя нормы и правила поведения во всех знаковых невербальных каналах и принимая во внимание все функции эмоций, и не только эмоций. Невербальная семиотика изучает соотношение всех логически мыслимых кинетических параметров (гендерных, возрастных, статусных, ролевых, физиологических и т. д.) и всех мыслимых факторов (психологических, культурных, национальных, этнических и т. п.) в коммуникативном акте, а также функционирование в коммуникации всех телесных невербальных знаков, включая эмоциональные. Она строит различные описания, классификации и модели на разрабатываемом специальном метаязыке или отдельных, в идеале совместимых друг с другом или переводимых один в другой метаязыках. Поэтому метаязык или метаязыки, создаваемые в невербальной семиотике, могут служить теоретической и методологической осно-

вой для комплексного изучения не только эмоций, но также мыслей, действий, физических и психических свойств и др. и для анализа их невербальных концептуализаций в разных культурах, обществах и семиотических кодах (наряду с описанием основных способов выражения соответствующих концептов и смыслов в тех или иных естественных языках).

§3. Источники и краткое содержание книги

В основу настоящей книги были положены, во-первых, отдельные фрагменты авторской монографии «Невербальная семиотика», которая вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2002 году. Из этой книги заимствованы прежде всего некоторые не утратившие, на мой взгляд, актуальности (а) теоретические положения, гипотезы и результаты, (б) необходимый терминологический аппарат, который, разумеется, поясняется и в настоящей книге, и (в) многие важные примеры, относящиеся к гендерному невербальному поведению. Во-вторых, основу книги составила серия статей по невербальной семиотике и лингвистике, написанных мной и опубликованных в период с 2002 по 2004 г.

Материал всех этих публикаций был существенно дополнен новыми положениями, наблюдениями и примерами; кроме того, при подготовке книги были уточнены и откорректированы некоторые ранее приведенные тезисы, формулировки, выводы и результаты. Часть V, как и введение и заключение, написаны специально для данной книги.

Объектами для представляемого здесь исследования послужили русские невербальные (устные) и вербальные (устные и письменные) тексты; к текстам, примерам и фактам других языков и культур я прибегаю в основном для разъяснения отдельных фрагментов и деталей картины русского невербального гендерного поведения. Более конкретно, объект изучения составили: (1) визуальные наблюдения, видеозаписи и фотографии невербального интерактивного поведения людей разных культур, собранные в естественных («полевых») и лабораторных условиях как мной лично, так и другими людьми, главным образом моими настоящими и будущими коллегами — студента-

ми и аспирантами РГГУ и МГУ. Далее, это (2) тексты, относящиеся к русской художественной литературе XIX—XX в., переводной литературе и публицистике, а также (3) информация, содержащаяся в специальных монографиях и статьях, в языковых и жестовых словарях, в том числе в вышедшем относительно недавно Словаре языка русских жестов (Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001).

Основной материал книги распределен по пяти разделам.

Первый раздел (Часть I) посвящен анализу некоторых невербальных гендерных стереотипов коммуникативного поведения на предмет выявления их универсальной или культурно-специфичной природы и соотношения их с вербальными стереотипами. Рассматриваются два вида стереотипов, которые в статье Триандис, Василиу 1967, с. 316 были названы **автостереотипами** (*autostereotypes*) и **гетеростереотипами** (*heterostereotypes*). Автостереотипы представляют собой обобщенные мнения представителей данной культуры о самих себе, а гетеростереотипы — это мнения представителей данной культуры о носителях другой культуры. В этой же части книги излагаются результаты лингвосомиотического компаративного анализа ряда мужских и женских невербальных знаков русской и других культур. Главное внимание при этом обращается на возможные отклонения от стереотипных представлений о диалогическом поведении мужчин и женщин как внутри одной культуры, так и разных культур и на выявление причин этих отклонений. Сразу подчеркну, что многие примеры и выводы, содержащиеся в первом разделе, уже приводились в книге Крейдлин 2002, однако там они рассматривались и комментировались, как правило, в другой связи, других контекстах и иных ракурсах.

Во втором разделе (Часть II) подробно исследуются в гендерном аспекте некоторые из наиболее частотных и характерных моделей невербального диалогического взаимодействия, а именно модели агрессивного поведения.

В третьем разделе книги (Часть III) анализируются особенности невербального коммуникативного поведения мужчин и женщин в деловом общении.

В последних двух разделах (Часть IV и Часть V) рассматриваются две частные проблемы гендерного невербального поведения. В четвертом разделе ставится и частично решается проблема реконструкции гендерного невербального поведения по аудиозаписям текстов и их письменному воспроизведению, а в пятом разделе обсуждается проблема отображения гендерного поведения языком живописи.

На протяжении всех страниц книги я буду отмечать и объяснять некоторые важные факты и комментировать характерные примеры, иллюстрирующие сходства и различия в мужской и женской невербальной внутри- и межкультурной концептуализации тех или иных фрагментов внеязыковой действительности.

Часть I

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

§1. Невербальные гендерные коммуникативные стереотипы

Существует много работ, в которых указываются и анализируются гендерные стереотипы и отношение к ним у разных народов и культур. Однако что касается **невербальных гендерных коммуникативных стереотипов**, то они как отдельные системно еще не описывались — и это несмотря на то, что о наличии гендерных межкультурных расхождений в невербальном поведении и о существовании невербальных гендерных конвенций и норм нам достаточно хорошо известно. Проявления невербальных стереотипов и гендерных особенностей, а также сходства, различия и переключки невербального поведения широко отмечаются, например, в художественной литературе. Вот несколько свидетельств этому:

австрийская культура: Однажды в училище поступил молодой князь Г., отпрыск одного из самых влиятельных, старинных и консервативных дворянских родов империи. Все находили его кроткие глаза пошлыми и жеманными; над его манерой стоя выпячивать одно бедро и при разговоре медленно играть пальцами они смеялись, как над бабьей (Р. Музиль);

американская культура: Я хочу, чтобы мужчины мной восхищались, но этому учишься в школе — повела глазами, понизила голос, коснулась плеча. Если они [мужчины. — Г. К.] думают, что ты от них в восторге, они будут в восторге от твоего вкуса, будут восхищаться, и хоть на время покажется, что в тебе есть что-то хорошее (Г. Грин);

английская культура: Он сжал мне кисть и отступил на шаг, руки не разжимая, а другую поднес к глазам и стал изпод нее / Рассматривать меня, как рисовальщик. / Он

долго изучал меня в упор, потрянул рукою, трижды поклонился. / И так вздохнул из глубины души, как будто бы он испустил пред смертью последний вздох. / А несколько спустя, разжал ладонь, освободил мне руку и прочь пошел, смотря через плечо (В. Шекспир);

русская культура: Он уснул около двух, часа в четыре проснулся и по-мужски положил руку мне на плечо: он понял, что я сразу повернусь к нему (В. Маркова);

французская культура: Посол попросил разрешения представить его величеству своих сотрудников⁴ и назвал их имена и должности. Кангаров овладел собой и называл имена даже немного громче, чем полагалось, — обер-гофмаршал только поглядывал на него с приятной усмешкой, которая могла бы сойти за хозяйскую улыбку. Король каждый раз наклонял голову и произносил несколько любезных слов, по существу, одних и тех же, но без буквальных повторений. Руки он никому, кроме нас, не подал, — позднее Кангаров узнал, что это считалось знаком неблагосклонного приема: король умышленно остался в пределах обязательного минимума любезным (...). По этикету страны посол и его свита должны были отступать к двери, не поворачиваясь спиной к королю (М. Алданов).

Приведу пример одной из дилемм исследователя гендерного аспекта невербального поведения, или **гендерной невербальной семиотики**. Собраны данные (различные по разным культурам), которые говорят о том, что мужчины больше трогают женщин, чем наоборот. Но чем это вызвано — расхождениями в общественных статусах и ролях, как нередко считают, или, может быть, просто женщины любят, чтобы их больше трогали? Женская сдержанность и мужская несдержанность в касаниях могут вполне отражать биологическую потребность полов к аккомодации, т. е. приспособлению к существующим общественным, культурным и коммуникативным нормам поведения, а не, скажем, подчиненное положение женщины и доминантное положение мужчины.

---

⁴ И посол, и сотрудники посольства все были мужчины; это важно подчеркнуть, так как невербальный придворный этикет для иностранных гостей-женщин при французском дворе был тогда другим.

Ниже я остановлюсь на некоторых претендующих на культурную универсальность гендерных стереотипах, относящихся к коммуникативному поведению человека. Универсальное, общепринятое видение мира, равно как и гендерные невербальные стереотипы, которым будет далее уделено основное внимание, никакой культурой не отражаются полностью. Поэтому многие из формулируемых стереотипов являются скорее не универсалиями, а **фреквенталиями**. Больше того, некоторые из закономерностей относятся к культурно-специфичным, если не вообще к уникальным, формам поведения.

Актуальность задачи расшифровки гендерных невербальных стереотипов едва ли у кого-либо вызывает сегодня сомнения. Но мне кажется здесь важным показать нечто другое, а именно, что такие стереотипы нуждаются не столько в тестировании их большей или меньшей универсальности, сколько в методологической и теоретической корректности самих формулировок. С этой целью я остановлюсь на весьма значимых в семиотическом и культурном отношении отклонениях от приводимых стереотипов — отклонениях, которые следует тщательно изучить, с тем чтобы их сейчас или впоследствии суметь убедительно объяснить (описание нормы через патологию является, как известно, вполне адекватным и не раз оправдавшим себя методологическим приемом).

Вначале я сформулирую и прокомментирую ряд гендерных коммуникативных стереотипов, одни из которых не раз обсуждались в научной литературе и представляются вполне расхожими, другие известны гораздо меньше, а третьи, как кажется, приводятся впервые. Попутно я остановлюсь на некоторых модификациях стереотипов этих трех групп и на их характерных проявлениях в отдельных культурах, отмечая возможные отклонения от того или иного стереотипа.

Невербальное коммуникативное поведение женщин и мужчин я часто буду рассматривать **в соотношении с речевым поведением**. Возьму на себя смелость утверждать, что в таком ракурсе и тем более в компаративном плане гендерные невербальные коммуникативные стереотипы и их манифестации системно никогда не описывались.

Примеры гендерных коммуникативных стереотипов

Среди гендерных коммуникативных стереотипов, сложившихся на сегодняшний день в русской и, шире, в европейской культуре, выделяются следующие:

(а) Бóльшая, чем у мужчины, коммуникативная чувствительность женщины.

Из-за почти повсеместной ответственности женщин за свой дом, за рождение и воспитание детей от них ожидается бóльшая социализация, коммуникативная направленность на говорящего и предмет разговора, соблюдение этикетных норм общения и терпимость. Если женщины более эмоциональны, чем мужчины, то мужчины, если можно так выразиться, более рациональны или, если воспользоваться термином М. Кей, «грамматичны».

(б) Добродетелью мужчины считается красноречие, причем не только словесное, но и жестовое, а добродетелью женщины признается молчание, которое прямо связывается с послушанием.

В художественных — литературных, изобразительных или театральных — текстах прошлого добропорядочная женщина всегда была представлена молчащей, с ртом «на замке», с сомкнутыми губами. Она демонстрировала сдержанность, скованность, скромность, самоограничение и самоуглубленность, что хорошо видно на живописных полотнах (см. Брук 1990, с. 133—134);

Замечание (о молчании)

Молчание может быть знаковым, т. е. служить нулевым знаком (см. Себеок, Умикер-Себеок 1992 о нулевых знаках животных), выражая значимое отсутствие как звука, так и жеста-движения, — или незнаковым. Молчание можно относить к речевому акту, точнее, к одному из видов речевой деятельности, а именно к **недействию**, или к конкретным формам поведения, к поступкам, а именно к **недействию** и к **противодействию**.

Молчание как недеятельность — это или отсутствие ожидаемых невербальных знаков, или простая их нехватка, при-

чем и то и другое может быть либо ожидаемым, либо даже неподозреваемым. Молчание в форме недеятельности встречается во всех возможных каналах информации, т. е. это могут быть и так называемые «незаполненные речевые паузы», и «нулевые невербальные знаки», т. е. значимое отсутствие некоторого невербального материального знака. По отношению к языку о молчании говорят, по словам Н. Д. Арутюновой, «только на фоне коммуникации, т. е. тогда, когда в принципе возможно речевое общение — реальное или виртуальное» (Арутюнова 1994, с. 109); молчание представляет собой вид недеятельности, ограничивающей сегменты слышимых сообщений. Оно отмечает их начало, продолжительность, окончание, а также связывает, прерывает или вовсе прекращает их.

Молчание в диалоге, в особенности в социальной коммуникации, имеет другое функциональное назначение и другую прагматику: оно нередко соответствует произнесенной речевой реакции или неисполненному жесту и обозначает не согласие, а уклонение от реплики, самоустранение или протест. По отношению к неречевому движению молчание как вид речевой деятельности противопоставлено неподвижности и тишине, и все они образуют особые формы знаковой продукции, центральной для изучения межличностной коммуникации, интерактивного поведения и типологии телесных (соматических) знаков. Если движение и звук имеют коррелятами соответственно неподвижность и молчание, то тактильные и визуальные знаки противопоставлены отсутствию соответственно телесных и зрительных знаков. Для человека отсутствие таких знаков столь же значимо, сколь отсутствие языка, параязыка и кинетического или проксемного кодов (прежде всего в социальном контексте и социальном взаимодействии, не говоря уже о таких сферах, как медицинская диагностика или психотерапия). Дело в том, что все эти нулевые знаки принадлежат к невербальным семиотическим системам и связаны с каналами передачи невербальной информации и невербального коммуникативного взаимодействия.

Еще одна классификация молчания связана с его возможным наполнением. Молчание, рассматриваемое, по выражению М. Бахтина, как «продолжение беседы», бывает двух раз-

ных с функциональной, семантической и прагматической стороны типов. Это (1) молчание с параязыковыми и жестовыми заполнениями и (2) молчание с полным отсутствием голосовых звуков, или полное молчание (см. об этом подробно в Крейдлин 2002). Тем самым молчание противопоставляется не говорению как таковому, о чем часто ошибочно пишут, а **передаче информации речевым способом**⁵. Параязыковые элементы и жесты могут полностью вытеснить словесные реплики, разрушая речевую коммуникацию или вовсе делая ее невозможной, ср.: *Она все крепче начала его прижимать к себе, хотела еще что-то сказать и уже не могла* (И. Бунин) или *Она сжала его руки сильнее, требуя, чтобы он молчал* (М. Леблан). Таким образом, наступление молчания в акте общения может свидетельствовать не о простом неговорении или о полном отсутствии коммуникации, а о переходе замолчавшего человека к другому семиотическому коду. При этом выразительные возможности молчания в сочетании с параязыковыми элементами и жестами несколько не меньше, чем при полном молчании, так как тело часто говорит нам о том, о чем слова сказать не могут. Оба типа молчания соотнесены со звуком, голосом, причем молчание и как слово и как понятие входит вместе со звучанием и голосом не только в языковые, но и культурные оппозиции; см. словарные статьи слов «голос» и «голошение» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Славянские древности 1995, с. 510—513). Какой из этих типов больше свойствен русской женщине и женскому стилю общения, мы, однако, до сих пор не знаем.

Что же касается механизма взаимодействия, при котором репертуар соматических знаков достигает высшего уровня сложности, то следует иметь в виду, что разные «молчания» как коммуникативные знаки — «незаполненные паузы» — слу-

---

⁵ Речь, конечно, идет только об одном из значений слов *молчать* и *молчание* (и соответствующем значении слов *говорить* и *говорение*). В другом значении *молчание* противопоставлено говорению как производству звуков с помощью голоса (ср. правильное предложение *Она молча колотила в дверь* и неправильное *Она молча орала).

чаются только до, между и после коммуникативных взаимодействий диалогических партнеров, т. е. в неинтерактивных периодах, не связанных с отступлениями и сменами ролей говорящего и слушающего. В отличие от коммуникативных (лингвистических, паралингвистических, кинетических и других) знаковых пауз некомуникативные молчание и неподвижность не ограничены с двух сторон знаковым, т. е. предсказуемым и осмысленным, поведением. Они не поддерживают, не усиливают сообщений и не противоречат им, а также не обнаруживают каких-либо особых структурных функций, **поскольку происходят за пределами коммуникативного воздействия, вне диалога.**

С другой стороны, молчание и тишина могут выступать как знаки с разными означаемыми, т. е. не обязательно каждый как нулевой знак, входящий в одну парадигму с соответствующим ненулевым. Когда мы читаем *Они ощущали в ее молчании (silence? stillness? — Г. К.) напряженность данной ситуации*, то мы не интерпретируем здесь сочетание *ее молчание* как субститут вербального выражения, не понимаем этого сочетания как того, что сознательно ею не делается, — в отличие, например, от статичной позы танцора балета или поднятой руки человека, желающего произнести некоторое сообщение.

По сей день остаются плохо изученными такие аспекты молчания, как его возможность быть элементом сознательной стратегии и тактики поведения⁶ и его способность замедлять речь или быть носителем только что воспринятой деятельности. В последнем случае важным для коммуникации является умение молчания обогащать ее или подчеркивать какие-то коммуникативные смыслы, делая их более заметными и определенными. Я имею в виду способность молчания выступать в качестве своеобразного аналога мгновенной реплики, сразу же исчезающей или, в зависимости от реплики-стимула, временно прерывающей последовательность материально выраженных знаков. Так, если за диалогической репликой *Вы этого никогда не сделаете!* следует достаточно продолжительная

---

⁶ Из редких исключений укажем на работы Арутюнова 1994; Тогова 2000; Эстерберг 1996.

пауза, то отрицание воспринимается как имеющее большую интенсивность, чем в случае, если бы собеседник среагировал незамедлительно. Гротескный выкрик, грубый гогот, угрожающий жест рукой или полный любви нежный взгляд становятся в еще большей мере таковыми, если за ними следуют, соответственно, молчание и неподвижность.

Наконец, еще одной стороной семиотики молчания, тоже плохо исследованной в разных отношениях, является семиотизация и символизация метафорически выраженных в тексте невербальных проявлений. Речь идет о выразительном знаковом молчании природных объектов, ср.: *Молчание моря; Разозлившись, океан выплескивал воду;* растений, ср.: *The old pine tree preaches wisdom* букв. 'Старая сосна проповедует мудрость'; вещей, ср.: *Все застыло в неподвижности, замолчал даже письменный стол.* Это символическое безмолвие животных при отсутствии или наличии действий (ср. *молчание ягнят; вилять хвостом; Рекс вдруг замер и молча взглянул на меня* и пр.), это семантически нагруженное полное отсутствие звуков, поскольку за ними остается то, что они не могли или не смели выразить. Замечательный немецкий писатель и философ Г. Гессе называл это молчание «молчанием Бога», которое можно «расслышать даже в самых неприметных деталях».

Не только молчание, но переизбыток речи, говорливость и болтовня, считаются характерными женскими качествами. Например, роль создателя, носителя и распространителя сплетен, занимающегося пустой и праздной болтовней, в русской культуре ассоциировалась (а иногда и сейчас ассоциируется) с *бабой* или *кумушкой* (согласно ТСОШ 1992, словом *кумушка* называют женщину, занимающуюся пересудами и сплетнями). При этом если замена слов *баба* и *кумушка* на нейтральное *женщина* раньше воспринималась как разрушение клише, то в современном русском языке подобная замена допускается (но, конечно, не в устойчивых сочетаниях *бабы сплетни* или *досужие кумушки*)⁷:

---

⁷ См. об этом подробно статью Крейдлин, Самохии 2003.

(1) — *Слушайте, по всем волжским городам тогда стояли тысячные очереди... — Какой-нибудь местный незавоз. А скорей всего вам изменяет память. — Да и сейчас не хватает! — Бабы сплетни. У нас 7—8 миллиардов пудов зерна (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг);*

(2) *Где утка (т. е. баба), тут и смутка (т. е. сплетня);*

(3) *Женщины восхищались ее нарядами, конечно, — не всегда искренно, но всегда очень громко, они завидовали ей, и, помню, одна из них печально сказала: — Мое платье вдвое дороже вашего и в десять раз хуже, — мне даже больно и обидно смотреть на вас. Конечно, женщины не любили ее, разумеется, сочиняли сплетни о нас (М. Горький. О первой любви);*

(4) *А в то же время сколько нелестных отзывов, сколько совершенно ненужных донесений, основанных скорее на базарных сплетнях, чем на реальных данных, было послано ген. Эльснером в Екатеринодар, что, конечно, не умиротворяло, а только разжигало страсти (И. А. Поляков. Донские казаки в борьбе с большевиками) —*

очевидно, что базар воспринималось как место, где обычно собираются женщины.

Между тем считалось, да и сейчас тоже считается, что настоящему мужчине не пристало заниматься праздною болтовней и распусканьем сплетен; ср. (5):

(5) *Про нее, про Верочку, все эти рыцари болтали без удержу. Друг другу, как бы невзначай (ведь знали, что я слышу). И неизменно вызывали во мне неприязнь — не к Верочке, нет, а к ним самим, рассказчикам. И правильно она делала, что почти всех их за мужчин не считала. Это там я уяснил: сплетничающие мужчины хуже самой грязной проститутки (Т. Вульфович. Три главы про Матвея).*

Однако в качестве распространителя сплетни, т. е. в роли человека, пересказывающего сплетню, мужчина обычно не оценивался отрицательно; ср. (6):

(6) — *В декабрьскую стужу собрались в контору бригадиры и десятники греться, рассказывали разные лагерные сплетни. Вошел Орачевский, снял варежку и торжественно, осторожно высвободил оттуда на стол замершую, но живую оранжево-черную красавицу-бабочку: «Вот вам ба-*

бочка, пережившая 19-ти градусный мороз! Сидела на балке перекрытия». Все сошлись вокруг бабочки и замолчали (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАг).

И сегодня русский язык тоже легко отводит роль источника сплетни мужчине:

(7) Один раз я распустил сплетню, что Петровна совсем плоха. Так пришлось взять свои слова обратно, ибо Петровна настояла, чтоб я при другой старушке опроверг домыслы. И показала ей язык. Я плюнул и не стал принимать в их смерти большого участия. Но знаю — момент придет сам собой (Ю. Мамлеев. Избранное. Центральный цикл: Дневник молодого человека).

(в) Больше внимание к психологическим моментам ситуации у женщин и к когнитивным — у мужчин.

Было статистически достоверно показано (причем данные получены по разным культурам), что в коммуникативном поведении женщины экспрессии и переживаний в среднем больше, чем у мужчины. Женщина чаще, чем мужчина, плачет, срывается на крик, но она также чаще и громче смеется. Женщины чаще, чем мужчины, склонны прощать другим их поступки и употреблять примирительные жесты. Мужчинам специально предписывается не «проявлять слабость», стараться избегать сентиментальности и не выражать на людях такие «женские» эмоции, как ласку, нежность (ср. хотя бы русское выражение *телячья нежности* с его явно отрицательными коннотациями). В то же время невербальные проявления «сильных», «мужских» чувств типа гнева или ярости в европейской культуре вполне допускаются и слабо контролируются.

(г) Преобладание подсознания, интуиции, инсайта у женщин и логики, рациональности у мужчин, ср. «men are cognitive and analytical while women are emotional and non-analytical».

Хотя идея о преобладании интуиции у женщин чуть ли не повсеместно имеет пейоративные, уничижительные коннотации, утверждение о наличии у женщин в среднем более высокой развитой интуиции, чем у мужчин, видимо, вполне справедливо, поскольку опирается на экспериментально хорошо под-

твержденные по разным странам и культурам факты (среди носителей русской культуры эксперименты я проводил сам). Это прежде всего относится к большей скорости и точности при декодировании женщинами некоторых невербальных ключей адресата, безразлично, мужчины или женщины.

(д) Женщины внимательнее, чем мужчины, относятся к визуальному коду, чем к речевому и чем к мимическому поведению и знаковым телодвижениям собеседника любого пола, хотя их преимущество перед мужчинами в распознавании жестов рук или головы не столь заметно. Еще менее оно выражено в голосовых и тональных ключах.

Несмотря на то что эксперименты, проведенные примерно в десяти странах, показывают, что это на самом деле так, почему это так, неясно. Предлагаемые в разных трудах (главным образом, психологических) объяснения этих гендерных расхождений либо совершенно неубедительны с теоретической точки зрения, либо плохо подтверждаются эмпирически. Во всяком случае, именно последнее показал ряд проведенных мной опытов, определяющих особенности дешифровки отдельных мимических жестов и взглядов русскими студентами — девушками и юношами.

(е) Инструментальная сфера, самоутверждение, нацеленность на выполнение социальных задач и познание внешнего мира (для мужчин) vs. социоэмоциональная сфера, направленность на внутренний мир, на комфортность общения (для женщин), ср. «Мужчина как бы всегда настроен на то, чтобы что-то предпринять. Женщина, не знающая, что делать, часто бросает мужчине фразы типа: „Ты же мужчина, придумай что-нибудь!“» (Стернин 2002, с. 6).

Такое стереотипное представление в том виде, как оно обычно формулируется, если не оговорить никаких ограничительных условий, заведомо неправильно. В очень многих работах (см., например, Игли 1987; 1995; Кантер 1977; Карли 1990; Конвэй и др. 1996; Коннел 1987; Эшмор 1981) было показано, в частности, что мужчины, занимающие сравнительно низкое общественное положение, больше ориентированы на межличностные отношения и комфортное общение. В диалоге они

ищут в своих собеседниках внимания, понимания и сочувствия. Вступая в дружеские разговоры с людьми такого же социального статуса — неважно, мужчиной или женщиной, — адресанты-мужчины часто выражают недовольство отношением и конкретными действиями своего «начальства» и обращаются к адресату-партнеру за согласием, солидарностью и поддержкой.

(ж) Коммуникативный настрой женщины в большей мере социальный (социально ориентированный) и в меньшей степени индивидуальный.

Возможно, этот стереотип, существующий не только в среде европейцев, вызван более низким социальным статусом женщины в большинстве районов земного шара, а у более угнетаемых людей любого пола, как известно, выше социальные мотивации, такие как, например, стремление подняться наверх и занять достойное и материально обеспеченное место в обществе. Отсюда более высокая заинтересованность женщин в понимании тонкостей коммуникации — ведь это помогает их общественной адаптации (ср. в связи с этим поведение секретарши перед начальником или поведение женщин на официальных приемах, светских раутах и презентациях).

(з) Меньшая, чем у мужчин, коммуникативная агрессивность и большая терпимость женщин.

Мужчины более настойчивы, что проявляется в их поведении. Женщины более уступчивы, они чаще, чем мужчины, склонны видеть хорошее и в самих диалогических партнерах, и в их актуальном поведении. Однако мониторинг собственного поведения другими женщинами, как правило, им не по душе, а потому и в лабораторных условиях, и в реальной жизни они часто, так сказать, «прячутся» (отсюда, например, в среднем большая скованность и закрытость русских молодых женщин в позах и взглядах).

(и) Эмпатия.

Женщины более чувствительны, чем мужчины, к невербальным проявлениям, и это происходит потому, что они проявляют больше эмпатии (солидарности, сочувствия, занятия сто-

роны) с партнерами по коммуникации. Ср.: *Я больше нервничаю (переживаю, тревожусь), если рядом нервничают, Я так чувствительна к настроению других, что...* — эти и аналогичные по характеру суждения являются скорее женскими, чем мужскими. Знание того, что и как чувствуют другие, облегчает женщине декодирование невербальных ключей.

(к) Тематика бесед.

У женщин много разговоров о семье, о детях, о болезнях (более выражено внимание к здоровью), о покупках и пр., а у мужчин это беседы о работе, спорте, политике, армии, технике, автомобилях и др. Отсюда проистекают также различия и в невербальном знаковом поведении, например в иконических жестах⁸.

(л) Состояние подавленности, угнетенности и депрессии у женщин зарегистрировано как более частое, чем у мужчин.

Это состояние отражается в невербальном коммуникативном поведении. Выражение страха, подозрительности, а также жалобы у женщин ярко представлены в четырнадцати из

---

⁸ Мы выделяем коммуникативные иконические жесты, у которых связь со своими референтами непосредственная, которые, так сказать, напрямую отображают мир, — такое явление можно назвать **прямой иконичностью** (ср., например, ситуацию, когда человек объясняет руками объекты: рисует руками круг, прямоугольник или некоторую кривую либо изображает движения, например движение молотка при забивании гвоздя; в последнем случае сжатая в кулак рука имитирует движение находящегося в ней молотка в направлении другой, статичной, руки, тоже сжатой в кулак и как бы держащей невидимый гвоздь) — и коммуникативные иконические жесты, которые похожи не на свои референты — объекты и события, а на какие-то другие, лишь косвенным образом связанные с первыми. Это **косвенная иконичность**, которая проявляется, например, когда референция к предмету или событию происходит при помощи образительной метафоры (ср., например, ситуацию, когда указательный и средний пальцы жестикулирующего располагаются у рта, демонстрируя курение или сигарету, или движение-выстрел, ср. жест «пистолет у виска»). Иконические жесты обозначают (прямо или косвенно) также количество при счете, размер, объем.

пятнадцати обследованных культур. Мужчины чаще жалуются на неприятности, имевшие место на работе, но реже, например, на здоровье и семейные ссоры. Одновременно у них больше напористости, им присуща более высокая самооценка (то, что по-английски называется «assertiveness»), они более склонны к флирту (см. ниже), поискам приключений и к смене занятий.

(м) Женщины менее склонны, чем мужчины, объяснять свои действия отсутствием знаний или способностей, а объясняют их гораздо чаще невезением, неудачей, предопределением, злым роком.

Отсюда отмечаемое в литературе появление «слез жалости» в женской речи, особых голосов и тонов, наличие характерных фонетических, интонационных и просодических параметров звучания и других параязыковых средств (см. о них Крейдлин 2002; Николаева 1973; Пойатос 1993).

* * *

Существуют стереотипные представления и о характере коммуникации однополых пар. Например, когда в диалоге взаимодействуют друг с другом мужчины, в особенности незнакомые или мало знакомые, то, согласно существующим в нашей культуре гендерным ожиданиям, у каждого из них сильная мотивация не потерять контроль, не уступить общественной, ролевой или иной иерархической позиции.

Это один из тех редких гендерных стереотипов, который реально претендует на универсальность. Воинственное невербальное поведение мужчины по отношению к другому незнакомому мужчине нередко проявляется с самых первых минут встречи. Типичные невербальные манифестации здесь, свойственные русской культуре, — это параязыковые единицы. К ним относятся, прежде всего, «агрессивный», грубый, металлический голос и такие голосовые и тональные признаки, как особые тембр, сила и фонации. Это также прямые напряженные позы, сжатые в кулак руки, сильные («кто сильнее») мужские рукопожатия, прямой взгляд в глаза собеседнику и разного рода удары. С первых фраз, например с вопросов или со

слов оскорблений, может начаться необъявленное сражение мужчин за доминацию, за инициативу, и не только в настоящей беседе, но и во всех возможных последующих.

Особенно жестокой здесь является переадресованная агрессия, хорошо известная по поведению животных. Это агрессия группы (стаи, банды), накопившаяся в страхе перед ее лидером (вожаком, главарем). Она переносится «сверху вниз» на того, кто слабее: стоит только лидеру проявить агрессию к другому человеку или начать его травлю, как остальные из группы тоже, как правило, проявляют агрессию к этому человеку, причем действуют обычно изощреннее, жестче и злее лидера. Это проявляется по-разному. Например, вождь угрожает прохожему словами, а «подчиненные» хватают его или ее, наносят ему/ей удар и начинают бить, причем делают это, как правило, исподтишка или, как мы говорим, *за спиной* (а англичане в этих случаях говорят *под рукой*, ср. англ. *underhand*). Или главарь наносит человеку удар рукой, а рядовые члены или те, кто на дне банды, *подонки*, избивают «жертву» ногами или какими-то твердыми предметами.

Невербальное поведение «жертвы» агрессии тоже имеет свои особенности, но они чаще бывают индивидуальными и зависят во многом от личных качеств человека, от осознанного или подсознательного выбора тактики поведения и особенностей актуального контекста. В ситуациях, когда жертва оказывает сопротивление, т. е. в ситуациях, которые можно условно обозначить как ситуации «наперекор» или «не боюсь», они одни, а в ситуациях, когда сопротивление слабое или его нет вовсе, т. е. в ситуациях «послушание», «покорность» или «страх», они совсем другие. Более подробно о невербальной агрессии и ее типичных свойствах и средствах см. в следующем разделе книги.

* * *

Перечисленные выше мужские и женские качества, закономерности и нормы поведения, образующие социальные стереотипы русской гендерной культуры, выступают также как цель воспитания и формирования характера мужчины и жен-

щины. Воспитанность и просвещенность в русской культуре всегда шли бок о бок с умением вести беседу и с хорошими манерами, образуя в совокупности некое единое свойство, которое русский поэт К. Батюшков называл «людскостью». Неудивительно, что в русском языке многие из таких стереотипов выявляются, помимо прочего, при стандартной смысловой интерпретации фраз — наставлений или порицаний типа *Будь мужчиной!* или *Не будь бабой!*, т. е. при интерпретации высказываний, которые обращены к лицам мужского пола и которые управляют их поведением, ориентируя на проявление соответствующих мужских качеств. Например, мальчиков учат не плакать, быть мужественным, держаться молодцом, *stiff upper lip*, как говорят англичане, букв. 'закусить верхнюю губу', т. е. не плакать, сохраняя мужество и достоинство. А к девочкам взрослые могут обратиться со словами: *Ты же девочка, ты не должна...* Когда молодой человек проявляет слабость, например, по мнению окружающих, вкладывает во что-либо слишком много эмоций, т. е. ведет себя чересчур эмоционально, что считается свойственным женщинам, такое поведение расценивается людьми как *немужское* и, как мы видим, осуждается. И осуждение это обусловлено тем, что нарушаются существующие общественные стереотипы.

Интересна языковая и жестовая несимметричность, вызванная различиями в стереотипных представлениях о гендерных ролях в русской культуре. Девочке или женщине редко говорят *Будь женщиной!* или *Не будь мужиком!* Если мальчика или юношу направляют на то, как он **должен** себя вести, т. е. ориентируют на активные действия, наставляя его: *Ты должен то-то и то-то*, то девочке или девушке чаще говорят, как она **не должна** себя вести: *Ты не должна поступать так-то и так-то*. Тем самым ее учат адаптироваться к незнакомой или изменившейся ситуации. Девочки в силу своих физиологических особенностей, в частности более скорого взросления, и из-за отводимых женщиной обществом ролей обычно раньше мальчиков начинают осознавать, какими хотят их видеть взрослые и как они должны себя для этого вести. И они начинают демонстрировать вербальным и невербальным

способами свою готовность следовать установленным нормам и правилам поведения.

Что касается жестового поведения, то было отмечено, что на разных этапах своего развития девочки и мальчики пользуются разными жестами. Девочки гораздо чаще, чем мальчики, поправляют платье и прическу, рассматривают себя в зеркале, поворачиваются перед ним и смотрят на себя сбоку. Они хлопают в ладоши и дрожат, дергаются или трясутся от радости, часто прикладывают ладонь к голове, изображая задумчивость (все это я неоднократно наблюдал у моих учениц младших классов), любят стоять в позе **руки в боки**, замахиваться на «мальчишек». Девочки постарше ходят, покачивая бедрами, медленно скрещивают и выпрямляют ноги перед глазами у мальчиков, поглаживают себя по икрам, голеням и бедрам, прихорашиваясь. Мальчики-старшеклассники тоже пользуются **жестами прихорашивания**: поправляют пиджаки, рубашки, галстуки, выпрямляют тело, двигают вверх-вниз подбородком, желая лучше себя подать.

Мальчики младшего и среднего школьного возраста, выражая, по-видимому, этим свою силу, независимость и «взрослость», держат руки в карманах, высоко поднимают голову в гордой позе. Они выказывают пренебрежение и отсутствие интереса к «девчонкам», демонстративно от них отворачиваясь или становясь вполоборота, когда те к ним подходят, но вместе с тем мальчики сами тоже часто пристают к знакомым девочкам, причем большей частью воинственно и агрессивно. Делают это они, как правило, невербально: в школе во время перемены или на улице толкают девочек, задевают, ставят подножки, ударяют рукой или книжкой. С незнакомыми девочками в школе они так себя обычно не ведут. Это происходит, видимо, потому, что на самом деле их агрессия имеет целью не нанесение ущерба, а привлечение внимания девочек и другие «благородные» цели (все это я сам неоднократно наблюдал у моих учениц младших классов на протяжении более чем 20 лет преподавания в школах и лицеях)⁹.

---

⁹ См. также замечания по поводу подростковой агрессии в Части III.

§2. Гендерные стереотипы и гендерные стили невербального коммуникативного поведения

Посмотрим теперь, как приведенный, далеко не полный список гендерных стереотипов отражается в невербальном коммуникативном поведении людей.

Очевидно, что на невербальное гендерное поведение значительное влияние оказывают этнос и культура народа. В этом отношении показательными являются, в частности, мужское и женское время и мужской и женский деревенский уклад на Руси.

По данным этнографов и культурологов-славистов у крестьян в русских деревнях выделялось женское время. Женской считалась, например, часть суток с очень раннего утра до восхода солнца, и назывался этот период времени *дóвстань, рано*. *Дóвстань* — это время, которое в различных кодах концептуализуется не как физическое время, не как монотонная последовательность, образуемая однородными, качественно похожими и движущимися одно за другим мгновениями, а как время событийное, и рассматривается под особым углом зрения. Это время имеет свой индивидуальный облик и разбивается на отдельные части, каждая со своими свойствами: все его отрезки наполнены разными видами женской деятельности, а в целом крестьянки в это время занимались прядением, ткачеством, работой по дому и уходом за скотом. Согласно В. И. Далю, на Руси существовал даже особый, «бабий» счет времени — *пряжéй*.

Распорядок дня у мужчин и женщин в деревнях тоже был разным. Утренняя деятельность людей обоего пола — *ýповод* — длилась с момента пробуждения до обеда (за исключением земледельческой поры и охоты) и протекала во дворе. Старшие мужчины и женщины раздавали задание соответственно более молодым мужчинам и женщинам. Всякому делу предшествовал *начáл* — тоекратное осенение крестом, молитва, и младшие просили у старших благословения на работу. После завтрака мужчины и женщины работали порознь и позже обедали в один-два стола, и снова по отдельности — сначала ели мужчины, затем женщины. Бывало так, что женщи-

ны, но не мужчины, ели стоя. Если же во дворе стояло два стола, то мужчины и женщины могли обедать в одно и то же время, но и тогда они были пространственно разъединены: мужчины ели за передним столом, а женщины — за задним. В некоторых областях на Руси мыть руки перед обедом можно было только мужчинам (согласно данным Смоленского этнографического словаря 1914 г.).

Подобные невербальные проявления и концептуализация времени, его возможные осмысления и типичные знаковые заполнения составляют отдельный раздел **системологии**, одной из составных частей невербальной семиотики — науки о системах объектов, каковыми люди окружают свой мир, а также о функциях и смыслах, которые эти объекты выражают в процессе коммуникации (Крейдлин 2002). В рассмотренных выше случаях семиотическому анализу могли бы быть подвергнуты утренняя деятельность крестьян разного пола на предмет выявления и типологии гендерных сходств и различий в ней или, например, отдельные культурные знаки типа предметного знака *вставоранки* — особой куриной косточки, которую молодая крестьянка носила с утра на шее или на поясе.

Дж. Уильямс и Д. Бест (Уильямс, Бест 1990а, б) изучали проявление гендерных стереотипов и в традиционных, патриархальных культурах и странах, таких как Пакистан или Нигерия, где в первую очередь подчеркиваются различия в гендерном коммуникативном поведении, и в культурах современных, таких как голландская и финская, где, наоборот, акцентируется сходство, а разница минимизируется. Вывод авторов статьи таков: в менее развитых индустриальных и более патриархальных странах больше различий в нормах поведения, определяемых культурой для гендерных ролей и их невербальной реализации, и больше неравенство полов, чем в эгалитарных и более демократических государствах.

Были выявлены — см. работу Коста и др. 2001, выполненную на материале устных рассказов людей о себе и своей жизни, — четыре категории женщин молодого (студенческого) возраста, отличающихся следующими характерными особенностями коммуникативного поведения: (1) женщины с осознанно агрессивным поведением, (2) женщины с осознанно

покорным поведением (авторы называют эту коммуникативную черту поведения «submissiveness»), (3) женщины, осознанно контролирующие диалог, тактичные и воспитанные («nurturance») и (4) женщины с обычно неосознанным, импульсивным поведением, регулируемым больше чувствами, чем мыслями. В этой работе был установлен один очень важный факт — коммуникативные стереотипы, которые прежде формулировались как единые для всех женщин вообще, сильно различаются для женщин каждой из выделенных групп.

Вообще, сегодня уже стало вполне очевидным, что разумнее говорить не о половых или гендерных стереотипных различиях, как это часто делается (см. выше), а о **разных стилях гендерного коммуникативного поведения, мужском (маскулинном) и женском (фемининном)**, и соотносить коммуникативные стереотипы не с полами, а с этими стилями. Впрочем, у женщин преобладающим, разумеется, является фемининный тип, а у мужчин — маскулинный, и это несмотря даже на то, что, как написал В. Микушевич в своей книге «Истинный эрос», «поистине глубокая мудрость заключается в древнем китайском учении о двух космических началах: Инь — женское начало, и Ян — мужское начало. И очень много верного было в том, что все страдания людей происходят от того, что нарушилось правильное соотношение Инь и Ян в человеческом организме. Потому что мужское и женское есть в каждом человеке. В мужчине есть женское, в женщине есть мужское, и соотношение того и другого образует человеческую личность»¹⁰. 'Маскулинность' и 'фемининность' при таком понимании будут значениями признака «гендер», определяющими гендерные роли и действия участников диалога.

Введение понятия гендерного невербального стиля дает возможность оценивать отдельные жесты и целые стили невербального поведения как (более) женские и, соответственно, (более) мужские независимо от того, каков в действительности пол человека, исполняющего данный жест или придерживающегося данного стиля поведения. Больше того, для ряда

---

¹⁰ По этой причине я далее часто буду говорить просто о поведении женщин и мужчин.

культур уже составлены специальные таблицы соответствующих форм и типов мужского и женского поведения, присущих носителям данной культуры (см., например, Барлоу и др. 1979; Перкинс 1986).

Важным для изучения невербальных гендерных стереотипов является исчисление ситуаций, жанров и типов дискурса, в которых эти стереотипы проявляются особенно ярко (реклама, интервью, семейные ссоры, презентации, диспуты, переговоры и т. п.). Например, в переговорах состязание, если не «война», полов достигает апогея. Согласно бытующему гендерному стереотипу, женщины тут более кооперативные и коллаборативные, т. е. более склонны к сотрудничеству, чем мужчины, а мужчины более уверенные, решительные и требовательные. Между тем эмпирические **невербальные данные**, например по переговорам, этому стереотипу противоречат. Объяснение противоречия мне представляется очевидным: дело вовсе не в полах, а в типе дискурса, в чертах характера и стилях поведения его участников. Приятный внешний вид и такие черты характера, как спокойствие, расчетливость, уверенность, решительность, конструктивность, надежность и интеллигентность, их проявление в манерах поведения и в отдельных жестах благоприятствуют успешным переговорам. Напротив, слабость, излишняя эмоциональность, умиротворенность, отсутствие рациональной и доказательной аргументации и колебание в принятии решений — всё это отрицательные черты при ведении переговоров. Способность сидеть уверенно за столом переговоров, твердыми жестами и паразыковыми единицами иллюстрировать изложение содержания вопроса (см. большое число иллюстративных жестов, сопровождающих словесное выражение мысли, правильно расставленные кинетические ударения и паузы), смотреть при этом собеседнику в глаза, серьезно, а где нужно, и мягко, с улыбкой, разговаривать с собеседником уверенным голосом, проявляя голосом заинтересованность в успешном их завершении, и еще очень многие жестовые реализации намеченных стратегических линий поведения и тактик переговоров — это и есть нормативные невербальные проявления деловых и чисто человеческих качеств, способствующих достижению успеха.

Для анализа дискурса, как мне кажется, весьма полезно и удобно ввести новое понятие — «**угрожающие стереотипы поведения**». Угрожающие стереотипы поведения — это устойчивые представления, установки и нормы, которые могут помешать ведению нормального диалога, достижению намеченных коммуникативных целей или реализации определенных установок.

Правильное понимание прагматики дискурса, включающее заботу и беспокойство личности о самоидентификации и презентации, умение отбросить в сторону традиционные негативные и угрожающие диалогу стереотипы или стереотипы, которые мешают достижению цели, выбору общей стратегии, плана и конкретных вербальных и невербальных тактик, — залог и необходимое условие коммуникативной удачи дискурса. Укрепить существующий стереотип или разбить его, использовать стереотип в своих корыстных целях, «добавить» еще стереотипов — это основные модули линий поведения человека в дискурсе (о других стратегиях ведения дискурса см., например, Кибрик 2003).

Известны два крупных типа коммуникативного поведения — поведение, ориентированное на содержание разговора (знание, компетенцию), и поведение, направленное на прагматику разговора, прежде всего на адресата (доминанцию/подчинение). Было показано, что невербальные признаки, характерные для первого типа поведения, не свойственны второму, и наоборот. Поведение, считающееся доминантным, обычно оценивается людьми как контролирующее, угрожающее, враждебное, воинственное, вызывающее стресс, а поведение подчиненное, покорное или послушное — как тревожное и боязливое, беспомощное, примирительное, успокаивающее. С доминацией одного из участников коммуникации коррелирует его свободное и асимметричное поведение. Доминация в русском языке тела выражается (а) жестами, нарушающими личное пространство адресата, в частности направленными на диалогического партнера дейктическими жестами, (б) параязыковыми единицами, например громким или сердитым голосом, (в) взглядами и жестами глаз, например прямым взглядом в глаза или контактом глаз (о русском языке глаз см. Крейдлин 2002),

(г) позами, в частности сидячей позой «вперед нагнувшись», (д) мимическими выражениями лица, например напряженным лицом с опущенными бровями. Смысл покорности передается нервными жестами рук (например, сжатыми и трясущимися руками), тихим, дрожащим голосом, тяжело опускающимся на стул телом, глазной контакт слабый, для речи характерны запинки, hesitation. А вот, например, такие жестовые единицы, как прямая стойка или прямая голова, передают знание и уверенность, но не покорность.

Между тем для женского стиля поведения высокий уровень компетентности, отражающийся в речевых характеристиках, но при этом сочетающийся с типичными невербальными знаками субординации (например, в диалоге женщины более низкого социального положения со своим начальником), может оказаться недостаточным для успешного достижения коммуникативных целей. Жизненная практика доказывает, что такое поведение, например, в деловом общении, не столь эффективно, как уверенное мужское, даже если женщина обладает большими знаниями и опытом. Ей приходится использовать особые жестовые ключи и особые параязыковые знаки — раскованное положение тела, улыбки, наклоны корпуса в сторону адресата, сравнительно высокий, но не постоянный контакт глаз, неназойливые, недокучливые и ненавязчивые жесты, паузы, голосовые фонации. Для женщины, участвующей в деловом общении и желающей извлечь из него максимальную для себя пользу, осознанное и внимательное отношение к невербальному поведению, своему и партнера, является, по всей видимости, обязательным.

Сегодня нам хорошо известны многие особенности мужской и женской русской речи. Так, еще в ранних работах группы под руководством Е. А. Земской, в частности в Земская и др. 1990, было показано, что женщина обычно говорит «слабым стилем», широко пользуясь вопросами с «не так ли», косвенными формами вопросов, модальными конструкциями, оценками (может быть, здесь стоило бы уточнить, что эти оценки чаще всего бывают этическими и эстетическими) и квалификаторами. В тех же работах, однако, подчеркивается и то, что между мужской и женской речью нет резкой, непроходи-

мой границы, а есть лишь тенденции употребления, т. е. существуют лишь типические черты той или иной речи (я бы сказал: типические черты речевого и, добавлю сюда, невербального стиля поведения).

Гендерные различия сложным образом комбинируются с различиями по возрасту, профессии, образованию, месту рождения и жительства, цели коммуникации и др. У женщин образованных, являющихся носителями русского литературного языка, больше фатического контакта, т. е. когда целью является само общение и контакт (поэтому, дополню, их реплики сопровождаются большим количеством регулятивных жестов). По мнению авторов указанной выше статьи, именно преобладанием фатики, фатических компонентов коммуникации поддерживается устойчивый миф, что женщины говорят больше, чем мужчины. Женщины, кроме того, легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации, проявляют большую психологическую подвижность и гибкость. Как следствие, типичным для них является включение в разговор или беседу совсем «посторонних» тем, не связанных с ситуацией, которую порождают обстановка речи, действия говорящих и подобные факторы (конечно, речь идет о неофициальных сферах общения). Сказанное накладывает отпечаток на стратегию и тактику речевого и невербального ведения диалога у женщины. Что касается речевого поведения, то в работе Земская и др. 1990 отмечается следующие его признаки: отвлечение на «посторонние» темы, высокая ассоциативность речи, что порождает своеобразие тематического развития акта общения (например, соскальзывание с темы беседы), психологическая настроенность на беседу.

У мужчин отмечены как более выраженные внимание к основной теме беседы, погруженность в ход собственных мыслей и мыслей собеседника, и говорится, что «им до известной степени присуща психологическая глухота». О специфике ориентации в жизненном пространстве мужчин и женщин свидетельствуют также разные средства экспрессивности, как вербальные, так и невербальные. Авторы указывают на большую эмоциональность речи у женщин (высокая концентрация на участке текста экспрессивно-эмоциональной лексики) и наличие эмоционально окрашенных любимых тематических и семан-

тических полей. Типично женские фразы — это *Устала, как не знаю кто; Надоело все, как это самое; Себя ругаю, как не знаю что* (сравнительные конструкции с местоименными словами, основная функция которых состоит в выражении интенсивной нерасчлененной отрицательной оценки). В мужской речи чаще встречается стилистически нейтральная оценочная лексика. Мужчины сдержаннее в выражении отрицательной оценки, но используют «инвертированную» оценку, т. е. отрицательно-оценочную и бранную лексику для выражения похвалы, восхищения и иной положительной оценки (*Вот, собака (сука, сволочь), как чешет; Смотри, подлец, что делает*).

В работах по гендерной лингвистике, однако, ничего не говорится о том, как согласуется речевой код мужчин и женщин с параязыковым и жестовым кодами. Между тем, рассказывая, например, содержание какого-либо эпизода фильма, русские женщины, по имеющимся у меня данным, в пропорциональном отношении больше внимания уделяют действиям, т. е. невербальному компоненту, а мужчины — словам, т. е. компоненту вербальному. Или хорошо известен такой эксперимент (см. Холл 1979, а также Холл, Халберштадт 1980). Две группы (первая — 26 человек, вторая — 23 человека) молодых, но уже достаточно взрослых людей, в большинстве своем студентов, по двум каналам информации — аудио и видео — принимали жесты, распознавали и оценивали их исполнение. Цель эксперимента была измерить способность людей к дешифровке невербальных единиц и определить точность кодирования и передачи смыслов этими единицами. Испытуемые описывали и оценивали мимику, жесты рук, а также контекстно-свободные голосовые и тональные элементы. Предполагалось, что, заполнив некоторую анкету, они сообщат о том, как, по их мнению, происходит восприятие и декодирование невербальных знаков у женщин и как у мужчин. Эта анкета предусматривала оценку качества распознавания мужчинами и женщинами эмоционального, когнитивного и иных выражаемых значений, а также определение влияния на восприятие невербальных кодов ряда факторов, таких как степень дружелюбия, с которым исполнялся тот или иной невербальный элемент, истинность или ложность жестового и голосового выражений,

определение того, с хорошим ли чувством посылал их отправитель, какова природа стимулов, вызвавших у отправителя данную эмоцию.

Результаты эксперимента, полученные Дж. Холл, и выводы, сделанные ею, были такими: женщины лучше мужчин выражали свои чувства, т. е. их невербальные сообщения распознавались более точно теми испытуемыми, у которых способ передачи жестовых сообщений считался эталоном, хотя разница, в сущности, была не слишком велика. В целом женщины больше смотрели на партнера, больше улыбались и получали от мужчин больше взглядов, чем мужчины получали от женщин. Они держались с адресатами на более коротких дистанциях, но не предпринимали попыток вторгнуться в их личную сферу, старались следить за своими позами и телодвижениями, предпочитая менее широкие, более сложные и более осознанные движения и жесты, чем мужчины. Наконец, женщины меньше делали речевых и параречевых ошибок, а речевые паузы у них чаще заполнялись вокальными и жестовыми элементами. Важно и то, что женщины, при большей, чем у мужчин, экспансивности, воспринимались как менее агрессивные.

§3. Гендерные стереотипы: норма и отклонения

Прежде чем перейти к анализу гендерных особенностей людей русской культуры и возможных отклонений от невербальных гендерных стереотипов, сделаю одно замечание.

Замечание (о существующих работах по гендерной невербальной коммуникации)

Мужское и женское невербальное поведение изучалось и изучается, главным образом, специалистами в области социальной психологии и антропологии. Лингвистов, которые бы в рамках некоторой единой теории поставили перед собой и последовательно решали актуальную, но вместе с тем исключительно сложную и трудоемкую задачу выделения, характеристики и систематизации основных невербальных знаков того или иного языка тела с точки зрения их гендерных особенностей, описания морфологии, семантики и прагматики этих знаков и

построения правил их синтаксической сочетаемости с другими вербальными и невербальными знаками в устной коммуникации, я не знаю. В относительно небольшом числе известных мне обзорных работ по гендерным аспектам невербальной коммуникации, из которых выделяю Аржиль, Кук 1976; Мэйджор 1981; Фриз, Рамсей 1976; Хенли 1977; Холл 1985, не представлено ни одной (!) работы такого плана. Насколько я могу судить по тому множеству книг и статей, которые в этих обзорах отражены и с разной степенью подробности разбираются, и по трудам, не только указанным в этих обзорах, но и гораздо более поздним по времени, с которыми мне удалось познакомиться, все они лежат исключительно в русле исследований по экспериментальной психологии общения или социологии мужского и женского поведения, решающих свои задачи и ищущих психологические и социологические объяснения наблюдаемых сходств и различий в поведении полов. К сожалению, приходится констатировать, что в этих работах превалируют мало что объясняющие и не стимулирующие рассуждения, в которых различия в гендерном коммуникативном поведении связываются напрямую с различиями в статусе мужчин и женщин и с положением женщин в обществе. Отсутствие за большинством этих работ каких-либо внятных, продуманных теоретических концепций и даже аналитического разбора других научных источников с потенциальными альтернативными данными и альтернативными теоретическими обоснованиями, наличие в этих работах плохо обоснованных рабочих гипотез, которые в силу этого непонятно зачем проверяются, но чаще всего успешно подтверждаются (как правило, на небольшом и уже хотя бы по этой причине статистически недостоверном материале), некорректные с методологической точки зрения, а иногда выглядящие как прямая подтасовка постановка экспериментов и условия их проведения, — все это, увы, типично для работ в области гендерной невербальной коммуникации. На ряд таких моментов обращено внимание и авторов некоторых из перечисленных мной обзоров, ср., например: «One prevalent interpretation (of sex differences) ties sex differences in nonverbal behavior to differences in the sexes' power and status in society. Nancy Henley... has been the major theorist in this tradition.

Many other writers either have cited her theory or have fitted their findings into her framework without always mentioning other possible explanations. When authors are theoretically committed, selective literature reviews are particularly problematic because of the danger that only those studies that fit a theory best will be cited» 'Одна из широко распространенных интерпретаций половых различий связывает их с различиями в доминации одного пола над другим и в общественном статусе. Главным теоретиком этого направления является Нэнси Хенли... Многие другие авторы либо ссылались на ее теоретические положения, либо приспособляли под эту теорию свои наблюдения и открытия, не упоминая при этом какие-либо другие возможные объяснения. Когда исследователь догматично следует одной-единственной теории, качество и ценность обзора литературы, который он делает, становятся весьма сомнительными из-за опасности селективного отбора им только тех работ, которые наилучшим образом соответствуют этой теории' (Холл 1985, с. 196).

Я по мере своих сил старался избежать перечисленных недостатков. Если мне это хоть в какой-то мере удалось, то этому способствовали:

(1) более широкий теоретический, методологический и литературный контекст, в который погружена настоящая книга. Этим контекстом является наука **невербальная семиотика**, основанная на едином **семиотическом подходе** к исследованию невербальных и вербальных средств поведения людей в коммуникативном акте. Я полагаю, что только в рамках такого подхода невербальное коммуникативное поведение человека, и в частности гендерная традиция, могут получить максимально многостороннее и адекватное объяснение. В конечном счете и книга Крейдлин 2002, и настоящая работа, которую можно считать в каком-то смысле продолжением первой, обе нацелены на решение одной проблемы — интегрального описания основных подсистем невербальной семиотики на базе единой научной идеологии и общих концептуальных и методологических установок в их соотношении друг с другом и с естественным языком;

(2) поиск понятийно и терминологически адекватного семантического языка для описания семиотических фактов, относящихся к телесному знаковому поведению человека;

(3) твердая убежденность в том, что многие проблемы гендерной невербальной семиотики и гендерной лингвистики можно решить только в рамках комплексного анализа, учитывающего основные результаты различных наук и решающего, среди прочих, следующие задачи:

- (а) осмысление общих программ и способов гендерного семиотического поведения;
- (б) выявление невербальных коррелятов значений, которые передаются в процессе коммуникации, описание различных моделей и построение грамматики гендерного невербального диалогического поведения и
- (в) описание способов отображения невербального поведения человека и элементов невербального языка в литературных и изобразительных текстах.

* * *

Выполненный анализ мужских и женских стереотипов и стилевых различий русского невербального диалогического поведения, а также сведения, почерпнутые из специальной литературы о невербальном гендерном поведении представителей ряда других культур, позволяют указать на некоторые важные для русской культуры (по большей части культурно-специфичные) невербальные коммуникативные стереотипы и разновидности межкультурных невербальных гендерных различий¹¹.

А. Параязыковое поведение

Приведу сначала несколько примеров гендерных характеристик, которые относятся к основному объекту лингвистики

---

¹¹ Некоторые из рассматриваемых ниже примеров уже разбирались, правда в другой связи и в другом аспекте, в книге Крейдлин 2002.

и паралингвистики — к **человеческому голосу** (подробно о голосе и его свойствах см. Крейдлин 2000). Голос обладает колоссальной силой, которая порой заключена не в том, что сказано, а в том, как это сказано. Человеческий голос, как писала М. Цветаева, «большой обаятель... Перевести фразу с голоса на мысль — осмыслить, осознать произносимое — не всегда успеваешь: плывешь по голосу. Голос — и чувство в ответ, вне промежутка слов... Бессмысленное а-а-а-а, о-о-о-о может целую толпу повергнуть в прах, повести на приступ. Равно как — при голосовой несостоятельности — ни Шекспиру, ни Расину не помочь. (Голос здесь не только как горло, но и как разум.)».

1. Женщины между собой часто говорят «о своем», а потому негромким голосом. Вообще, если нет заведомо конфликтной ситуации, то разговор между «своими» всегда происходит тише, чем с «не-своими». Введение «чужого» — это расширение социального и, метонимически, физического пространства, а потому оно требует и большей громкости, и большей эксплицитности.

Голоса и голосовое поведение женщин существенно отличаются от голосов и голосового поведения мужчин. Достаточно упомянуть особые мужские и женские голоса, различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций или, скажем, такое невербальное интерактивное поведение, как молчание у некоторых народов, населяющих Австралию, например варлпири, которое закреплено за вдовами, но не за вдовцами.

Мужские голоса благодаря (в норме) большому, чем у женщин, размерам гортани и голосовых связок противопоставлены женским, причем сказанное относится сразу к двум основным типам голосов — к **речевому** и **музыкальному**, или **певческому**, **голосу** (см. подробно об этом Крейдлин 2000; 2002). Музыкальные голоса имеют особые обозначения, связанные с различиями их обладателей по полу и по возрасту. Так, взрослые певческие мужские голоса — это низкий (*бас*), средний (*баритон*) и высокий (*тенор*). У женщин в норме голос выше, что связано с особенностями строения их голосовых связок (у обладателей высоких голосов они тоньше и короче) и уровнем

гормонов в крови. Среди женских голосов различаются *альт*, *контральто*, *сопрано*, *меццо-сопрано* и *колоратурное сопрано*. Музыкальные голоса определяются свойствами, связанными с **пением**, например с качеством и объемом голоса (см. такие слова и сочетания, как *сфальшивить*, *напрягать голос*, *диапазон голоса*, *объемный голос*, *чистый голос*, *владеть голосом*, *управлять голосом* и др.) или с **оценочными эстетическими характеристиками голоса** (*хороший голос*, *плохой голос*, *удивительный голос*, *безобразный голос*, *замечательный голос*). Речевые голоса характеризуются признаками, связанными с артикуляцией звуков и звуковыми особенностями актуальной коммуникации, ср. *фальшивый голос* — только речевой, в отличие от глагола *фальшивить*, который может указывать и на пение.

У речевых и музыкальных голосов в каждом естественном языке и каждом языке тела имеются отличительные гендерные проявления. Например, русское слово *бас* 'результат мутации голоса как проявление взрослости человека мужского пола' является обозначением не только музыкального голоса, но и речевого, ср. *Петя уже говорит басом*; *Смотри-ка, у него уже бас!* А слово *сопрано*, например, в аналогичных контекстах не употребляется.

В языковой картине мира мужчины в норме говорят низкими голосами, а женщины — высокими. *Бас* как обозначение очень низкого речевого голоса присущ мужчинам, и лишь окказионально — для указания на сходство женского голоса с мужским — может приписываться в речевом контексте женщинам: *Она произнесла эти слова дрогнувшим голосом, а затем низким голосом, почти басом спросила: «Ты в Москве?»* (В. Попов).

Что касается речевых голосов, то помимо гендерных различий в физических манифестациях большой интерес представляет их различная концептуализация и оценка в разных языках и культурах. Такой голос, как *грудной*, свойствен, например, русским женщинам, но не мужчинам, а его английское и немецкое соответствия *rich voice* и *tiefe Stimme* совсем не обязательно обозначают женские голоса. *Бабий голос*, как и *отецкий тон*, присущ только мужчинам: как недопустимо *Он

сказал это голосом, так плохо и *Он сказал это мужским голосом, если он — ‘мужчина’ (при абсолютно нормальном Он сказал это бабьим голосом). В ремагической позиции здесь должны быть представлены признаки, не соответствующие семантике субъекта, например: Она сказала это низким мужским голосом. В то же время, насколько мне известно, соответствий бабьему голосу как обозначению голоса мужчины в немецком и английском языках вообще нет.

Выступая в роли субъекта, сочетания женский голос и мужской голос в нормальной ситуации однозначно указывают на пол говорящего; см. Неожиданно послышались шаги и голоса. Кто-то шел по тропинке к пасеке. — Душно! — сказал женский голос. — Как, по-вашему, будет дождь или нет? — Будет, моя прелесть, но не раньше ночи, — ответил томно очень знакомый мужской голос (А. Чехов). Между тем определение человеческий при слове голос подчеркивает не безразличие к выбору половых характеристик, а либо отражает переход от необычных характеристик к нормальным: Вот теперь я слышу человеческий голос (В. Драгунский. Денискины рассказы), либо отмечает интимную речь, появление «теплоты в голосе»: И сказал истопник человеческим голосом (Р. Зеленая. Устные рассказы).

2. Голосовые гендерные манифестации имеют место и во многих других языках и семиотических кодах. Так, Д. Эфрон (Эфрон 1941/1972, с. 71, 180) пишет, что в языке идиш «существует особая вокальная модуляция слова *пи*, которое в речи обычно произносится с вопросительной интонацией (ср. русское *Ну?* — Г. К.) и сопровождается особым жестовым движением, мелким по объему, вопросительным по своему характеру и имеющим довольно замысловатую извилистую траекторию». Подобная комбинация из паралингвистического и жестового элементов характерна прежде всего для мужского подъязыка идиш. А в языке лакота североамериканских индейцев (это диалект тетон языка дакота, языковая группа сиу) существует особое женское междометие *ya* [йа:], являющееся возгласом страха, а мужской возглас страха отсутствует. В ситуации, когда мужчина лакота мог бы испытывать страх, он

часто пользуется выражением *һпа-һпа* [хнахна'], имитируя ворчание медведя гризли. Лицо его при этом принимает совершенно особое выражение, и таким комбинированным — вербальным и невербальным — способом мужчина лакота сам себя подбадривает. У народа селькупов же, по данным О. А. Казакевич, опиравшейся на материал, представленный в селькупских фольклорных текстах, обнаруживается минимальный набор из четырех основных эмоций — гнева, страха, радости и печали, «причем если гнев и страх непосредственно называются, то для передачи печали и радости используется описание их внешних проявлений» (Казакевич 1999, с. 275). У селькупов сердятся и гневаятся обычно мужчины, это их привилегия, тогда как женщинам сердиться не пристало. А вот страху в одинаковой мере подвержены и мужчины, и женщины. Интересно, что знаковым выражением грусти, печали и страха у селькупов является плач, а вот как выражение радости плач почти не используется.

3. У мужчин разных культур тембр голоса, как правило, более низкий, чем у женщин; у стариков в норме голос тише, чем у молодых, а речь более медленная.

4. У людей, находящихся в состоянии явно выраженной депрессии, интонация однообразная, а речь монотонная; у человека в состоянии крайнего волнения — причем у женщин это проявляется в большей мере, чем у мужчин, — под влиянием эмоционального воздействия голос в разговоре дрожит, часто становится громче обычного, доходит до крика и, как говорят по-русски, *срывается* или *рвется*. Кроме того, по данным работы Ньюман, Мавер 1938 речь у мужчин и женщин в состоянии депрессии отличается от обычной речи своими резонансными характеристиками и пониженным темпом.

5. Изменения в возрасте параллельны изменениям голоса, причем у мужчин и женщин эти изменения выражаются по-разному, ср. *Я вдруг ясно почувствовал, что голос его изменился, превратился в старческий* (В. Набоков). В этом предложении прилагательное *старческий* описывает возрастные изменения и выступает в прямом, а не в сопоставительно-

сравнительном значении 'как у старого человека'. Интересно, что слово *старушечий* в аналогичных ситуациях еще указывает и на пол говорящего, в то время как пол человека, произносящего фразы *старческим голосом*, определяется только по контексту.

6. Теперь я рассмотрю степень участия в паралингвистических актах мужчин и женщин небольшого числа русских согласных различной фонетической природы.

Начну с фрикативных звуков, которые часто встречаются в русской маскулинной параязыковой коммуникации. При их произнесении важно движение воздуха при выходе. Звуки [s] и [sh(s)] типичны при сипении, свисте и шиканье, однако значение и назначение свиста, сипения и шика не являются культурно универсальными. Так, русские свист и шиканье являются знаками «неодобрения» и «презрения»; их используют мужчины, когда нечто «отвергают» или «отклоняют» (смысл 'резкое неприятие'); между тем в японской культуре свист является знаком благородного и великодушного одобрения, а в американской, по крайней мере молодежной, культуре — это просто знак одобрения, свойственный и мужчинам, и женщинам. Семантика свиста, как мы видим, не универсальна, а культурно и национально специфична и сложным образом распределена по полам.

Звука фырканья [pf] как отдельного в русской фонетической системе нет, но как параязыковое средство он используется довольно часто для выражения неудовольствия (или, быть может, резкого неудовольствия), причем, по моим наблюдениям, чаще женщинами, или для снятия тяжелого напряжения (сопровождается характерным выдохом) — а с этой целью его у нас произносят чаще мужчины.

Звук [shhh] означает 'тише', 'успокойся' и является параязыковым аналогом слова *тише*. Этот звук не имеет отчетливо выраженного распределения по гендерным стилям, равно как и назальные звуки [m] и [n], которые встречаются при вздохе сожаления, выражении колебания и восторга (ср., например, *мммм!* означает 'очень хорошо' или, точнее, 'так хорошо, что не выскажешь'). Трель [brrr], которая передает

чувство дрожи от холода и, вследствие метонимического переноса, 'чувство большого неудовольствия' (т. е. произносящий этот звук человек испытывает неприятное чувство, какое бывает, когда люди мерзнут), свойственна русскому мужскому стилю параязыкового поведения. Интересно, что в языке Панамских Запотеко в Мексике, а также — по данным книги Кей 1975 — в языке индейцев Пакас Нова в Бразилии на границе с Боливией билабиальная трель входит в соответствующие фонетические системы.

Билабиальный щелчок, звук гораздо более известный у нас под названием *звук поцелуя*, как элемент языковой структуры не представлен ни в одной из известных на сегодняшний день фонетических систем. Англичане-лингвисты шутят, что альвеолярный щелчок, представляемый на письме как *tsk-tsk*, заставляет собак подойти, латеральный (боковой) (для него нет стандартной записи — вместо нее в английском используется языковая единица *giddyap*) заставляет лошадей идти, а губной — девушек стоять.

Б. Жестовое поведение

Среди бытовых знаковых форм кинетического поведения — **жестов**, или **кинем**¹², в широком, родовом понимании этих слов выделяются пять подклассов: **собственно жесты** — **жесты рук, ног и головы, выражения лица (мимика), позы, телодвижения и манеры**. Под манерами я понимаю **социально обусловленные ритуализованные формы поведения, приспособленные к определенным ситуациям**. Так, можно говорить о манерах поведения за столом во время еды, манерах поведения в гостях или на официальных приемах, об этикетных манерах разговорного общения, о формах приветствия. В отличие от остальных жестов манеры — это **комплексные динамические знаковые формы**, их знание приобретает как в опыте общественной жизни, так и в специальном обучении,

---

¹² Термин «кинема» был предложен основателем кинесики Р. Бирдвистелом в его книге Бирдвистел 1952. Термины *кинема* и *жест* являются синонимами.

вызванном необходимостью для человека соблюдать определенные социальные и моральные нормы.

Обычно на мужские и женские жесты, манеры и стили поведения мы обращаем внимание с первых же минут знакомства с человеком. Неудивительно, что их описаниями насыщены литературные произведения разного времени и на самых разных языках, ведь они существенно дополняют речевые портреты героев:

(8) Пнин в тенниске, с улыбкой Джоконды на устах, демонстрирует жесты, лежащие в основе таких русских глаголов, как «махнуть», «всплеснуть», «развести»: рука роняется, как бы смахивая усталую уступку; две руки театрально распахиваются в изумленном отчаянии; «разъединительный» жест — ладони разъезжаются в знак беспомощной покорности (В. Набоков. Пнин);

(9) Юлиус не произнес ни слова. Он даже не потрепал меня по руке. Это вообще был человек без жестов. Он садился в машину, выходил из нее, закуривал сигарету, надевал пальто — ни неловко, ни изящно — никак. А поскольку меня всегда подкупали в людях именно жесты — манера двигаться или сохранять неподвижность, — то мне казалось, что рядом со мной манекен или калек (Ф. Саган. Неясный профиль);

(10) Над ним еще, казалось, как-то витала тишина старинного замка и благочестивых занятий. При ходьбе он делал мягкие, гибкие движения, с тем немного робким стремлением сжаться, стать уже, которое связано с привычкой шагать прямой походкой через пустынные анфилады, где другой, кажется, наткнется на невидимые углы пустого пространства (Р. Музиль. Душевные смуты воспитанника Терлеса);

(11) Увидев мистера Сэвиджа, я прежде всего заметил галстук, видимо, представлявший какое-то старое товарищество. Потом я подумал, как чисто он выбрит, даже чуть-чуть припудрен; потом обратил внимание на его лоб с залысинами, так и сверкавший сочувствием, пониманием, желанием принести пользу. Когда он здоровался со мной, он как-то странно пожал мне руку. Наверное, он был масон, и если бы я тоже так пожал, он бы обращался со мной иначе (Г. Грин. Конец одного романа).

* * *

Замечание (о семиотических классах жестов)

Среди кинем выделяются три основных семиотических класса: (а) кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста, (б) кинемы, выделяющие и сопровождающие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, и (в) кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, т. е. устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию.

Кинемы первого класса называются **эмблематическими**, или **эмблемами**. Большинство эмблем в пределах данного жестового языка автономны в речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее.

С семантической точки зрения все эмблемы распадаются на два крупных подкласса — **коммуникативные** и **симптоматические эмблемы** (см. о них подробно в Крейдлин 2002). К коммуникативным эмблемам относятся эмблемы, несущие информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передает адресату. Самый большой по объему класс коммуникативных жестов образуют **коммуникативно нейтральные жесты** (иначе, **общие**, или **общекommunikативные, жесты**), остальные два подкласса коммуникативных жестов — это **указательные** (иначе, **дейктические**) **коммуникативные жесты** и **этикетные коммуникативные жесты**. К русским коммуникативным эмблемам принадлежат такие единицы, как **склонить голову, приложить палец к губам, подмигнуть, покачать головой, погрозить кулаком, покрутить**

пальцем у виска, отвернуться, постучать рукой по лбу, похлопать рукой по животу¹³ и др.

Симптоматические эмблематические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Означаемым всех симптоматических эмблем является эмоция, а не ее физиологическое проявление (т. е., например, горе, а не слезы). Примерами русских симптоматических эмблематических жестов являются: **прикрыть рот рукой (от изумления), кусать губы, барабанить пальцами по столу, привстать со стула, делать большие (круглые, страшные) глаза, топнуть ногой.**

Как можно судить даже по названиям коммуникативных и симптоматических эмблем, не вдаваясь в детальный семантический анализ, в передаче их смысла принимают участие не только собственно конфигурация органа, но также расположение и ориентация органа, тип его движения и др.

Второй вид жестов получил название **иллюстративных жестов**, или **иллюстраторов**, а третий — **регулятивных жестов**, или **регуляторов**. Иллюстраторы по своей природе не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребляются отдельно от него. Примерами иллюстративных жестов служат русские невербальные единицы **легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его, чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса и раскрытые руки в направлении ладонями вверх и слегка наклоненные к адресату.** Последняя жестовая форма, например, показывает, что жестикулирующий намеревается сразу же вслед за исполнением данного жеста ввести в свою речь новую тему сообщения. В коммуникативном акте данный жест всегда выступает вместе со словами *А теперь...*; *⟨А⟩ вот сейчас...* и т. п.

Многие слова и даже целые высказывания русского и других естественных языков «любят» определенные иллюстратив-

---

¹³ Жесты и классы жестов здесь и далее обозначаются прямым жирным шрифтом, а их языковые номинации (названия), как и все другие естественноречевые употребления, выделены курсивом. Если жест не имеет стандартной общепринятой в языковом коллективе номинации, то он заключается в кавычки.

ные кинемы, например мелкие движения головой, глазами, руками, пальцами, а также наклоны, вращения и др.; ср. также жест **кавычки**. Например, указательные местоимения здесь, *тут* и личные местоимения *я*, *мы* часто выступают в речи вместе с легким движением руки в направлении к говорящему, причем употребление слова *мы* и форм его косвенных падежей у мужчин чаще, чем у женщин, завершается чуть заметным вращательным движением руки. Напротив, использование в речи местоимений *ты*, *вы*, *они*, *то* сопровождается иллюстраторами, отображающими движение от говорящего в сторону реального или воображаемого человека или предмета. Высказывание, выражающее изумление — *Да ну?* — в женской речи обычно сопровождается вскидыванием головы и поднятием бровей, а в мужской — только поднятием головы. Высказывание *Никогда!* у мужчин обычно сопровождается покачиванием головы и под.

Третья разновидность жестов, **регуляторы**, могут выступать в коммуникативном акте как вместе с речью, так и без нее. При этом они, как следует из их названия, выполняют регулятивную функцию, в частности фатическую функцию поддержания общения. Примерами русских регулятивных жестов являются **кивок**, **(периодическое) открывание и закрывание глаз** (мимический аналог **кивка**), **покачивание головой**.

1. Гендерные различия в употреблении эмблематических жестов рук, ног и головы особенно заметны. Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же невербальных знаков, противопоставленными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, выражая смысл 'смущение', русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей. Плохое настроение у женщины выдают, например, **сжатые губы** с опущенными уголками, отсутствие **нормальной улыбки** и наличие **кривой** (о формах, смыслах и назначении русских улыбок см. Крейдлин 2002), а хорошее — **чуть приоткрытые**

губы с приподнятыми уголками, на лице появляется **приветливая** или **добрая улыбка**.

В случае умственного затруднения или недоумения мужчины разных географических и культурных регионов ведут себя по-разному: потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи. Находящиеся в тех же самых интеллектуальных и психологических состояниях женщины пользуются совсем другими жестами, например, они, «несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку» (Монтегю 1971, с. 208). Китайские мужчины, приветствуя другого на расстоянии, машут обычно вытянутой рукой, что китайским женщинам несвойственно: выполняя то же движение, они держат руку близко к телу (Стефенсон и др. 1993, с. 237—238).

2. Во всех выделенных семиотических классах жестов имеются жесты, которые являются общими для мужчин и женщин и которых во всех исследованных языках жестов, разумеется, большинство: мужские жесты, т. е. те, которые соответствуют мужскому стилю невербального поведения, и женские жесты, соответствующие женскому стилю.

Замечание (о классификации жестов по признаку «гендер»)

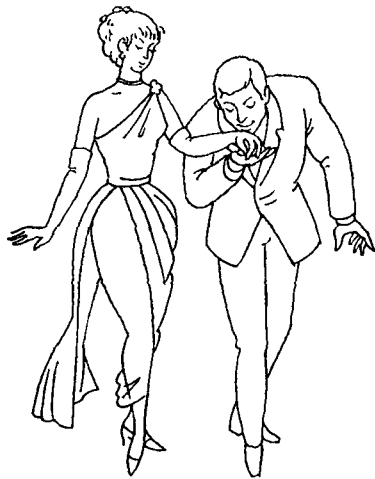
На самом деле эту маленькую классификацию следовало бы продолжить и выделить как отдельные следующие классы: мужские жесты, применяемые к адресату любого пола, мужские жесты, применяемые по отношению к женщине, мужские жесты, употребляемые по отношению к мужчине, женские жесты — применительно к мужчине и т. д. Я этого, однако, делать не буду, а в случае необходимости при рассмотрении отдельных примеров буду указывать, к какому из классов данный жест принадлежит.

В каждом из известных мне языков жестов существуют типичные мужские позы, жесты рук и головы, манеры и походки. Мужскими являются, например, такие русские позы и жесты, как **сидеть, развалиясь в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть**

кулаком по столу. Жесты воинов, наказаний, невербальные жесты-инвективы, различные обценные жесты обычно мужские и агрессивные. Примерами русских мужских жестов служат также

(а) обращенный к женщине жест **целовать (женщине) руки**, см. (12):

(12) Она (Анна Сниткина) испугалась, что он убьет ее, и залилась слезами. Тогда только Федор Михайлович (Достоевский) опомнился, стал целовать ей руки, сам заплакал и признался в чудовищной ревности (А. Казакевич. Секс и Федор Достоевский);

(б) адресованный мужчине иконический знак, изображающий контур женской фигуры, или

(в) весьма распространенный жест, о котором еще пойдет речь ниже, **поцелуй кончиков пальцев.**

Мужскими являются эмблемы **погладить бороду** и — для тех мужчин, у которых нет бороды, — **потирать челюсть (подбородок)**, ср. (13):

(13) *А теперь что, босс?* — спросила она. — *Я думаю об этом, — сказал я и потер челюсть, дабы доказать это* (Г. Гаррисон. Крыса из нержавеющей стали).

Многие русские **бытовые поклоны**, особенно их усеченная, редуцированная разновидность **кивки**, тоже свойственны мужчинам. Согласно существующим правилам этикета мужчина кланяется знакомой или только что представленной ему женщине; молодой мужчина кланяется человеку более пожилого возраста. Прежде, совершая **поклон**, мужчины снимали или приподнимали головной убор и держали его в руке во время исполнения жеста.

Сопутствующий жест **снятие головного убора** в качестве этикетного был распространен главным образом в Европе у православных; мусульмане и иудеи, например, голову специально не обнажали. Что же касается «женского стандарта», то еще в прошлом веке «сохранялся устойчивый запрет выходить женщине из дому с непокрытой головой. Причем этот запрет существовал и там, где мужчины обнажали голову, и там, где не обнажали» (Байбурин, Топорков 1990, с. 86).

В истории культуры головной убор вообще наделяется особыми символическими свойствами. В частности, отсутствие на голове у мужчины шапки являлось признаком социальной неполноценности или некоторого особого состояния человека, а снять шапку означало проявить уважение или сделать себя ниже того человека, которому адресуется этот жест. Сегодняшние правила этикета, касающиеся снятия головных уборов при поклоне, не являются столь строгими, как раньше: например, мужчине при исполнении поклона снимать шляпу не считается обязательным. А женщины головного убора или платка при поклонах и раньше обычно не снимали и сейчас не снимают (возможно, это связано с тем, что в целом ряде культур, в частности славянских, непокрытые женские волосы связываются с неприличным поведением и грехом). Не случайно в православной церкви мужчина должен обязательно находиться с непокрытой головой, а женщина, наоборот, должна быть всегда с покрытой головой (Крейдлин, Морозова 2004, с. 45).

Не меньше мужских жестов и в других культурах и странах. Один из самых известных мужских обидных жестов в Греции — это **moutza**, англ. **hand push** — выдвигание вперед открытой в сторону адресата ладони подобно русскому жесту «стоп». Эта кинема восходит к временам античности, когда грязь и фекалии бросали в лицо военнопленным в знак оскорбления. Между тем в Западной Африке мужской жест такой же формы означает буквально 'ты мог бы иметь любого из пяти отцов' и тоже является оскорбительным — фактически он выражает идею 'ты ублюдок'. В Индонезии и Австралии **манят пальцем** только мужчины, и только обращаясь к «женщинам ночи». В США мужчина, имитирующий рукой движение совка или экскаватора, символически показывает, что говорящий

сейчас говорит чепуху, за ним, так сказать, «приходится убирать много навоза». У евреев, если мужчина **указывает пальцем на (свою) ладонь**, то этим он метафорически говорит собеседнику примерно следующее: «Скорее на моей руке вырастет трава, чем то, что я слышу от тебя, окажется или является правдой». Что касается походок, то мужской является, например, особая походка монгольских стариков — **идти, держась за крестец, идти руки за спиной** (по данным книги Жуковская 1990 это разные варианты номинаций одного жеста, распространенные в разных частях Монголии). Взрослый мужчина приобретал право на такую походку только после смерти родителей, когда становился главой и опорой семьи; таким образом, эта походка у монголов является невербальным показателем социальной зрелости мужчины. У жителей Нидерландов сугубо мужской была поза **стоять руки в боки**. Она допускалась только среди военных, а гражданским лицам ее следовало избегать.

В Древней Греции мужчины должны были особое внимание уделять осанке. Им полагалось **ходить с высоко поднятой головой и смотреть собеседнику прямо в глаза**, в противном случае мужчину могли принять за гомосексуалиста (попутно отмечу, что женщинам и детям смотреть собеседникам в глаза не рекомендовалось, потому что этот взгляд считался нескромным и даже бесстыдным).

Существуют и гендерные различия в способах воспроизведения жестов. Так, по данным статьи «Язык жестов в Испании», опубликованной в газете «Эспаньола», печатающейся на русском языке в Испании (номер 4 (31), май-июнь 1999), испанские мужчины в отличие от испанских женщин всегда жестикулируют одной рукой, приберегая вторую для нападения или защиты. «Знатоки испанской природы, — процитирую одно место из этой статьи, — указывают, что испанец постоянно боится стать жертвой обиды или насмешки, — отсюда его легендарная вспыльчивость. Это заставляет испанца проявлять крайнюю осторожность и бдительность в жестах в те моменты, когда он не хочет ссориться».

Резкое противопоставление полов, по мнению М. Гране (Гране 2004), было главной чертой организации китайского

общества, и оно сохраняется по сей день. Вот что пишет об этом М. Гране: «В Древнем Китае мужчины и женщины противостояли наподобие двух конкурирующих цехов. Их разделял барьер цеховых и половых запретов... У каждого сообщества имелась своя модель жизни, и взаимодействие этих двух моделей определяло течение жизни общества» (с. 97).

Понятно, что у китайских мужчин и у китайских женщин были свои жесты и свои манеры поведения. Кроме того, они подчинялись разным дисциплинарным правилам и следовали разным правилам этикета. Например, в древнем Китае правители обязывали мужчин носить косички и ношение косичек считалось знаком уважения к власти. Обычай носить косички существовал вплоть до конца XIX в., почти до революции в Китае 1911 г. В те годы в стране был чрезвычайно распространен удивительный для нас мужской жест **перекидывание косичек себе на грудь**, чтобы их постоянно видеть перед собой.

Причина появления этого жеста историкам хорошо известна. Мужские волосы в Китае всё время похищали некие злоумышленники, вследствие чего мужчины старались их беречь и даже носили специальные амулеты для сохранности косичек. А на улицы Нанкина, как свидетельствуют историки, в XIX в. (!) пришлось однажды даже вывести войска, потому что среди жителей Нанкина постоянно циркулировали панические слухи о каких-то неизвестных существах, отрезающих у мужчин косички (впрочем, еще в V в. существовали разнообразные рассказы о девушках, которые таким способом похищали волосы у мужчин, а затем превращались в лис и убегали). Отсутствие у китайского мужчины косички считалось проявлением неуважения и сопротивления властям, а то и бунтом, за которыми следовало весьма суровое наказание. Поэтому обладатели косичек старались беречь и тщательно охранять их.

Замечание (о жесте поцелуй кончиков пальцев)

В древних религиях верующий, желая показать свою любовь к божеству, целовал иконы, кресты, идолов или какие-то другие религиозные символы. Невозможность приблизиться к сакральному объекту либо потому, что тот физически недосягаем, либо потому, что к нему запрещено подходить, вынуж-

дала человека переходить на «отдаленные поцелуи». Простого поцелуя губами в сторону символа было, видимо, недостаточно: нужна была мимика и жест руки в направлении объекта, дополнительно подчеркивающие выражаемые смыслы. Таково было происхождение этого вида поцелуев (см. подробно о происхождении и эволюции этого жеста в книге Бреммер, Руденбург 1991).

Точная дата рождения **поцелуя кончиками пальцев** не известна, но ему, согласно данным книги Бреммер, Руденбург 1991, более 2000 лет. Его знали древние греки и римляне, известен был он и на Ближнем Востоке в библейские времена. Установлено, что греки и римляне, мужчины и женщины, покидая соборы, исполняли этот жест по отношению к божественным образам и сакральным объектам, таким как алтари, захоронения, статуи, священные камни, а в раннем христианстве этот жест делали по отношению к кресту. В XVI в. Джованни дела Каса в своем «Наставлении по хорошим манерам» прямо пишет о жесте **поцелуй кончиков пальцев** как относящемся к торжественным службам, которые совершаются у алтаря, в адрес Всевышнего и его святых предметов. Таким образом, первоначально **поцелуй кончиков пальцев** был жестом любви и обожания с ограниченной сферой использования (религиозный контекст).

Со временем, однако, он меняет свое значение и становится жестом похвалы. Теперь **поцелуй кончиков пальцев** исполняется в адрес священников, святых людей, королей, императоров, а затем и просто всех людей, занимающих более высокое общественное положение, в качестве знака глубокого почтения к ним или благоговения перед ними, а также — уже в переносном смысле — как знак выражения лести и подхалимства. Постепенно **поцелуй кончиков пальцев** во многих культурах и странах становится жестом раболепного приветствия без сколько-нибудь самокритичного отношения к такому поведению со стороны жестикулирующего. Он превратился при этом в сугубо **мужской жест**, который в «благородном обществе» должен был в норме исполняться следующим образом. «Всегда правой рукой, которая не должна касаться рта и быть на расстоянии, чуть склоненной, ее не следует держать прямо.

Приближаясь ко рту, запястье и кисть с ладонью, сложенной в щепоть, направлены в сторону самого жестикулирующего. Указательный палец должен быть наиболее близким к губам» (цит. по книге Бреммер, Руденбург 1991). Указательный палец в принципе всегда был «броским пальцем», а потому на него мужчины часто надевали большое кольцо или перстень. Жест исполнялся одновременно с легким поклоном или реверансом.

В XVII в. **поцелуй кончиков пальцев** становится популярным, но не в своей канонической, а в редуцированной форме — это приближение руки к губам, изображение поцелуя, после чего рука совершает просто круговое движение в запястье и движется вперед в направлении адресата. В эпоху Реставрации жест был невербальным приветствием; это был напыщенный и претенциозный по своему характеру жест, составлявший наряду с изысканными поклонами часть изощренных ритуальных церемоний: в своем исследовании куртуазных манер этого (и более позднего) времени, которую она назвала «The Polite World», Джоан Уилдبلاد (Joahn Wildeblood) характеризует **поцелуй кончиков пальцев** как «смешной обычай, как отвратительную практику саму по себе, как неразборчивое употребление жеста во всех случаях жизни, особенно изобильно используемого в сопровождении титулов и пустых слов». Из-за такого отношения общественного мнения к жесту может показаться удивительным, что жест сегодня вообще сохранился. Однако причина его сохранения, как мне кажется, ясна, и она та же, какая бывает и у слов; во всяком случае, лингвистике эта причина хорошо известна. Произошел переход от формальной сферы употребления языковой единицы (здесь — единицы языка жестов) к неформальной, бытовой, а переход к новой для нее сфере употребления является для единицы одним из возможных способов оживления и сохранения.

Продолав путь от строго религиозного жеста к формально этикетному и далее к игровому и шутивому, **поцелуй кончиков пальцев** сегодня ни в одной из изученных культур не используется в «старых смыслах». Его применяют исключительно в адрес любимых или в момент похвалы хорошего (обычно красивого или вкусного). Ранее же поцелуй выражал оба смыс-

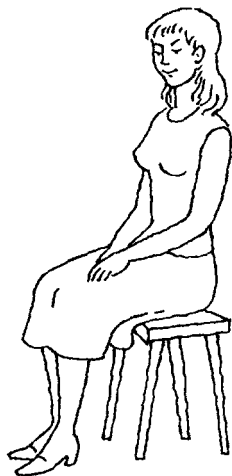
ла одновременно, поскольку использовался как приветствие в адрес почтенного человека или некоторого сакрального предмета, выражая вместе со значением приветствия значение похвалы. Затем двойное сообщение разделилось, и сегодня в большинстве областей земного шара **поцелуй кончиков пальцев** — это комплиментарный жест, почти везде исполняемый в адрес хорошеньких девушек и вкусной еды. Тем самым это жест, обращенный не столько **к** кому-то, сколько говорящий **о** чем-то третьей стороне, в то время как остальные известные мне виды поцелуев — это знаки, обращенные **к** кому-то. Это обстоятельство может служить ключом к распознаванию жеста в письменном тексте, где он прямо не назван. Так, **поцелуй кончиков пальцев** может характеризоваться в тексте при помощи прилагательных, приоритетно квалифицирующих именно этот вид поцелуев, ср., например, встретившиеся мне сочетания *хвалебный поцелуй* (Ю. Алешковский) и *похотливый поцелуй* (Л. Трахтенберг).

3. Замечательный датский лингвист О. Есперсен писал, что нет никаких сомнений в том, что «Women exercise a great and universal influence on linguistic development through their instinctive shrinking from coarse and gross expressions and their preference for refined and (in certain spheres) veiled and indirect expressions» 'Женщины оказывают большое и широко распространенное по всему миру влияние на развитие и совершенствование языка, поскольку их подсознательно воротит от применения грубых и вульгарных слов; они предпочитают пользоваться утонченными, изысканными, а (в некоторых сферах) завуалированными и косвенными языковыми выражениями' (Есперсен 1922, с. 245). Ученый указывает на присущие мужчинам сквернословие и брань, подчеркивая, что даже здесь имеются значительные межкультурные расхождения. В частности, О. Есперсен полагает, что только «в странах и обществах, где такие речевые акты приняты и даже являются обычными (common), они больше распространены у мужчин. «По крайней мере такова ситуация в Дании», — заключает он осторожно (Там же, с. 246).

Замечание (о книге О. Есперсена)

Написанная давно, книга Есперсен 1922 по меньшей мере в одном отношении является до сих пор крайне редкой, если не уникальной. Дело в том, что она написана в описательно-объяснительном ключе, в то время как большинство специалистов в области этикета до сих пор в своих произведениях склоняются исключительно к прескрипциям, т. е. к указаниям и рекомендациям, предписывающим, как людям, прежде всего женщинам, следует вести себя в обществе. Они больше любят задавать и регламентировать нормы невербального и вербального поведения, чем описывать и объяснять реально встречающиеся типы и формы поведения. В особенности это касается табуированных единиц и моделей.

Женский стиль кинетического поведения, как и мужской, тоже отражается в особых жестах, позах, походках и манерах. Русские женские жесты — это, например, **поправить волосы; чуть наклонить голову; ходить, покачивая бедрами; пощечина**¹⁴; **сидеть, сомкнув колени; сидеть коленка на коленку, поигрывая ступней** (поза молодых девушек, широко используемая в русской студенческой среде).

В связи с невербальными различиями в гендерном жестовом поведении Э. Монтегю пишет: «...возможно, самый известный в западной культуре мужской жест — это почесывание в затылке. Женщины так себя не ведут» (Монтегю 1971, с. 207). Впрочем, данное наблюдение Э. Монтегю, сделанное по отношению ко всем мужчинам и женщинам стран Запада, никак нельзя отнести ко всем культурам и ко всем ситуациям, а потому в том виде, как оно сформулировано, не является стопроцентно точным.

¹⁴ Обычно **пощечину** дает женщина мужчине (гораздо реже — женщина женщине и еще реже пощечину дает мужчина).

По-видимому, в каждой культуре есть свои, уникальные для нее женские (равно как и мужские) жесты. Так, в Китае левое согласуется со счастливым и праздничным, а потому круг употреблений китайского женского жеста **открыть** (или: **обнажить**) **левое плечо** ограничен некоторой радостной церемонией, в которой женщина принимает участие. А внешне парный ему женский жест **открыть правое плечо** означает уже совсем другое — признание себя побежденной и готовность нести наказание, т. е. значения этих женских жестов совсем разные. В Японии во времена самураев был разработан кодекс женского поведения, где женщинам рекомендовалось не терять над собой контроль даже во сне. Им предлагалось спать лежа на спине со сложенными вместе ногами и вытянутыми вдоль тела руками. В разговоре с мужчиной женщина должна была всегда улыбаться и не перечить мужчине ни словами, ни жестами. Ей настоятельно предписывалось стоять перед мужчиной скромно, чуть согнувшись в покорной и услужливой позе. Женщины англосаксонской культуры крайне редко **берут мужчину под руку**, но часто, причем пожилые люди тоже, ходят по улицам, **взявшись за руки** или **в обнимку**.

4. Существуют специальные предметы и даже основанные на их использовании специальные невербальные женские языки, призванные — в строго определенных ситуациях — служить знаком и средством общения. К таким предметам относятся, например, **цветок** и **веер**. С помощью цветов осуществлялась коммуникация между адресантом, или дарителем цветов, женщиной, и адресатом, или получательницей цветов, тогда как в коммуникации, осуществляемой при помощи веера, роли между полами распределялись в точности противоположным способом: адресантом, или носителем веера, была женщина-дама, а адресатом был мужчина-кавалер.

Символика цветов пришла в Западную Европу с Востока, где язык цветов популярен и в наши дни. Например, у арабов ветка гиацинта, подаренная мужчиной женщине, по сей день означает предполагаемое свидание: количество цветков говорит о дне свидания, а число распустившихся бутонов — о его часе. Значимыми в разных культурах могут быть самые раз-

ные признаки цветка и их сочетания. Это — тип подаренного цветка (например, может оказаться важным, является цветок розой или это тюльпан, а может быть, полевая ромашка), форма цветка (например, пышные цветы во Франции принято дарить женщине в возрасте, а цветы в бутонах обычно дарят совсем молодым девушкам), цвет (например, желтый цвет роз во многих странах считается цветом измены, красный цвет роз означает 'любовь', а, например, сочетание белой розы с голубой, по свидетельству поляков, означает у них 'мудрость' и 'воспоминание').

Веер был завезен в Западную Европу из стран Дальнего Востока. Складной веер, считающийся более практичным и удобным в употреблении, был изобретением японской культуры (X—XI вв.), а в Китае дамы пользовались веером другой, прямой и не складывающейся формы, внешне напоминающей опахало. Веера были чрезвычайно популярны в Европе, например во Франции и Великобритании в конце XVII в. во времена правления королевы Анны, и их популярность сохранилась в XVIII в. и далее, вплоть до викторианских времен (Виктория была королевой Великобритании с 1837 по 1901 г.).

В России веер в его японском складном варианте впервые, по-видимому, появился в XVIII в. и почти сразу же стал применяться в коммуникации. Во второй половине XVIII в. веер стал обязательным предметом, который дамы высшего света держали в руке на балах, приемах, во время посещения театров и других торжеств. Умение держать веер и пользоваться им в безмолвном разговоре весьма ценилось в высшем обществе. Французская писательница мадам де Сталь полагала, что из всех атрибутов, которые составляют туалет элегантной женщины, она должна лучше всего пользоваться веером, и говорила, что по тому, как женщина обращается с веером, она легко отличит княгиню от графини и маркизу от разночинки.

Язык веера был, таким образом, женским, причем, как и язык цветов, это был язык зрительный: его нельзя было услышать (звуки раскрываемого и закрываемого веера, по-видимому, ни в одной культуре не проходили этап семиотизации, т. е. не превращались в конвенциональный знак), но можно было увидеть. Язык веера тесно связан с ситуацией диалога, но об-

служивал ограниченную область выражаемых значений, а именно сферу чувств, настроений, желаний и намерений. Тем не менее существовало очень много разных по форме и по смыслу жестов и жестовых манипуляций с веером, и все эти единицы входили в азбуку общения.

Положение рук, пальцев и лица при действиях с веером указывали на настроение женщины, на ее переживания и отношение к другим людям. Об этом можно было судить хотя бы по тому, как обладательница веером держала его, как смотрела из-под веера, как открывала и закрывала веер, как им помахивала. Например, чуть прикрытый взгляд глаз из-за или из-под открытого веера обозначал интерес или любовь к адресату взгляда, закрывание сложенным веером левого уха означало 'не выдавай наш секрет', прикосновение сложенным веером к кончику носа значило 'вам нельзя доверять', а медленное опускание открытого веера в сторону пола — 'я презираю вас'. В книге В. А. Верецагина «Памяти прошлого», изданной в Санкт-Петербурге в 1914 г., приводятся такие примеры высказываний языка веера и их смыслов: 'будьте удовлетворены моей дружбой' — дама открывала один листик, 'вы страдаете, я вам сочувствую' — открывались два листика, 'можете быть смелы и решительны' — веер держится стрелой. Чтобы выразить значение согласия, т. е. на языке веера передать смысл 'да', нужно было приложить закрытый веер к правой щеке, держа его в левой руке, а для выражения противоположного значения, 'нет', следовало, держа веер в правой руке, приложить его к левой щеке. Высказывание *Будьте осторожны, за вами (нами) наблюдают* переводилось на язык веера так: открытым веером касались левого уха, а высказывание *Се-*

годня не приходите передавалось движением закрытого веера по наружной стороне руки¹⁵.

Жесты с веером, о которых я говорю, весьма широко применялись при общении женщины с мужчиной. Этими и многими другими знаками языка веера женщины, не произнося ни слова, могли провоцировать мужчин на различные действия или, наоборот, препятствовать им. Испытывая поклонников, дама могла уронить веер, и это движение тоже воспринималось как знак. Дама проверяла им, как поступят окружающие ее кавалеры. Быстрота реакции, любезность и учтивость того из них, кто первым поднимал веер, обычно воспринимались весьма благосклонно, и мужчина получал от дамы желанную награду.

Интересно отметить в связи с веером, что одна из многочисленных номинаций известного во многих культурах жеста **показать нос** (англ. **the nose thumb** или **to thumb the nose**, ср. также стандартные обозначения того же жеста в некоторых других языках: фр. **le nez long**, нем. **die lange Nase**, итал. **il naso lungo** букв. 'длинный нос', датск. **raekke naese** букв. 'вытянутый нос') — это *веер королевы Анны*, и нетрудно понять, почему. Этот жест может рассматриваться как стилизованное изображение одного из невербальных знаков языка веера, хотя название *веер королевы Анны* не обозначает никакого специфически королевского применения веера, а просто метонимически соотносится с временем особой популярности жеста, олицетворяющего викторианскую эпоху.

5. Социальная дифференциация мужчин и женщины сказывалась также в традиционных русских этикетных жестах и формулах **приветствий**.

Например, **большим обычаем** — **сугубым**, или **земным, поклоном**, т. е. поклоном до земли — приветствовали духовное лицо и богатого односельчанина не только мужчины, но и женщины, а **малым обычаем** — **поясным поклоном**, или поклоном в пояс, — жена кланялась мужу, женщины кланялись

¹⁵ Не только форма, но и подбираемый дамой цвет веера содержал информацию о его владелице. По данным упомянутой книги В. А. Верещагина черный цвет означал печаль, красный — радость, голубой — верность и постоянство, а лиловый — смирение.

мужчинам, а те могли на этот поклон вообще не отвечать. **Земной поклон** много лет тому назад был чрезвычайно популярным на Руси бытовым жестом, и, по всей видимости, еще несколько веков назад существовали две разновидности **земного поклона**.

Земной поклон 1. Для исполнения этого поклона жестикулирующий из исходного вертикального положения становится на колени, иногда очень быстро, как бы не раздумывая, при этом руками и лбом касаясь пола. Какое-то время человек пребывает в такой позе, затем встает в исходное положение. **Земной поклон 1** обычно сопровождался еще одним жестом — **целованием** пола, земли, одежды или обуви стоящего или сидящего адресата, имеющего значительно более высокий статус, чем у жестикулирующего. Общее время исполнения этого поклона относительно большое: жестикулирующий, не поднимая головы, довольно долго находится на полу или на земле на коленях — нередко до тех пор, пока более высокий по статусу адресат не прикажет ему встать или не наклонится, чтобы помочь жестикулирующему подняться. **Земной поклон 1** в русском языке часто описывается как процесс, длящийся во времени, ср. высказывание *X валялся в ногах у Y*.

Земной поклон 2. Эта жестовая единица имеет также названия *поклон до земли (или: в ноги), низкий, пренизкий, глубокий, глубочайший поклон; поклониться низко (глубоко, до земли, до самой земли, земно)*. Форма данной разновидности **земного поклона** выглядит иначе, чем первая. Исходное положение тела тоже вертикальное, как и в случае **земного поклона 1**, но затем человек наклоняется глубоко вперед, сгибаясь под углом чуть ли не 180° , т. е. наклоняется до земли. **Земной поклон 2** отличается от **земного поклона 1** еще и тем, что обычно сопровождается другим, нежели **земной поклон 1**, жестом — не **целованием**, а **касанием пальцами правой руки пола или земли**.

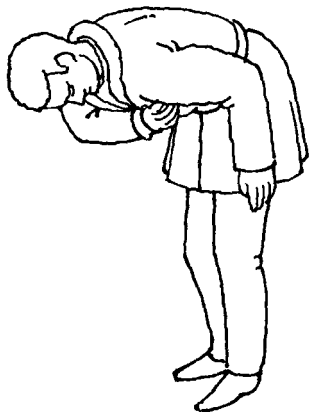
В настоящее время оба варианта **земного поклона** почти вышли из бытового употребления¹⁶, но довольно широко встре-

¹⁶ Мы говорим тут *почти*, потому что в деревенских семьях, где сохраняется патриархально-религиозный уклад, земной поклон встре-

чаются в религиозном контексте, а также употребляются при искусственном воссоздании или игровой имитации каких-либо ритуалов.

Поясной поклон (жест, называемый также *поклон в пояс* или *поклониться в пояс/поясно*) по форме представляет собой наклон головы и верхней части туловища под углом от 90° до 180° . **Поясной поклон** является жестом с относительно большой амплитудой: такие жесты получили в кинесике название *широких* (см. о них в книге Крейдлин 2002). **Поясной поклон** тоже сегодня не используется в повседневной бытовой коммуникации¹⁷.

6. Весьма популярными в разных культурах являются вербально и невербально выраженные оценки поведения типа *неприлично*, которые соотносятся главным образом с **этикетным поведением**, а также с **половыми различиями** и **сексуальной сферой**. Невербальное взаимодействие друг с другом мужчин и женщин особенно чувствительно к этическим нормам и отклонениям от норм. В значительной степени сказанное относится к позам: позы и связанные с ними ориентации и конфигурации рук, ног, головы и туловища по-разному отражают принадлежность к определенному полу, а этические оценки поз,

чаются. В связи с этим попутно отмечу, что пометы «неупотр.» или «уходящ.», введенные в ряд современных, и самых лучших, отечественных словарей, как кажется, должны применяться (чего пока не делается) только с учетом определенных жанров и функциональных стилей: уходящие слова и жесты из одного функционального стиля вполне могут переключаться в другой и там, наоборот, войти в самый центр языковой или невербальной подсистемы.

¹⁷ Более подробно об этих и других жестах из класса **поклонов**, а также об их языковых номинациях см. в статье Крейдлин, Морозова 2004.

учитывающие различия по полу, составляют в разных культурах основу нормативного гендерного этикетного поведения. Это ясно видно, даже когда наблюдаешь диалогическое поведение мужчин и женщин одной культуры, но в особенности заметны расхождения в позах во время коммуникации разнополых пар, когда собеседники принадлежат разным культурам. Наблюдения над «живыми» диалогами, эксперименты и психологические измерения, которые проводились учеными в разных странах Запада, показали, в частности, что взрослые мужчины, когда они сидят, чаще, чем сидящие взрослые женщины, меняют позу и положение ног, причем особенно часто это происходит у мужчин при их первом знакомстве и первом разговоре с женщиной. Психологи и антропологи (см., например, Брид 1972; Дэвис, Вейтц 1981; Мехрабиан 1968) утверждают, что частая смена позы стереотипно связана с повышенным чувством неловкости у мужчин и с большим, чем у мужчин, чувством уверенности в себе женщин.

Исследования показали также, что мужчины и женщины чувствуют себя более комфортно и активно в разговорах с человеком того же пола, чем противоположного, что проявляется не только в вербальном, но и в невербальном, в частности позовом, поведении. Например, в беседах с лицом того же пола человек с большей легкостью принимает свободные позы, а движения его рук и туловища имеют большую амплитуду. Женские позы, как правило, при этом менее открытые, а жесты рук менее крупные по размаху, чем у мужчин. Это, по-видимому, объясняется, с одной стороны, ролью и статусом женщины в обществе (социальные действия и общественная роль мужчины требуют большого пространства и свободы, в то время как от женщины ожидается физически ненавязчивое, сдержанное и скромное поведение), а с другой стороны, умением женщины сравнительно быстро приспособливаться к изменяющимся социальным условиям и к текущей ситуации, а также в среднем лучшей, чем у мужчины, способностью находить контакт с другими людьми. Все эти выводы, подчеркну еще раз, были сделаны психологами и антропологами, на чьи работы я ссылался выше, как в процессе анализа эксперименталь-

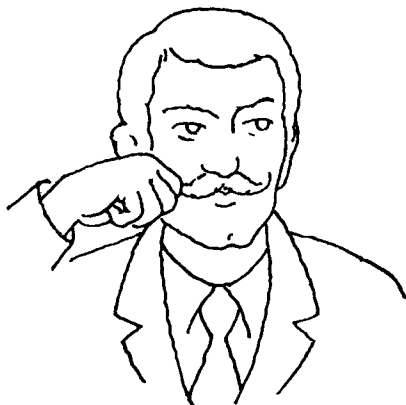
ных, лабораторных ситуаций, так и в результате наблюдений за реальными актами общения.

7. Мужчины и женщины часто маркируют позами свое отношение к партнеру по диалогу. Поза женщины имеет четко выраженную фронтальную ориентацию по отношению к человеку, который ей приятен, и боковую ориентацию (т. е. угол между плечами партнеров близок к прямому) к человеку, который ей очевидным образом не нравится, а мужчины в беседах с мужчинами, которые им безразличны или по какой-то причине неприятны, часто чуть наклоняют туловище в сторону. А. Мехрабиан полагает, что данное телодвижение семиотически значимо и означает 'напряженность отношений' (Мехрабиан 1968). По моим собственным наблюдениям, когда у нас женщина беседует с рядом стоящим мужчиной, который вызывает у нее интерес, руки ее открыты и чуть отодвинуты от тела, при этом женщина, как правило, *приветливо улыбается*. Напротив, если собеседник-мужчина ей не нравится, то руки прижимаются к телу, улыбки на лице нет вообще или, как говорят, улыбка у нее *вымученная* или *кривая*. Поза, которую женщина принимает в разговоре с таким мужчиной, носит явно выраженный закрытый характер или, говоря на языке психологов, «обращена вовнутрь». **Открытая поза** сидящей женщины (женщина сидит, локти далеко от тела, ноги вытянуты, колени разведены и пр.) противопоставлена **закрытой** (женщина сидит, локти близко от тела или почти прижаты к нему, руки скрещены, колени прижаты друг к другу). В Западной Европе и Северной Америке подобная открытая поза оценивается как нейтральная или даже положительная. Считается, что данный человек открыт и доступен для общения; о нем говорят, используя для его характеристики такие выражения, как *открытый характер*, *открытый человек*. В Японии, однако, та же поза признается нехорошей и аморальной.

По данным книги Ситарамы, Когделла 1976, отрывок из которой в русском переводе был напечатан в журнале «Человек» (1992, № 2/3), в Северной Америке выпрямленное тело символизирует мужской стиль поведения, обозначая силу и агрессивность мужчины.

«Эта поза передает веру в себя, гордость собой и уважение других», — пишут авторы. Между тем для неамериканца та же поза может значить брошенный вызов или нахальство. Авторы отмечают, что и наоборот, встречая согбенную фигуру спотыкающегося или малоподвижного мужчины, американец прочитывает в ней «потерю статуса, достоинства и ранга». А вот что говорится в той же книге по поводу отдельных поз, свойственных женщинам Азии: «...в Азии предполагается, что поза сидящей женщины зависит от типа ситуации. Индийская невеста в свадебном зале должна сидеть, вытянув левую ногу вдоль пола, а правую согнув так, что колено касается подбородка. Во время еды она держит руки слева от правой ноги. Американской девушке такую позицию трудно было бы принять при всем желании, а вот в Азии ее считают весьма женственной... В Японии женщины всегда сидят, подогнув ноги так, чтобы ягодицы опирались на них, а руки держат сложенными на животе. От азиатских женщин вообще ожидают, что, когда они стоят или сидят, руки они будут держать не ниже талии. Во многих восточных и западных культурах женщинам не полагается сидеть или стоять, расставив ноги. Расставившая ноги женщина считается потерявшей стыд» (цит. по русскому отрывку из книги, с. 60).

Азиатские мужчины, впрочем, тоже не должны сидеть в обществе неподобающим образом, например **расставив широко ноги**, — такая поза в азиатской культуре расценивается как нескромная. Стоя или сидя, мужчины не должны нарушать приличия, исполняя определенные жесты, например, им не следует **подкручивать усы** ни перед мужчинами, ни перед женщинами: «в компаниях, где присутствуют женщины, это указание на то, что мужчина пытается показать свои мужские достоин-

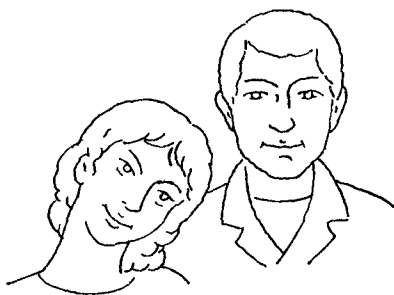
ства, а в мужской компании это — демонстрация силы, чего не любят другие мужчины» (Там же).

В работе Мехрабиан 1969 утверждается, что позу **стоять руки в боки** в Северной Америке (см. выше об отношении к той же позе в Нидерландах) обычно принимают при встрече люди, относящиеся к адресату с неприязнью. Кроме того, эта поза в англосаксонской культуре свойственна человеку, встречающемуся с другим человеком гораздо более низкого социального статуса. В Испании поза **стоять руки в боки** характерна для молодых людей вообще и присуща больше людям из маленьких городов, но в особенности ее любят принимать женщины среднего и старшего возраста, а также подростки и молодые люди мужского пола, в то время как молодым девушкам более привычно **стоять со скрещенными руками**. Как отмечает А. Мехрабиан, эта поза присуща также молодым испанцам во время представления при знакомстве. В русской культуре мужчины (но не женщины), которые обладают более высоким социальным статусом, в разговоре с людьми более низкого статуса, в том числе когда беседуют с женщиной, принимают часто так называемые «расслабленные позы», каковые с этической точки зрения следует оценить отрицательно и каковых в испанской культуре, по-видимому, нет.

8. Несовпадения мужских и женских телодвижений и поз особенно заметны в углах наклона корпуса тела и в положении таза, что проявляется главным образом в походке и позах, см. подробный обзор работ, описывающих особенности телодвижений и поз женщин и мужчин, в статье Вругт, Керкстра 1984. Впрочем, следует особо подчеркнуть, что эти работы, как и многие другие невербальные исследования, не носят компаративного характера и никак не учитывают возможные межкультурные различия в гендерном невербальном поведении. Так, утверждается, в частности, что мужчины в сидячей позе чаще, чем женщины, отклоняются назад (Клейн 1984), но, например, для русских мужчин, по моим наблюдениям, это не очень характерно.

Наклоны корпуса в положении стоя в языке русских жестов могут быть как эмблемами, так и иллюстраторами. В роли

иллюстраторов они скорее присущи мужчинам и, подчеркивая содержательные и коммуникативные моменты в актуальном устном диалоге, являются своеобразными кинетическими ударами. В то же время наклоны-эмблемы, совершаемые в том же положении стоя, хотя и разные наклоны по-разному, свойственны мужчинам и женщинам в равной степени. Так, желая получить ответ на лично затрагивающий их вопрос, и мужчины и женщины слегка **наклоняются вперед**, сокращая коммуникативную дистанцию с собеседником. Но именно женщина, а не мужчина обычно **наклоняет голову набок** (и в положении стоя и в положении сидя) — в сторону того мужчины, с которым она близка и к которому испытывает любовь или привязанность (отмечу, кстати, что для носителей, например, мусульманской культуры такое поведение не является нормативным), а поза **сидеть, отклонив корпус назад**, является сугубо мужской (при этом руки часто сложены «в замке» и отводятся за голову, принимая форму арки).

9. Наиболее выражены различия по полу в тех ситуациях общения мужчин и женщин, в которых особое значение имеют социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, психотип личности, нормативные ожидания, установки, предпочтения и др. Положение женщины в обществе, существующие стереотипные представления о нормах невербального поведения, стремление женщины избежать санкций за девиантное жестовое поведение (за «не ту позу», «неприличные жесты», «вызывающие взгляды» и т. п.) — все эти факторы оказывают заметное влияние на ее поведение. А потому у женщины нередко можно заметить скованность и несвободу в движениях и жестах — скованность и несвобода очень сложным образом взаимодействуют со значениями ука-

занных переменных. Невербальное поведение в диалоге с мужчиной женщины-«начальницы», вообще говоря, иное, чем женщины-«подчиненной», а невербальные стратегия и тактика «просительницы», стремящейся во что бы то ни стало достичь поставленной цели, например уговорить мужчину-врача положить ее старенькую маму в больницу (сильная мотивация), совсем другие, чем «просительницы», протезирующей постороннему человеку (слабая мотивация).

10. При выражении печали представители некоторых культур Средиземноморья преувеличенно возбуждены и ведут себя так, как будто находятся в состоянии экзальтации и себя почти не контролируют. Они интенсивно жестикулируют руками, громко рыдают, причем делают это не только женщины, что бывает, по наблюдениям многих, значительно чаще, но также и мужчины. Мужчины совершают множество суматошных движений, принимают нестандартные позы, мнут и рвут на себе одежду и т. п.

11. Описывая гендерные невербальные различия в эмоциональном коммуникативном поведении и то, как они отражаются в языке произведений французской художественной литературы XVII—XX вв., Г. В. Барышникова (2004) отмечает как типичные для француженок следующие элементы невербального поведения: различные **игры с веером** (*prendre un jeu d' éventail*), **улыбку** — при выражении гнева или грусти, тогда как у мужчин «улыбка сопровождает выражение радости» (с. 21), — некоторые жесты глаз и взгляды (*un regard terrible, mélancolique, allumé; regarder avec une crainte, une douleur sévère, ouvrir des grandes yeux* и др.), женский жест *regarder (écouter) bouche bée* 'смотреть (слушать) с открытым ртом', не характерный для мимического поведения французских мужчин.

При выражении разных эмоций французские женщины и мужчины часто пользуются также разными параязыковыми средствами. По утверждению Г. В. Барышниковой, француженки, судя по письменным текстам, обычно выражают печаль плачем, рыданием, воплями и вздохами, тогда как у французов-мужчин при зафиксированном большом числе вздохов

рыдания и вопли почти не встречаются, а плач, хотя и встретился в литературных текстах XIX в., но в очень малом общем числе мест.

12. Еще заметнее стереотипные модели и гендерные коммуникативные различия в невербальном поведении в других, гораздо более патриархальных и ритуализованных культурах.

Возьмем, например, ливанскую культуру. У ливанцев мужчина, посещая некоторый дом и еще не войдя в него, получает особое невербальное сообщение, если в нем имеется инфекционный больной. Для этого, как утверждает этнограф А. Е. Крымский («Из писем Ю. Н. Марру», 1936), достаточно было взглянуть на всякий раз выходящую в этот момент из дому женщину-соседку. Она подбородком кивала на дом и, приложив кулак к носу, нюхала его со стороны ладони. Это у женщин значило, что в доме, куда человек хочет зайти, зараза. Мужчина такого знака никогда не делал. Зато ливанским мужчинам был свойствен, например, такой коммуникативный эмблематический жест — движение ноги, имитирующее скидывание туфли или пинок. По утверждению этнографа М. А. Родионова, в XIX в. у мужчин-бедуинов Аравии при разводе или отказе на брак с дочерью дяди по отцу вместе с жестом применялась словесная формула «она была моей сандалией, я сбросил ее».

Еще один мужской коммуникативный жест у ливанских крестьян и бедуинов — это **скидывание головного убора на-земь**, означающий большое горе и готовность пойти на любые крайние меры в исполнении угрозы. Этот жест восходит к древнеарабскому магическому обряду обнажения волос, к которому прибегали при угрозе или проклятии, при обряде вызывания дождя (*истиска*), во время траура, унижения, или как к знаку аскезы. Мужским жестом у ливанцев является также знак, имеющий следующую форму (физическую реализацию): рука идет от уровня глаз вниз, символизируя поглаживание бороды; дойдя до подбородка, пальцы смыкаются. Жест означает восхищение и обычно сопровождает рассказ о привлекательной женщине, или — еще одно значение жеста — он является положительной невербальной реакцией на появление

красивой или интересной женщины в поле зрения жестикулирующего.

В Тунисе в кафе, но не в ресторане, для того чтобы привлечь внимание официанта и подозвать его, мужчины, и только мужчины, прежде хлопали в ладоши или шелкали пальцами. Сегодня уже ни тот, ни другой жест не используется, так как считается, что они свидетельствуют о пренебрежительном отношении клиента к официанту.

Жест **тихо** (иначе: **приложить палец к губам**) не является в арабской культуре грубым и может быть обращен от человека любого пола к человеку любого пола. А близкий ему по смыслу жест **замолчи** (форма: открытая ладонь повернута в сторону адресата, а пальцы собираются в щепотку) считается в арабской культуре грубым, свидетельствующим о неравноправных отношениях участников коммуникации, и, скорее всего, именно по этой причине арабские женщины крайне редко употребляют его в адрес мужчин.

13. Через посредство гендерных невербальных компонентов коммуникации можно увидеть многое из того, что является в данной культуре запретным. Например, киргизские этикетные правила запрещают мужчинам целоваться, в то время как для мужчин-турков поцелуи являются нормой бытового поведения.

Ритуальное **рукопожатие** в качестве знака, скрепляющего договор, распространилось в киргизской культуре довольно широко, причем в самых разных формах. Так, с давних времен мужчины-киргизы, перед тем как отправиться на войну, в знак достигнутого с другими людьми соглашения о будущих совместных действиях резали белую кобылу и собирали ее части и кровь в какую-нибудь посуду, после чего, засучив рукава, опускали в посуду с кровью руки. При этом они произносили слова клятвы и говорили, что в случае, если не сдержат данное слово, пусть их постигнет участь белой кобылы.

На использование **рукопожатия** в другом значении, как наиболее общепринятого жеста приветствия, тоже накладывались определенные гендерные ограничения. Согласно обычаю, существовавшему в киргизской невербальной культуре, люди

противоположного пола никогда не здоровались так друг с другом. А вот пожилые женщины, например, приветствуя молодых людей, целовали им руки или, погладив сначала молодых по плечам, целовали затем свои руки. Такой невербальный ритуал приветствия был весьма распространенным в языке киргизских жестов (о невербальной культуре и языке жестов у киргизов см. в статье Ботобекова 2004).

14. Рассматривая случаи невербальных коммуникативных неудач при общении людей разных национальностей и подводя итог своему знаменитому эксперименту, в ходе которого проверялись различные гипотезы относительно возможных способов перевода жестов с одного жестового языка на другой, В. Раффлер-Энджел (1986; 1988) утверждает, что каждая культура сама решает, в каких условиях какие мануальные жесты, манеры, выражения лица или позы допустимы, а какие недопустимы, какие будут уместны в данной ситуации, а какие нет.

В эксперименте, о котором идет речь, изучалось диалоговое поведение студентов в разнополых парах, причем в каждой паре партнеры были примерно одного возраста. В ходе предварительной подготовки к эксперименту на видеокассете был записан небольшой диалог брата с сестрой — англосаксов, носителей американского варианта английского языка, после чего их беседа была показана восьми парам иностранных студентов. Каждую из пар попросили перевести текст беседы на свой родной язык, и процесс перевода тоже записали на видеопленку. Важно подчеркнуть, что исходную «английскую кассету» показывали в течение одного и того же отрезка времени каждой паре по очереди, причем демонстрация фильма прерывалась всякий раз, когда один из участников диалога заканчивал свое высказывание. Таким образом была воспроизведена обычная ситуация последовательного перевода; при этом о жестах испытуемым-переводчикам вообще ничего не говорилось.

Для сопоставления речевого и жестового поведения переводчиков было выбрано одно только первое высказывание каждого диалога, и специально приглашенный профессионал-дизайнер скопировал на отдельные кассеты жестовые элементы

непосредственно с мониторов, причем отбирались им лишь те жесты-иллюстраторы, которые были признаны наиболее тесно связанными с референциальным аспектом диалога. Добавлю от себя: очевидно, что процесс перевода таких иллюстраторов описывать легче, чем, например, перевод регуляторов или даже эмблем, — хотя бы по той простой причине, что значение иллюстратора бывает гораздо проще «вычислить» по вербальной составляющей высказывания.

После того как все видеокассеты с переводами были получены, наступил решающий этап эксперимента. Кассеты показали другим людям — «арбитрам», причем группу арбитров образовывала пара из мужчины и женщины, носителей одного из иностранных языков, представленных в эксперименте (для каждого иностранного языка пара арбитров была, разумеется, своя). Всем парам раздали для просмотра по кассете, на которой были запечатлены люди их родной культуры, и попросили вынести определенные суждения по поводу увиденного. Ни один из арбитров не сделал каких-либо замечаний по поводу невербального поведения своих соотечественников на экране, из чего можно было с уверенностью заключить, что жестовое поведение людей вполне соответствовало тому естественному языку, на котором они говорили.

Основной темой записанной беседы были деньги. Во время произнесения первого предложения (*Well, it was your idea in the first place*) на экране появляется девушка, руки ее, что называется, «висят, как плети». Девушка медленно подходит к юноше и, подойдя ближе, вытягивает руку вперед вместе с вытянутым вперед указательным пальцем. Затем она разворачивает корпус чуть вправо.

Хотя общие конфигурации движений и поз оказались у всех переводчиков довольно похожими, экспериментатору все же удалось выделить две очевидно противопоставленные друг другу группы. А именно, в первой из них французские, немецкие, бразильско-португальские и корейские пары, а также лица, говорящие на тагальском языке, использовали ту же форму (жест **указывать пальцем** с вытянутой вперед рукой и указательным пальцем), что и носители американского варианта английского языка. Другая группа, в которую вошли исландцы, японцы и

носители языка урду, такого жеста не делали — просто потому, что у этих народов его нет. Кстати, исландская девушка оказалась единственным человеком из этой группы, у кого было заметно хоть какое-то движение рук. Когда она появляется на экране, обе руки ее сомкнуты в кулак. Затем ладони раскрываются, девушка чуть заметно сдвигает руки вперед и снова быстро закрывает ладони, размещая руки у талии. Исландцы, как известно, очень традиционны в своих движениях, а их культура явно низкокинетичная, о чем, собственно, и свидетельствовала сделанная видеозапись. Что же касается девушек, говорящих соответственно на японском и урду, то здесь можно указать, по-видимому, две разные, но вроде бы равновероятные, хотя и очень тесно связанные между собой, причины такого их невербального поведения: (а) резкое противопоставление полов и (б) особый характер взаимоотношений между людьми разного пола, свойственный именно данным культурам. В связи с этим любопытно отметить, что, когда японца попросили перевести видеозапись разговора брата с сестрой о деньгах, он пояснил экспериментатору, что хотел бы это сделать, но ему это крайне сложно, так как в Японии диалоги подобного рода абсолютно невозможны: сестра просто не может обвинять брата. Статус женщины в Японии делает невозможным употребление обвинительных жестов женщины в адрес мужчины.

15. Физическая реализация одних и тех же жестов даже в пределах одной культуры у мужчин и женщин, вообще говоря, разная. Из многих факторов, обуславливающих ту или иную физическую реализацию жеста, я рассмотрю только два.

А. Временной фактор

У большинства мануальных жестов имеется подготовительная фаза, во время которой рука движется к стартовому положению с относительно небольшой скоростью¹⁸. Как правило, большинство жестов руки появляются перед речевым сообщением, а не вместе с ним, и среднее временное запаздывание

---

¹⁸ Само наблюдение и его аналитическое описание, осуществленное на материале группы иконических жестов, содержится в работе Хадар, Баттерворф 1997, с. 154.

речи составляет примерно 1—1,2 секунды (вариативность запаздывания составляет от 0 до 2,5 сек). Заканчивается же исполнение жеста приблизительно через 1—1,5 сек после того, как в коммуникативном акте появляются его лексические спутники. По моим данным¹⁹ запаздывание у русских женщин (изучались молодые люди — студентки и студенты РГГУ и МГУ — в возрасте от 18 до 23 лет) в среднем больше, чем у мужчин, а речь по большей части появляется вместе или почти вместе с жестом (среднее расхождение во времени появления у десяти испытуемых составило не более 0,5 сек).

Б. Сложность движения

В невербальной семиотике предлагалось несколько более или менее равновозможных и равноправных способов оценивать сложность движения (жеста) руки. В частности, сложность можно измерять общим числом векторных поворотов руки, совершаемых при воспроизведении жеста, т. е. количеством смен направлений в геометрии движения руки. Большинство исследованных и описанных нами русских эмблематических жестов (см. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001) состоят из двух и более ортогональных векторных компонентов, что отличает их от более простых (в этом смысле) иллюстративных жестов (см. следующий пункт).

16. В кругу русских иллюстративных жестов особо выделяются **жестовые**, или **кинетические**, **ударения**, назначением которых является организация и структурирование речевого потока. К ним относятся, например, **сечение вниз ребром ладони**, **ритмичное поднимание и опускание руки с открытой ладонью вниз** (или, реже, **с пальцами, сомкнутыми в кулак**), **отведение руки в сторону**. Русские кинетические ударения — это жесты-иллюстраторы, как правило, более про-

---

¹⁹ Проведенный моими помощниками и мной эксперимент был выполнен, во-первых, видимо, на других, чем у Хадара и Баттерворфа, иконических жестах (в работе Хадар, Баттерворф 1997 не говорится, какими конкретно были исследуемые жесты), а во-вторых, наш эксперимент преследовал совсем иные цели, а именно выявить корреляцию временного и гендерного факторов.

стые по форме, чем эмблемы. Они представляют собой движения-удары, которые имеют один векторный компонент (или самое большее два, исполняемые с одинаковой силой в противоположных направлениях).

В отличие от русских жестовых ударений и от других классов русских иллюстраторов русские эмблемы имеют более широкую амплитуду, причем у мужчин амплитуда эмблем больше, чем у женщин.

Обратимся теперь к русской лекторской речи и к кинетическим ударениям, жестам, которые исполняют во время своих лекций преподаватели — мужчины и женщины. Оказываются, что эти жесты у мужчин и у женщин не только разные по форме, но также коммуникативно неравноправные и семантически и стилистически противопоставленные. Собранные мной, а также рядом моих студентов материалы показывают для русского мужского стиля лекторского поведения, особенно в ходе объяснения лектором нового материала, в большей степени характерно резкое и широкое по амплитуде движение руки вниз, а для русского женского стиля лекторского поведения типичным является плавное отведение руки в сторону. Резкое **сечение** может интерпретироваться как 'завершенность, а следовательно, откладывание или отбрасывание проблемы в сторону'. Жест может осмысляться также как 'отсечение сомнений' или как выражение 'предельности признака', при этом большая резкость движения ребра ладони вниз иконически соответствует большей степени решительности и идее окончательной завершенности.

Более резкое **сечение** часто сопровождается энергичным кивком головы и словами *все, хватит* и т. п., а менее резкое **сечение** сопровождается не столь резким движением головы и таким словами, как *несомненно, абсолютно, вот так* и т. п. Мягкому, плавному женскому движению, которое можно условно назвать **отведение руки**, соответствуют слова *по всей видимости, допустим, предположим; но вот я не знаю*. Такое движение является своеобразным жестовым аналогом так называемых слов-загородок (*hedges*), т. е. слов, ограничивающих или снимающих ответственность говорящего за истинность сказанного (это лексические единицы типа русских

слов и выражений скорее всего, (я) полагаю, в некотором роде, в какой-то степени или английских *I think, well, probably, you know, really*), а тем самым жест **отведение руки** вводит в разговор альтернативу, что, как уже было не раз показано, отличается также и женский стиль **речевого** ведения диалога.

17. Многие просодические невербальные явления тесно связаны с просодическими различиями в мужской и женской речи. Известно, что в русской женской и мужской речи по-разному фонетически оформляются акцентно выделяемые слова. Так, в женской речи широко распространено удлинение ударного гласного, причем это характерно для разных жанров устной речи, а в мужской наряду с растяжкой гласного представлено также удлинение согласного (см., например, работу Земская и др. 1990, с. 234 и сл.). Ср. *Это какой-то доморо-о-щенный оркестр* или *Не де-елай так* (женский стиль речи) и *Это все з-зл-лостные преступления* или *Я дд-у-мал об этом предложении* (мужской стиль речи).

К этому тонкому и важному языковому наблюдению можно добавить то, что у женщин при удлинении гласных часто наблюдается плавное, как бы совершающееся вслед за этим удлинением движение руки в сторону, а у мужчин — более свойственные им энергичное движение руки или сжатие пальцев в кулак.

В. Тактильное поведение

1. В каждой культуре, прежде всего в социальной коммуникации, для разных видов отношений между партнерами существуют довольно жесткие нормы, регламентирующие, кто, кого, как и когда может трогать. Из наиболее типичных русских мужских тактильных жестов можно назвать **рукопожатие**, **поцеловать руку** или жест вежливости **подать руку** 2, когда мужчина помогает женщине, например, выйти из автобуса. Языковое отображение тактильных жестов может быть при этом богаче невербального, насыщаясь дополнительными смыслами. Так, в предложении *«Но вы! Кто же вы, наш ангел, наше Провиденье?»* — восклицала вдова, покрывая поцелуями руки императрицы (М. Алданов) сочетание по-

крывать поцелуями руки — это выражение не только почтения перед царственной особой, но и благодарности за некое оказанное ею благодеяние. В русском дворянском обществе дети обычно благодарили родителей за обед, почтительно целуя им руки. Смысловой инвариант всех приведенных жестов-касаний в первом приближении можно сформулировать следующим образом: 'демонстрация признания другого человека как имеющего данный социальный статус (в частности, признание в коммуникативном партнере женщины, признание у адресата статуса «высокого лица», например религиозного, установление отношений равенства с адресатом и т. п.) и установление связи, единения со своим коммуникативным партнером (например, соучастие с ним в каком-то деле)'

2. В работе Нгуён и др. 1975 была предпринята попытка определить, на касания какого типа, на какие значения касаний и каким образом реагируют мужчины и женщины (хотя стиль общения в явном виде зафиксирован не был, из текста работы ясно, что речь идет о неформальном дружеском общении). Когда незамужних и неженатых студентов попросили ответить на вопросы, как они относятся к тому, что представители противоположного пола применяют к ним такие жесты-касания, как **pat** 'похлопать', **stroke** 'погладить', **squeeze** 'прижать к себе' и **brush** '⟨слегка⟩ коснуться, задеть', что они при этом испытывают и что, по их мнению, может означать использование данных жестов, ответы девушек и юношей были совершенно разными. Для девушек крайне важным было место касания — в значительно большей степени, чем способ касания, а для юношей способ касания был существеннее, чем его место.

Студентки особо выделяли такие значения жестов-касаний, как 'любовь' и 'дружба'.

В тех случаях, когда жест, как они полагали, выражал какое-либо из этих значений, в качестве места касания фиксировались такие части тела, как руки, голова, лицо, плечи и верхняя часть спины. Резко отрицательно все девушки отнеслись к касаниям груди и гениталий и достаточно четко отделили касания, обозначающие именно 'любовь' и 'дружбу', от касаний,

явно выражающих сексуальные желания. Между тем для юношей смыслы 'приятное ощущение', 'любовь', 'дружба', 'теплота отношений' и 'сексуальное влечение' выражаются невербально более или менее одним и тем же способом, т. е. примерно одинаковыми касаниями. Девушки оказались, таким образом, намного более чувствительными, чем юноши, и к смысловым различиям и к различиям в тактильных формах выражения одних и тех же смыслов.

3. Каждая из известных нам культур выработала в отношении противоположного пола свои знаковые системы сексуального выбора, т. е. выбора из множества людей «предмета любви» и последующего ухаживания. Д. Гивенс (Гивенс 1978) выделил в актах ухаживания ранее не знакомых друг другу людей, которых условно можно отнести к одной западной культуре, пять отдельных этапов. Это (а) привлечение к себе внимания; (б) приветствие/знакомство; (в) общение; (г) сексуальное возбуждение и усиленное сексуальное желание и (д) выражение сексуального намерения. Д. Гивенс указал также на существование невербальных «любовных сигналов» («love signals»), характерных для каждой из фаз. Впоследствии ухаживание было определено как выражение и коммуникативная передача сексуального интереса от одного человека к другому (см., например, Граммер 1989; Граммер, Крак, Магнуссон 1998; Граммер и др. 1999). Процесс ухаживания (в терминологии К. Граммера и его соавторов «human courtship behavior») является качественно разнородным и представляет собой серию невербальных и вербальных актов. Каждый акт состоит из нескольких фаз, и среди них такие фазы, как привлечение внимания, подход, первый разговор, первое касание, синхронизация движений и жестов. Поведение женщины действует в этом случае как регулятор, стимулирующий поведение мужчины и управляющий им, — более чем в 70% случаев стимулом для начала ухаживания было невербальное поведение женщины по отношению к мужчине.

Механизм завязывания сексуальных отношений с представителями противоположного пола именуется *заигрыванием* или *флиртом*. В глубине флирта лежит половое влечение, точнее,

пробудившаяся сексуальная страсть, и стремление к телесному обладанию другим человеком.

Привлечение внимания возможного сексуального партнера, с которого обычно начинается флирт, всегда осуществляется невербальными средствами. В русском языке тела это быстрые взгляды на понравившегося человека, разворачивание тела в его сторону, приоткрытый рот или чуть надутые губы, выпрямление спины, улыбки, подмигивание, смех, поглаживание ладонью какого-то предмета, кокетливые повороты головы и встряхивания волос, закидывание головы назад и открывание шеи, касания, совершаемые как бы невзначай; это также жесты из классов **приведения себя в порядок и прихорашивания: приглаживание волос, приведение в порядок прически, разглаживание или одергивание одежды** и др.

А далее, в случае успеха, следует проявление заботы, нежности и ласки в параречевом (тон, эмоциональные составляющие голоса, игра паузами и др.) и в жестовом поведении (игра телом, любовное поддразнивание). В успешном, обоюдном, флирте движения пар синхронизируются: тела располагаются напротив друг друга таким образом, чтобы никто посторонний не мог вмешаться в их молчаливый разговор; имеет место постоянный контакт глаз, жестами и позами он и она также словно копируют друг друга.

Иногда женщины и мужчины используют **провокационные жесты**, в частности, принимают особые позы. Например, девушка, сидя в метро и видя, что на нее обращают внимание, в случае, если это ей нравится, скрещивает ноги, а молодой человек в аналогичной ситуации ноги широко расставляет; при этом и мужчина и женщина могут совершать какие-то загадочные, малопонятные движения руками, головой или всем телом. И в разных странах и культурах **провокационные жесты** могут быть разными, например, англосаксонские молодые женщины открывают ладони рук в сторону мужчины, тогда как в других ситуациях они специально, в коммуникативных целях, так себя не ведут²⁰.

---

²⁰ Остается открытым вопрос, ограничена ли сфера употребления этих жестов одними только ситуациями сексуального заигрывания и

Привилегией в проявлении инициативы в актах ухаживания обычно обладает мужчина. Он первым берет женщину под руку или за руку, кладет руку ей на плечо, обнимает за талию, а когда отношения становятся более интимными, первым целует и переходит к более интимным касаниям и ласкам. То, что мужчины чаще, чем женщины, в коммуникативных актах выступают в роли инициатора жестов-касаний, причем различных значений и назначений, объясняется, видимо, большей от природы сексуальной активностью мужчины. Приступая к ухаживанию, мужчина последовательно решает две задачи — сексуально заинтересовать собой женщину и создать условия для интимного контакта с ней, в частности, помочь женщине преодолеть возможные опасения и страхи перед вступлением в интимную связь. Решить вторую задачу гораздо сложнее, чем первую: здесь намного выше вероятность провала, поскольку она, так сказать, тактильно насыщена.

Если мужчины в ухаживаниях более активны, предприимчивы и инициативны, то женщины как объекты мужского внимания чувствуют себя эмоционально более раскрепощенными. Как показали описанные и проанализированные наблюдения (см., например, Аржиль 1988; Граммер 1989; ДеПаоло 1992), в ситуациях флирта женщины предстают более экспрессивными, раскованными и свободными в своем невербальном поведении, чем мужчины. Это происходит, видимо, потому, что многие женские жесты в этих ситуациях (чаще) сознательно или (реже) неосознанно направлены на демонстрацию тела, красоты и физического здоровья. Ср.: «Социоэкономический статус мужчины, его положение в обществе, престиж, богатство и т. д., используемые в знакомствах с женщинами как показатели его веса и значимости, как правило, ценятся женщинами намного выше, чем мужская привлекательность. Напротив, мужчина в момент флирта гораздо больше внимания

привлечения внимания лиц противоположного пола. Ответ на этот вопрос, впрочем, с большой вероятностью можно предсказать — ведь мы не раз уже замечали, имея дело с другими классами жестов, что круг употребления **классов жестов** редко бывает одним-единственным.

уделяет женскому лицу и телу, физическому здоровью и телесной молодости, т. е. всем тем притягательным качествам, которые связаны скорее с репродуктивными функциями женщины, чем с ее социальным статусом» (Грамммер и др. 1999, с. 488). Качества, которые мужчины высоко ценят как имеющие значение для самосовершенствования, достижения социального прогресса или демонстрации внутреннего достоинства, могут, таким образом, крайне мало волновать женщину. Интерес и благосклонность у нее обычно вызывают совсем иные свойства: телесная и сердечная привязанность к одному человеку вовсе не обязана способствовать улучшению всего человеческого рода, во всяком случае в том смысле, который вкладывает в этот процесс мужчина. Справедливости ради, впрочем, отмечу, что и мужской выбор предмета любви далеко не всегда основывается на первостепенных женских ценностях.

Многочисленные психологи-практики, сферой деятельности которых являются отношения между полами и которые постоянно выступают перед аудиторией с различными советами и рекомендациями на телевидении и на страницах популярных журналов и газет, призывают людей во время ухаживания, особенно в его начальной фазе, с большим вниманием относиться к жестам, «которые в силу своей непреднамеренности отражают суть человеческих побуждений» (записано мной в прошлом году во время одной телепередачи на канале НТВ). К такого рода рекомендациям стоит относиться с большой настороженностью. Ведь невербальное поведение в ситуациях флирта и ухаживания как раз редко бывает непреднамеренным. Чаще оно вводит в заблуждение именно по той причине, что не обнажает, а наоборот, скрывает истинное, например безразличное или плохое, отношение одного человека к действиям другого или к нему самому. Так, 25 из 38 студентов Мичиганского университета, молодых мужчин-американцев, к которым я во время своего пребывания в США и преподавания в этом университете в 1997 г. обратился с просьбой рассказать мне, как невербально откликаются на флирт молодые американки, сказали приблизительно одно и то же, а именно, что, как бы женщины в этих случаях ни вели себя, все это — обман, *gimmick*, букв. 'ловкий трюк'. Молодые люди, по-видимому, исходя из

собственного опыта общения с девушками, оценили поведение женщин в ситуации флирта как сознательное сокрытие ими истинных чувств и стремление ввести в заблуждение. Невербальное поведение женщин в ситуациях флирта они не советовали мне рассматривать в качестве **отклика** (*response*, как говорили американцы) на ухаживание. Это просто их *reaction*, т. е. (невербальная) реакция. Из ответов студентов, таким образом, очевидно, что *откликом* они называют только «истинное» поведение женщин. Конфликт мужских и женских интересов и расхождения в интерпретации невербального поведения не позволяют достичь коммуникативных и иных целей.

Поведение женщины, которая понимает, что с ней вступают во флирт, является, как я уже говорил, в известной степени рискованным и опасным, и она должна это себе хорошо представлять. Особенно опасным является ее поведение, открыто демонстрирующее сексуальный интерес к незнакомому мужчине: продолжительные *откровенные взгляды* или взгляды периодические, но не скрывающие сексуальный интерес, небольшое расстояние от него, принятие поз, приоткрывающих женское тело, соблазнительные движения, прикосновения «как бы невзначай» и другие **завлекающие жесты**, прежде всего тактильные, — все эти невербальные манифестации сексуального желания способны вызвать и, как мы, к сожалению, хорошо знаем по ситуации в современной России, нередко вызывают сексуальную агрессию мужчины²¹.

Не только акты сексуального выбора и ухаживания маркируются тактильными жестами — в ряде культур мужчины даже «выбирают на ощупь» жену. Например, так обстоит дело у индейцев майя, живущих в южной части Мексики. На самом первом этапе любовного обряда мужчина ощупывает понравившуюся ему женщину, и чем она будет плотнее и тучнее, тем больше шансов, что он возьмет ее в жены. Женщинам, которые нам кажутся стройными, а им — тощими или хилыми, женихи достаются всегда похуже. Таким женщинам трудно

---

²¹ Об агрессии и об агрессивном невербальном поведении см. подробнее в Части II.

выйти замуж, потому что считается, что у них слабое здоровье и они не смогут родить мужу здоровых детей, а то и вообще скоро умрут. Интересно, что в противоположность женскому эталону идеальный муж у индейцев — это мужчина стройный, крепкий, и он обязательно должен быть среднего роста, т. е. не очень высоким и не очень низким.

Чтобы привести пример маргинального случая чрезвычайно жестких ограничений, накладываемых на употребление тактильных жестов, обратимся к корейской культуре и к языку корейских жестов. На церемониях бракосочетания корейские жених и невеста раньше (теперь это правило соблюдается только в патриархальных семьях) могли стоять, соприкасаясь исключительно рукавами одежды, но ни в коем случае не руками, а целоваться жениху и невесте вообще было нельзя²².

Этот пример может показаться удивительным, поскольку, вообще говоря, церемонии бракосочетаний во всех известных нам культурах чрезвычайно богаты разнообразными тактильными знаками. Жених берет и держит невесту за руку, она берет жениха под руку, они обнимаются, целуются, жених и невеста надевают друг другу на палец обручальное кольцо. Они переплетают руки, чтобы выпить свадебного вина (как это имеет место в Китае), жених накидывает на плечи невесты особый платок (в Шотландии).

В русских деревнях сохранился до сих пор следующий обычай: жених переносит невесту на руках по мосту через речку или озеро, и если молодые благополучно добираются до противоположного берега, то считается, что они всю жизнь будут жить в любви и согласии и останутся неразлучны.

У древних германцев существовал такой обычай: жених незадолго до свадьбы преподносил невесте башмак и помогал ей надевать его на ногу. В случае если ему это удавалось, считалось, что невеста готова безоговорочно подчиниться будущему мужу (может быть, отсюда и пошло видоизмененное позже

---

²² Целоваться жениху и невесте запрещается во время брачной церемонии и на свадьбе у народов самых разных стран, в том числе и европейских; например, так обстоит дело во время свадебной церемонии в Греции.

выражение *оказаться у мужа под каблуком*). Там же во время брачной церемонии к платью невесты прикреплялись ключи от хозяйственных помещений и к невесте прикасались молотком. Только после этого прикосновения брак считался заключенным, и молодым вручали чашу, наполненную вином или чем-то в том же роде, которую они, сплетая руки крест-накрест, выпивали на двоих.

И у эскимосов в доказательство любви жених надевает невесте на ноги сапожки из тюленьей кожи. Кроме того, у них есть и такой ритуал. Мужчина, войдя в чум, протягивает своей избраннице обутые ноги, и его действие традиционно прочитывается как любовный сигнал, на который женщина может отреагировать весьма своеобразно. Если она хочет ответить вошедшему мужчине взаимностью, то она должна лечь и освободить ноги своего кавалера от обуви, причем делать это нужно без помощи рук, действуя одними только зубами! Традиционные тактильные жесты выражения любви у эскимосов тоже весьма специфичны. Обмазав лицо тюленьим или рыбьим жиром, возлюбленный подходит к любимой женщине так близко, чтобы их носы соприкасались, и вместо поцелуя проводит носом по носу. Он может также в знак еще большей любви к ней прижаться носом к ее щеке и в таком положении задержаться на несколько минут.

Наряду с **завлекающими жестами** можно выделить еще один класс жестовых знаков, а именно жесты **отталкивания** (*другого человека*), и два его крупных подкласса: **защитные жесты** (первый подкласс) и **барьерные** (второй подкласс) **жесты**, обозначающие каждый различные степени неприятия жестикулирующим другого человека или его действий.

Особенно важными в социальном плане являются женские знаки отталкивания, которые свидетельствуют о неприятии женщиной данного мужчины или его актуального поведения. В США был проведен весьма любопытный полевой эксперимент в форме скрытого наблюдения. Его участниками стали 200 женщин-добровольцев в возрасте от 18 до 35 лет. Все они были англосаксонки, белой расы; в основном студентки колледжа из городка Мидвестерн (Midwestern); другие биографические данные участниц из-за анонимности наблюдений мне

не известны. Действительной целью эксперимента, о которой его участницы не знали, было изучение невербального гендерного поведения в ситуации знакомства. Женщины сидели в барах, где собираются в основном люди, приходящие туда одни, и где по вечерам обычно бывает много народу. Два специально обученных наблюдателя следили за поведением каждой испытуемой примерно в течение получаса, располагаясь за столиками как можно дальше от объекта наблюдения и ведя скрытую видеозапись поведения женщины. За женщиной наблюдали только в том случае, если ее окружали по меньшей мере 25 человек, чаще их было намного больше.

Невербальное поведение, которое свидетельствовало о том, что женщине не нравится смотрящий на нее или предпринимающий попытку подойти и познакомиться с ней мужчина, и которое интерпретировалось как полное безразличие женщины к мужчине (т. е., поведение, которое я предлагаю называть **отталкивающим**), фиксировалось уже в самые первые 15—20 секунд. Отсутствие сексуального интереса, стремление избежать постоянных *назойливых взглядов* со стороны мужчины или движений и жестов, обращенных к ней, женщины выражали такими невербальными знаками: зевотой, нахмуренными бровями; они презрительно ухмылялись, отрицательно качали головой и принимали напряженные позы. Иногда женщина, желая, чтобы мужчина, как любят говорить женщины, *не пялился* и отвел от нее глаза, сама начинала пристально смотреть на него. Мануальные жесты и позы сводились к закрытию тела. Это **скрещенные на груди руки** (один из самых популярных защитных жестов), иногда одновременно со скрещиванием рук женщина **скрещивала ноги**, и эта комбинация жестов уже читалась как 'барьер'; это жесты

отворачиваться от неприятного или безразличного ей мужчины, **поворот** и движение тела в сторону других. Было отмечено, что мужчина, после того как женщина от него отвернулась, хотя и более не встречался с ней взглядами, мог продолжать оставаться за тем же столиком или сидеть на том же месте, но все это лишь до тех пор, пока женщина снова не производила в его адрес каких-либо отталкивающих жестов. Поведение, при котором она рассматривала кончики своих волос или поигрывала с ними, блуждала глазами по комнате или устремляла взгляд в потолок, когда она хмурилась, недружелюбно смотрела на мужчину, ковыряла в зубах зубочисткой или откровенно зевала, однозначно расценивалось как **холодное и неприветливое поведение**. Если, наоборот, женщина проявляла интерес к какому-то мужчине, а тот не отвечал ей взаимностью, его безразличие (реже: неприятие и отталкивание) выражалось, как правило, несколько по-другому: мужчина поворачивал голову, пытаясь не смотреть в сторону, где сидела или стояла женщина, прекращал беседу с ней и отворачивался, наконец, пересаживался туда, где женщине его не было видно, или же уходил из бара совсем.

В другом эксперименте не знакомые друг с другом мужчины и женщины были приглашены в видеостудию. Пока они ждали якобы начала эксперимента, исследователь в течение десяти минут снимал их поведение через тонированное зеркало. Женщина, не заинтересованная мужчиной, старалась сесть от него поодаль, тело ее при этом было закрытым: она скрещивала руки на груди, опускала низко плечи и голову, прижимала одну ногу к другой. Отсутствие интереса у **обоих партнеров** выражалось в сдержанных позах, в попытках избежать контакта глаз. Любопытно, что зевание здесь интерпретировалось в точности противоположном предыдущему смысле, а именно как показатель заинтересованности, возможно скрытой. Различие в смысловых интерпретациях зевания в первом и втором экспериментах, как я думаю, обусловлено разницей во времени, обстановке, типе и порядке действий, а также в характере решаемых в них задач.

5. В своей книге «A gift of touch» ('Дар прикосновения', 1983) Хелен Колон пишет о том, что известная шведская киноактриса Лив Ульманн от имени организации Юнисеф однажды посетила районы, пораженные эпидемией голода. В государстве Бангладеш после оказанного ей теплого приема она использовала в отношении одной из местных провожавших ее официальных представительниц жест **hug**²³, и женщина тотчас же отпрянула. Через переводчика актриса спросила с удивлением, что случилось, и женщина ответила ей буквально следующее: «We kiss feet when we say good-bye», т. е. 'мы целуем ноги, когда прощаемся'. И тогда Лив Ульманн, нисколько не колеблясь, тотчас же сделала это. После чего женщины дружески обнялись, и недоразумение было устранено. Иными словами, каждая из них обменялась с другой своими культурными и ритуальными жестами прощания.

6. Гендерные невербальные формы и способы приветствия у людей разных культур, вообще говоря, различные²⁴. Так, узбекское вербальное приветствие друг друга у мужчин сопровождается **рукопожатием**, а у женщин — **похлопыванием по плечу**, при этом мануальному приветствию обязательно сопутствует открытая, широкая улыбка. В Иране женщина вообще не должна пожимать руку мужчине, причем это относится не только к **рукопожатию** как знаку приветствия, но и, например, к рукопожатию спортсменов во время ритуала их на-

---

²³ Американский эмблематический жест **hug** представляет собой объятие, при котором жестикулирующий двумя руками обхватывает верхнюю часть корпуса адресата. **Hug** — это жест сравнительно короткий по времени исполнения и компактный по месту приложения, выражает чисто приятельское или дружеское отношение к адресату, обычно сопровождается дружеской улыбкой и используется чаще всего в функции невербального приветствия или прощания.

²⁴ К сегодняшнему дню накоплен большой корпус данных о ритуализованных невербальных формах приветствия и прощания у разных народов, см. библиографию, составленную Й. Нафом (1990/1991). Литературы, где говорилось бы о гендерных расхождениях, о которых здесь идет речь, в библиографии Нафа, впрочем, не содержится.

граждения мужчинами. Вот что рассказывает по этому поводу в своем интервью российская спортсменка: «В местном дворце спорта женщин, кроме меня, не было вообще. Я видела, как на меня косятся разгоряченные люди, чувствовала, как они напряженно дышат в спину. Вокруг нарастал неприятный гул. К счастью, когда в зале объявили, кто я, гул немедленно стих. Наверное, это было какое-то подобие уважения. И все же меня предупредили: главное — не пожимай руку ни одному мужчине. Даже во время награждения. А иначе иранцы тебя убьют».

Взаимные касания, или невербальные реципроки, такие как мужские рукопожатия, в ряде случаев могут нивелировать различия в социальных статусах здоровающихся. Как пишет Д. Шифрин, «когда за руку здороваются мужчины, это означает не только их равное участие в данном ритуале, но и равное достоинство двух людей» (Шифрин 1974, с. 190).

Рукопожатие — это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения (Холл П., Холл Д. 1983), но и, учитывая важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, демонстрация равенства и солидарности (см. об этом в Крейдлин 2002, гл. 5), это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии; ср. *руки, созданные для рукопожатия во время опасности* (О. Мандельштам).

О киргизских **рукопожатиях** уже шла речь выше. В Китае клятву и дружбу мужчины традиционно тоже скрепляют **рукопожатием**, причем клятва **рукопожатием** подкрепляется обменом кровью, взятой из правой руки²⁵. В Китае «всем мальчикам повторяют, что прилично здороваться, пряча правую руку под левой. Напротив, девочки обязаны укрывать левую руку под правой. Таково правило, позволяющее в обычные времена различать позы: правое — это инь, левое — ян» (Гране 2004, с. 248).

---

²⁵ Клятву китайские мужчины могли скреплять и иначе, например нюхать кровь жертвы, но в этом случае кровь брали из левого уха, причем в тот момент у того, кто ее брал, должно было быть открыто левое плечо (см. Гране 1929, с. 353).

В России **рукопожатие** в качестве знака приветствия почти исключительно принято среди мужчин. Очень редко мужчины отвечают пожатием руки на приветственное протягивание руки женщиной, а знакомые женщины, в основном молодые, при встрече приветствуют этим жестом одна другую, только находясь в составе смешанной группы или компании из мужчин и женщин. В то же время русские женщины охотно применяют **рукопожатие** при знакомстве или представлении друг другу²⁶. О русских **рукопожатиях** часто говорят, что они передают информацию о личности, однако систематические исследования соотношений между **рукопожатиями** и типами мужской и женской личности отсутствуют. Не выяснено также, насколько стабильными являются **рукопожатия**, меняется ли их форма и смысл с течением времени, или как меняется **рукопожатие** в зависимости, например, от типа ситуации общения, от свойств адресанта и адресата, от коммуникативных целей, от наличия или отсутствия во время исполнения жеста третьих лиц и др. На протяжении истории **рукопожатия** считались скорее мужскими жестами, нежели женскими, — в том, видимо, смысле, что ими чаще обменивались между собой мужчины и реже женщины с мужчиной или женщины друг с другом. Однако нам до сих пор очень мало известно о различиях в физических характеристиках мужских и женских **рукопожатий**, о таких признаках **рукопожатий**, как сила, длительность, энергичность, решительность, площадь захвата руки и под., о мужских и женских различиях в способах протягивания руки для пожатия и какие значения при этом передаются. Вот, например, типичные языковые характеристики русских мужских и женских **рукопожатий**, отражающие свойства **рукопожатий** и ощущения от них (левый член каждой пары соответствует женскому стилю): *вялый — твердый, женский — мужской, холодный — теплый, влажный — сухой*. Сопровождающие **рукопожатия** другие жесты и компоненты, ха-

²⁶ В связи с этим нередко встречающееся в литературе утверждение о том, что **рукопожатие** является чисто мужским жестом, попросту неверно: это зависит от того, в каком значении **рукопожатие** используется.

рактизирующие невербальное поведение, — это контакт глаз, текстура поверхности кожи (ср. **рукопожатие шершавой ладонью**), физическая и эмоциональная температура (ср. такие описания рукопожатия, как *теплое* (или: *холодное*) *рукопожатие*, передающее значения соответственно дружеского (недружеского) отношения и т. п.). Обычно температурные характеристики связываются с мотивированной доминацией у женщин, но не у мужчин, тогда как, например, сухость (ср. *сухое рукопожатие*) обычно соотносят с недружелюбием в среде мужчин. Сила **рукопожатия** стереотипно связывается с агрессивностью и доминацией.

7. Мужские и женские рукопожатия разных культур могут существенно различаться.

По моим собственным наблюдениям, в Португалии, по крайней мере в городе Порто и его предместьях, мужчины вместо **рукопожатий** (которые, впрочем, тоже встречаются) в знак приветствия шлепают друг друга по плечу²⁷. У айнов мужчина при встрече с женщиной, которая является ему близкой родственницей, например с сестрой, берет обе ее руки в свои и держит в течение нескольких секунд, затем внезапно освобождает руки, хватает женщину за уши и издает традиционный айнский крик радости. Затем какое-то время мужчина и женщина молча глядят друг друга по лицу и плечам. Мужчины народа каян с острова Борнео, приветствуя гостя, обнимают или обхватывают один другого, берут за предплечья, затем хозяин забрасывает руку через плечо гостя и любовно поглаживает ладонью его спину. Мужчины-курды хватают правую руку друг друга, поднимают вверх, и каждый целует руку партнера (Вильямс 1966, с. 29 и сл.). На Андаманских островах в Бенгальском заливе, когда встречаются двое друзей или родственников, которые долго не виделись, они приветствуют друг

---

²⁷ Отмечу заодно, что у португальских мужчин есть довольно необычный и сугубо мужской жест, который показывает хозяйке, что жестикулирующий получил наслаждение от обеда. А именно, в конце еды мужчина может поцеловать боковую сторону указательного пальца, после чего берет себя за мочку уха тем пальцем, который он только что поцеловал, и большим.

друга, один сидя на колене у другого. Руки каждого обвиты вокруг шеи партнера или партнерши, при этом они плачут или громко причитают несколько минут. Так здороваются, например, два брата, отец с сыном, мать с дочерью, муж с женой, причем именно муж сидит на коленях у жены. Когда же близкие расстаются, один из них поднимает вверх руку другого, подносит ко рту и нежно дует на нее (Радклифф-Браун 1922/1964, с. 117). Японский мужчина в знак приветствия может первым протянуть руку женщине. Это, как утверждает известный специалист в области невербальной коммуникации, исследователь японских жестов П. Тумаркин, долгие годы живущий в Японии, часто производит на русских впечатление холодности и высокомерия или, наоборот, «неуместного подбострастия» (Тумаркин 2001, с. 17).

В работе Кендон, Фербер 1973 представлен интересный семиотический анализ невербальных приветствий. В течение довольно длительного времени авторы записывали на видеокамеру прием гостей-американцев, приходивших по одному или группами. Прием был устроен двумя сравнительно молодыми людьми, отцом и матерью, по случаю дня рождения их сына, которому исполнилось пять лет. Всего было зафиксировано около 70 отдельных актов приветствий; гости были самых разных возрастов. На снятых при помощи видеокамеры кадрах, как отмечают авторы статьи, ясно различимы как отдельные стадии невербальных и смешанных — вербально-невербальных — актов приветствий, так и исполняемые участниками этих актов жесты.

Женщина-хозяйка, сидящая в саду под деревом, то и дело вытягивает шею, чтобы получше разглядеть, кто пришел. Затем она поднимается на ноги с улыбкой, которую А. Кендон и Э. Фербер назвали *upper smile* (это улыбка, при которой обнажается верхний ряд зубов; она, по мнению авторов работы, характерна для обычных, немаркированных приветствий людей англосаксонской культуры²⁸), и начинает двигаться в сто-

---

²⁸ Описываемая улыбка имеет несколько вариантов физической реализации — от улыбки, при которой в основном приподнимается лишь верхняя губа, чуть-чуть обнажая верхний ряд зубов (формаль-

рону гостя. На этом начальная фаза акта приветствия завершается. Далее женщина медленно идет по тропинке, потом, чуть отклонив голову назад, говорит *Hi* ('Привет, Здравствуйте') или что-то в этом роде, после чего голова ее слегка опускается, и женщина отводит глаза (при этом она поправляет прическу, одергивает платье, проводит по нему рукой и под., т. е. исполняет серию жестов из класса **прихорашиваний**). Это фазы дальнего приветствия и пространственного сближения. Дойдя до определенного места — границы некоторого воображаемого коммуникативного пространства, — женщина снова на какое-то время останавливается в ожидании гостя/гостьи, а тот/та продолжает свое движение и по мере приближения к хозяйке дома, которая смотрит прямо на него, отводит взгляд. Ответить женщине таким же прямым взглядом в глаза гость или гостья не могут, поскольку в этом случае его/ее глазное поведение оценивалось бы как неприличное или даже вызывающее. Прежде чем подойти к хозяйке поближе, гость/гостья в очень быстрой последовательности наклоняет голову, поднимает вверх руку или руки, поднимает голову и с обязательной улыбкой на лице протягивает руки с открытыми вверх ладонями навстречу хозяйке. Хозяйка здоровается с гостем/гостьей, обхватывая обе его/ее руки своими, протягивая руку (руки), обнимает или приветствует гостя еще каким-то способом. Фаза близкого приветствия пройдена. После того как гость поздоровался с хозяйкой, они делают шаг назад и отходят друг от друга на более далекое расстояние. Возможно и так, особенно если гость и хозяйка не находятся в близких отношениях, что сразу же после приветствия гость и хозяйка фактически становятся спиной друг к другу и заключительная фаза акта приветствия гостя завершена.

А вот что пишет о культурной ориентации, о себе и о своем отношении к актам приветствия боливийская исследовательница М. Варгас: «Я отношу себя скорее к дружелюбным людям.

ная улыбка приветствия), до улыбки, при которой рот открыт и верхние зубы полностью открыты (улыбка радости от встречи). Об улыбках, их формах, смыслах, функционально-смысловых разновидностях и сферах употребления см. подробно в книге Крейдлин 2002.

Например, я легко могу заговорить на улице с незнакомым человеком и никогда не упущу возможности поприветствовать того, кого хорошо знаю. Дома, в штатах Среднего Запада, подобное поведение относится к разряду достоинств и потому естественно, что я продолжала так себя вести и во время путешествий. Однако вскоре после того, как в Боливии я познакомилась и стала встречаться со своим будущим мужем, он спокойно и вместе с тем достаточно ясно объяснил мне, что не следует так живо приветствовать мужчин, которых я встречаю на улице. Почему нет, я, однако, не понимала, особенно если учесть, что все эти люди — мои хорошие знакомые. Муж терпеливо пояснил, что в боливийской культуре скромные девушки и добропорядочные женщины никогда сами не заговорят с мужчиной до тех пор, пока тот первым не обратится к ним, поскольку женщина, первая вступившая в такой разговор, считается в обществе легкодоступной. Тем не менее мне было очень непросто расстаться с привычкой, которая была у меня с самого детства» (Варгас 1986, с. 49).

8. Когда у нас мужчина и женщина **идут, взявшись за руки**, то данная поза значит одно, а когда женщина идет рядом с мужчиной и **берет мужчину под руку**, то такая поза уже означает совсем другое. Русская жестовая лексема **сжать локоть 1**, номинация жеста, обращенного мужчиной к женщине, предполагает приложение со стороны мужчины, исполняющего этот жест, силы, большей, чем нужна для жеста **взять за локоть**. Жест **сжать локоть 1**, т. е. данный жест в его первом значении, является симптоматическим и выражает сексуальное желание; ср. (14):

(14) Он делал счастливое лицо и улыбался всякий раз, когда его спрашивали, как поживает самая прочная супружеская пара в Париже. Отшучивался, нес какую-то забавную ерунду и не отпускал при этом мой локоть, сжимая его изо всех сил (Ф. Саган).

А еще один мужской жест (точнее, жестовая лексема **сжать локоть 2**), адресатом которого может быть человек любого пола, требует, вообще говоря, применения еще большей силы. Он выражает желание жестикулирующего предотвратить, по

его мнению очевидную и немедленную, реакцию адресата жеста на действия или слова третьего человека, например, удерживать таким способом адресата жеста от произнесения каких-то слов, которые, если бы были высказаны, могли бы причинить зло адресату или каким-то другим лицам.

9. Теперь буквально несколько слов об одном **классе** жестовых касаний, а именно о **поцелуях** (подробно о поцелуях — об их истории, о том, как разные виды поцелуев отражаются в русской и зарубежной литературе, о национальных особенностях поцелуев, вызванных культурными традициями, обычаями и характером народа, см. в книге Безелянский 2004).

Из всех видов **поцелуев**, класса невербальных знаков, в котором очень много самых разных по форме и смыслу единиц — **поцелуй в нос, в лоб, в щеки, в губы, интимные поцелуи** и др. вплоть до **воздушного поцелуя**, я рассмотрю только один, а именно **поцелуй в щеку**.

В большинстве районов Земли люди вообще не любят целоваться²⁹, но из всех видов поцелуев самым популярным является дружеский **поцелуй в щеку**. Впрочем, этот жест не везде относится к дружеским: в целом ряде районов Азии **поцелуй в щеку** считается интимно-сексуальным жестом, и на публике его избегают даже женщины. Тем не менее в большинстве культур **поцелуй в щеку** является жестом, которым либо обмениваются между собой женщины, либо мужчина с женщиной (в ряде стран Востока целуют друг друга в щеки и друзья-мужчины, особенно при выражении радости в момент приветствия).

Существуют запреты на **поцелуй в щеку** и иного рода. В Египте мужчина может поцеловать женщину на глазах других людей, только если она ему мать, жена или сестра, а в Афганистане повсеместно принято мужское приветствие **тройной поцелуй в щеку**: в левую, в правую и снова в левую. А вот в Тапуя в Южной Африке **поцелуем в щеку** обмениваются исключительно мужчины, и этот жест у них считается знаком мира. В Китае и Индии мужчины и женщины, строго придер-

²⁹ По данным антропологов, таких людей более чем две трети населения планеты.

живающиеся традиционных норм поведения, на улицах вообще не целуются³⁰. Во Франции в буквальном смысле слова никто не целуется так, как к этому привыкли, скажем, мы, целуя друг друга в щеки в дружеском приветствии: французы губами не касаются щеки другого человека, а только прикасаются друг к другу щеками. Эта относительно новая форма приветствия, при которой один из приветствующих, слегка взяв другого за плечи, касается правой щекой правой щеки адресата (реже — левой щекой левой же щеки или по очереди и так, и так), называется *акколада*. Так приветствуют друг друга женщины, женщина и мужчина (в этих случаях инициатором акколады обычно бывает женщина) и мужчины (акколаду применяют только близкие друзья или родственники), причем не только в приятельской, но и в полуофициальной обстановке. В Венгрии на улице целуются, как правило, только женщина с женщиной, а в Голландии люди встречаются и прощаются **рукопожатиями**, а не **поцелуями**, и это принято даже среди детей (впрочем, с близкими друзьями и родственниками женщины все же целуются, но мужчины этого в норме не делают).

Г. Проксемное поведение³¹

В своем руководстве по проксемному поведению Э. Холл (1974, с. 2) пишет: «Изучение культуры в ее пространственном аспекте — это изучение того, как люди, находящиеся в разных эмоциональных состояниях, окружениях и контекстах, люди, совершающие различные действия и вступающие в раз-

---

³⁰ Зато на улицах и те и другие часто сплевывают, а когда им говорят что-то вроде «У нас для этого есть носовой платок», искренне спрашивают, а зачем носить с собой эту ненужную и вредную жидкость целый день, — между тем как в Италии, например, выбрасывание слюны, будь то реальное или воображаемое, является оскорбительным жестом в адрес другого, но допустимым как для мужчин, так и для женщин.

³¹ Это последний тип невербального поведения, который мы здесь рассмотрим. Глазное поведение мужчин и женщин разных культур было подробно проанализировано в главе 6 книги Крейдлин 2002.

ные отношения, пользуются своим способностями к восприятию пространства».

Несмотря на изменившееся социальное положение женщины европейской культуры, европейские мужчины и сегодня обладают большими пространственными привилегиями, чаще всего из-за своего по-прежнему более высокого имущественного и общественного статуса, хотя при прочих равных условиях единственным фактором, влияющим на общественное распределение территорий, обычно оказывается пол. Женщины, как правило, занимают и контролируют меньшую, чем мужчины, территорию и меньшее количество помещений. Им отводятся гораздо менее предпочтительные и желательные площади (например, кухни), более тесные, менее габаритные и более «заселенные» квартиры, комнаты и дома, малые по размеру служебные помещения и офисы. Мужчины преимущественно обладают более мощными и крупными по размеру машинами, в их распоряжении оказываются гаражи, яхты, личные самолеты, бассейны и теннисные корты и т. д.³²

Существуют культурные различия, разрушающие (мнимо) универсальные стереотипы гендерного проксемного коммуникативного поведения. Вот лишь несколько примеров разного отношения людей к пространству коммуникации и разных смыслов, которые в разных культурах выражают и передают своим различным проксемным поведением женщины и мужчины.

1. На домашних цыганских застольях женщины и мужчины сидят в разных комнатах. А в зале московского ресторана «Яр» столы разделяет проход, и женщины и дети сидят слева, а мужчины справа от него.

2. При встрече или прощании мужчина-поляк по обычаю целует женщине руку. Жест **поцелуй руки** является чисто ритуальным, и, хотя он служит проявлением теплых чувств, будучи исполненным на физически интимном расстоянии (со-

---

³² Об этом социальном феномене и о тех следствиях, который он порождает, существует большая литература, см., например, Стрэйчампс 1974; Фриз 1974.

гласно классификации Холл 1959; 1966; 1974), он не является психологически интимным (о важном различии физического и психического расстояния (дистанции) см. подробно в книге Крейдлин 2002). Между тем еще один жест из класса поцелуев, **воздушный поцелуй**, и не является психологически интимным, и исполняется на более далеком (личном) расстоянии.

3. То, на каком физическом расстоянии происходит общение лиц разного пола, но одной расы (в пределах данной культуры), обусловлено по меньшей мере шестью факторами: степенью знакомства, намерениями коммуникантов, типом их характера (например, они оба интроверты или нет), физическим и психическим состоянием, социальным рангом коммуникантов, наличием или отсутствием при их встрече посторонних лиц.

При прочих равных условиях западноевропейская женщина стоит ближе к тому человеку, которого любит или считает близким другом, чем к просто товарищу или коллеге по работе. В результате как мужчины, так и женщины находятся на большем физическом расстоянии от партнера-мужчины, нежели от партнера-женщины.

4. Имеются устойчивые корреляции между психологическим типом человека, его любимой коммуникативной дистанцией и соотносительным с партнером пространственным положением (Вильямс 1971; Соммер 1959), а также между текущим эмоциональным состоянием человека и характеристиками коммуникативного пространства. Например, подавляющее большинство женщин-пациенток, которые регулярно приходили к доктору Дж. Лафту на психотерапевтический сеанс и которые находились в более возбужденном состоянии, оценивали физические расстояния между собой и своими партнершами как значительно меньшие по сравнению с теми величинами, которые называли их партнерши, более адекватно ощущавшие и более точно определявшие искомые расстояния (Лафт 1966).

5. Наблюдения и специальные эксперименты показали, что: (а) в женских парах физическое расстояние между участниками коммуникативного акта меньше, чем в мужских, причем (б) весьма существенный в других случаях параметр «степень знакомства» здесь особой роли не играет. Зато (в) с возрастом

межличностная дистанция в женских парах возрастает, а в мужских уменьшается. (г) В однополых женских парах расстояние между участниками коммуникации меньше, чем в разнополых, а (д) в разнополых парах расстояние меньше, чем в однополых мужских. (е) В стрессовых ситуациях расстояние между партнерами уменьшается по сравнению с обычным. (ж) В смешанных парах степень знакомства партнеров приобретает большой вес. Так, женщина стоит ближе к тому человеку, которого она любит или считает близким другом, чем к просто товарищу или коллеге по работе. В результате как мужчины, так и женщины находятся на большем физическом расстоянии от партнера-мужчины, нежели от партнера-женщины, а вторжение незнакомого мужчины в личную сферу человека любого пола менее приятно, чем вторжение в то же пространство со стороны женщины: когда мужчина вторгается в личное пространство другого человека, будь то женщина или мужчина, считается, что у него «плохие намерения». Интересно, что мужчины и женщины при этом по-разному реагируют и на способ приближения к ним незнакомых людей: женщины обычно чувствуют себя более неуютно, когда незнакомец находится у них за спиной, а мужчины — когда тот находится к ним лицом.

6. Гендерные проксеменные компоненты коммуникации тесно соотносятся с тактильными. Действительно, физически близкое — это то, к чему можно прикоснуться, что можно потрогать рукой или схватить взглядом, — иными словами, это все то, в присутствии чего можно убедиться физическим или метафорическим касанием. Ближайшее — это собственное тело человека, вместилище его жизни, ощущений и переживаний, но это также и тело другого человека, находящееся в интимном пространстве первого³³. Слова *тело*, *цель* и *целое* со-

---

³³ Связь интимности с душевной и телесной близостью отмечали очень давно, но в лингвистике она чаще фиксировалась в виде особой метафорической формулы наподобие общих категориальных метафорических моделей, или схем-образов (*image schemas*), из книги Дж. Лакова и М. Джонсона (Лаков, Джонсон 1980). На самом деле если выйти за пределы лингвистики и обратиться к проксемике, то оказывается, что эта метафора имеет вполне конкретные физические

звучны др.-греч. τέλος (телос), означающему 'конец, результат; жертва, приношение; праздник' и τελέεις (телеис), т. е. 'совершенный, отборный, без порока', а любовное тяготение и соблазн, возникающие между людьми разного пола, которые отобраны друг для друга, стремление обладать другим человеком, быть с ним вместе и рядом — это все этические категории, связанные, с одной стороны, с телом, телесностью, интимной дистанцией и любовными прикосновениями, а с другой стороны, с получением удовольствия и наслаждением от тела любимого или любимой. Тело любимого человека всегда является субъективно и эстетически привлекательным, а на другом полюсе находятся гротескные или уродливые тела. Они в норме эстетически привлекательными не являются — такие тела образуют эстетику балаганно-низкого, хаоса, клоунады.

7. Некоторые жесты, такие как **положить ноги на стол, нависнуть над столом, широко раздвинуть руки, овладеть пространством** (например, разместив в нем как можно больше своих личных вещей), утверждают право жестикулирующего на обладание некоторым пространством и право на его освоение. Эти жесты в русской культуре при прочих равных условиях, в частности при одинаковом статусе диалогических партнеров, характеризуют мужской стиль поведения. Они аналогичны мужским жестам **широким движением** положить руку на плечо, **решительно** взять за руку, **притянуть к себе**, т. е. жестам (или серии жестов) **захвата тела**, маркирования чужого тела как своего, присвоения чужой собственности.

8. У мужчин и женщин даже одной культуры по-разному развито **чувство пространства**. Одним из признаков пространственного восприятия является **пространственная визуализация**, другим — **чувство направления движения**.

Пространственная визуализация — это восприятие воображаемых объектов и перемещений объектов в трехмерном пространстве, когда наблюдатель может свободно манипулировать с образами.

(телесные) реализации, как и связь всякого эмоционального отношения между людьми с дистанцией между ними.

Репертуар жестов и то, как люди жестикулируют, могут отражать способ мышления людей. Замечено, что люди, которые много, свободно и разнообразно жестикулируют, обычно представляют и описывают мир в пространственных терминах, «переводя» абстрактные концепты в осязаемые физические понятия. Например, они представляют понимание как захват и, говоря о понимании, **сжимают кулак** или **кулаки**; определяя кругозор некоторого человека как широкий, **широко расставляют ноги**, говоря о любви или вспоминая о чем-то приятном, **поглаживают спинку кресла**, а рассказывая о предстоящем путешествии или отъезде, делают движение рукой в сторону внешнего по отношению, скажем, к комнате, где это происходит, пространства (в сторону двери, окна или стены). Полученные в экспериментальных условиях первые результаты по анализу соотношения способности к пространственной визуализации и ее невербального знакового проявления показали необходимость учета в этом случае гендерного параметра. Так, оказалось, что у (немецких и американских) мужчин пространственная визуализация выражена ярче, чем у (соответственно немецких и американских) женщин.

Другой аспект пространственного восприятия — это **чувство направления движения**, определение того, «где север, юг, восток, запад». В серии экспериментов было показано, что из 1300 воспитанников детсада, американских детей в возрасте от 4 до 6 лет, у мальчиков результаты по определению направления («куда идти») лучше, чем у девочек, а у более чем 300 восьмилетних детей результаты были такими: 55% успеха у мальчиков против 38% у девочек. Интересно, что значимых расхождений в отношении пространственной визуализации у мальчиков и девочек — американцев, учащихся старших классов, выявлено не было.

К практическим пространственным способностям относится также способность запоминать и воспроизводить маршрут от одного места до другого, а также помнить размещение предметов в комнатах и других видах пространств. Этот признак можно назвать **пространственной ориентацией** и, соответственно, **пространственной памятью**. **Пространственная ориентация и память** — это восприятие и воспроизведение

по памяти положения и конфигурации объектов в пространстве с наблюдателем как точкой отсчета (точкой референции). Так, в детстве мальчики лучше девочек ориентируются на местности, лучше запоминают дорогу, магазины, театры и другие здания на пути. Особенно это проявляется в возрасте 12—14 лет. Я заметил, что у нас мальчики-подростки жестикулируют больше девочек, когда пытаются объяснить дорогу к какому-либо дому или учреждению, и они жестикулируют еще больше, когда описывают какие-то абстрактные понятия или выполняют логико-когнитивные операции, например счет или чтение вслух.

Было обнаружено, что мальчики, посещающие детские сады, в норме точнее, чем девочки из тех же детсадов и групп, указывают положение объектов на местности. Американская учительница и исследователь Н. Беттис в своей диссертации о преподавании географии в школе проверила почти 1700 пятиклассников из 64 классов из 20 городских и сельских школ штата Мичиган. Почти все предлагаемые вопросы требовали умения читать карты (интерпретация расстояний, направлений рек, знание названий мест и таких географических фактов, как тип поверхности земли). Мальчики отвечали быстрее и точнее в среднем приблизительно на 42 из 49 вопросов. Аналогичный эксперимент в США проводился и с более чем 1100 студентами колледжей. 85% опрошенных юношей ответили правильно и более чем половина — отлично; у девушек результаты были такие: 60% опрошенных ответили правильно и только менее 15% — отлично. В школах Москвы (у меня собраны данные по четырем московским школам, где мне доводилось преподавать) девочки с хорошими пространственными способностями оценивались как более агрессивные и более маскулинные. Мальчики оценивали их значительно выше, чем девочек с плохими пространственными способностями, хотя статистически различия в пространственной ориентации и памяти нельзя считать релевантными ввиду малого количества испытаний³⁴.

---

³⁴ Еще одним фактором, влияющим на социализацию мальчиков и девочек, является **продолжительность и качественная способность овладения законами коммуникативного пространства**. Этот

§4. Гендер и эстетика телесных движений

4.1. В теории и истории культуры принято выделять два типа отношения к телу:

(а) апофатическое, или умолчание о теле, — стремление сделать тело незаметным, непримечательным и вместе с тем, так сказать, идеальным; в частности, это желание сделать так, чтобы мужское тело было неотличимо от женского, и (б) привлечение внимания к телу (типичные средства для этого: словесные проявления, особые невербальные знаки телесного поведения, одежда, украшения). Далее речь пойдет только о втором типе отношений.

Все на сегодняшний день изученные культуры обладают следующими признаками: в них осуществляются (1) контроль людей над своим телом и (2) контроль над коммуникативным поведением, своим и партнера. Кроме того, эти культуры либо уже выработали, либо постепенно вырабатывают устные, а нередко и письменные прескрипции относительно тела и телесного (соматического) поведения. В Европе, по всей видимости с XVI в., тело начинает рассматриваться как сырье для идеологических предписаний и наставлений — что можно делать, а что нельзя. Ср.: «человек вне социальных уровней и групп более природный, у него больше свободы телесного выражения» (Т. В. Цивьян). Сегодня в обществе формируется новый взгляд на тело и новое отношение к нему: тело по-новому репрезентируется через естественные языки и невербальное поведение, и, в частности, возникают новые нормы и идеалы телесной красоты и сексуальной привлекательности.

4.2. Оскар Уайльд писал: «Красота выше гения, потому что не требует понимания», однако всем нам известно, и отнюдь не из профессиональной деятельности, что физическая красота и умение подать себя являются решающими факторами и спутниками многих процессов и событий, происходящих во время общения людей. Этот факт, впрочем, требует и осмысления, и объяснения.

признак изучен совсем плохо, и здесь я могу его только назвать, обозначив проблему его анализа как актуальную и важную.

В большом количестве работ, многие из которых стали классическими в области психологии и социологии личности, невербальной семиотики и лингвистики, было показано, что такие эффекты, как восприятие людей и отношение к ним (см., например, Аронсон 1969), возникновение между людьми любви и симпатии (Бершейд, Уолстер 1969; Дион 1973; Уокстер и др. 1966), популярность одних лиц и непопулярность других в детских и взрослых коллективах (Дион, Бершейд 1974; Сасмен и др. 1983), вербальные и невербальные реакции на утверждения и оценки (Рис, Уитмен 1962), речевые акты убеждения, побуждения и принятия решений (Мехрабиан, Уильямс 1969; Милз, Аронсон 1965; Снайдер, Ровфарт 1971), достижение успеха в каком-то предприятии (Дион, Бершейд, Уолстер 1972) и др., в значительной мере зависят от впечатлений, какие участники соответствующих процессов и событий производят на своих контрагентов. Наш отечественный психолог Л. Гозман рассказывает в своем интервью одной журналистке, что в одном детском саду Москвы проводился следующий психологический эксперимент: «Двум группам воспитательниц рассказали об одном детском проступке и просили „назначить“ наказание. При этом им показывали разные фотографии „преступника“. Одной группе — красивого ребенка, другой — не очень. И оказалось: если красивого ребенка судят весьма либерально, то некрасивого — довольно жестко. То же самое происходит и в школе». В работах Миллер 1970; Дион 1973 и Сартри 1975 утверждается преимущество физически привлекательных людей над людьми некрасивыми в вопросах карьеры и занятия ими привилегированного общественного положения. По мнению студентов университетов и колледжей (а такие опросы проводились в целом ряде студенческих коллективов Америки и Европы, и их результаты как раз представлены в вышеупомянутых работах), красивые мужчины и женщины обладают большим числом положительных черт, причем как личностных, так и общественно значимых. Это физическая сила и чувственность, жизненная активность, притягательность и умение расположить к себе другого. Красивые и физически сильные молодые люди дальше продвигаются по служебной лестнице, у них более высокий академический потенциал; красивые муж-

чины и женщины быстрее создают семьи и счастливее в браке; более привлекательные молодые женщины воспринимаются как более приспособленные к жизни, более активные, даже как более умные, их дети, как правило, тоже красивые, и вообще, «〈they are〉 expected to have more total happiness in their life» ‘ождается, что их жизнь вообще будет счастливой’ (Дион, Бершейд, Уолстер 1972, с. 289). А говоря о специфике литературы как средства общения автора и читателя, М. Л. Гаспаров указывает на ее эстетическую действенность, т. е. на обращенность литературы к тому чувству человека, которое заставляет его подходить к предмету или явлению с точки зрения красоты (Гаспаров 1969, с. 505).

Стереотипы физической красоты женщин и мужчин несомненно, существуют, но различаются по культурам своими критериями и способами концептуализации в данном языке и невербальных знаковых системах. Так, в старом Китае существовали вполне четкие представления о женской красоте и, разумеется, совсем другие, чем представления европейцев. Красавицей там признавалась женщина хрупкого телосложения, с тонкими длинными пальцами и мягкими ладонями, маленькими ступнями и грудью, тонкими, выгнутыми дугой бровями и маленьким округлым ртом. Определяющими чертами внешности, судя по данным китайского языка, были глаза и брови³⁵: так, для описания красивой женщины достаточно было лишь охарактеризовать как красивые брови и глаза женщины. Выражение *mei-qing mei-xiu* (‘брови четкие — глаза красивые’) означает ‘тонкие (а значит, красивые, правильные) черты лица’, где под *mei-qing* (‘брови четкие’) имелись в виду брови с четкими границами, ясным силуэтом, без отдельно растущих волосков. Сочетание *mei-shan* (‘брови, как горы’) означает ‘брови красавицы’: китайцы часто сравнивали красоту бровей и глаз с красотой природных объектов или явлений, ср. аналогичное обозначение красивого женского лица при помощи выражения

---

³⁵ К такому выводу пришла студентка IV курса Института лингвистики РГГУ Светлана Харченкова в своей курсовой работе «Брови в китайском языке», написанной в 2004 г. под моим руководством.

gue-mei xing-yan (буквально ‘(словно) месяц брови — (будто) звезды глаза’).

Ниже я рассмотрю один класс русских кинетических элементов и их языковые номинации. Не все рассматриваемые мной единицы даже будут знаковыми, хотя в принципе все они способны приобретать то или иное значение в контексте. Речь пойдет об особых движениях человеческого тела — не об утилитарных физиологических действиях, или, как их называл М. Мосс, «техниках тела» (Мосс 1935/1996), а о тех движениях, которые (а) **привлекают к себе внимание человека** и (б) **производят на него положительное эстетическое впечатление и позитивное воздействие**. Именно такие движения русские люди квалифицируют и оценивают как ‘красивые’, и указанные свойства являются основными среди свойств красивых движений.

4.3. Красивые движения обладают особыми морфологическими характеристиками, а их языковая квалификация и оценка достаточно разнообразны. В своих первых встречах и знакомствах с другими людьми мы нередко строим свои суждения о них, об их характере и привычках, основываясь на чисто внешнем впечатлении, и движения и позы тела, как и мануальные жесты и их комплексы — прежде всего манеры поведения, — играют тут не последнюю роль. Красивые движения тела, как учили, в частности, неоплатоники, обозначают положительные качества человека, т. е. наличие каких-то добродетелей, хотя в реальной жизни так бывает далеко не всегда.

Далее я не буду говорить о красивых движениях в разных областях искусства — в кино, танцах или на театральной сцене. О них написано много специальных книг и статей, из которых выделю хотя и давно вышедшую, но совсем не утратившую актуальности, очень интересную книгу графа Сергея Волконского (Волконский 1913), которая посвящена сценическим движениям, построенным по системе известного французского режиссера Дельсарта. Не собираюсь говорить я и о движениях, которые человек совершает с какими-то предметами, наконец, я оставляю в стороне весьма важные проблемы вербальной и невербальной концептуализации соотношения движений

и строения тела, связи движений и символики одежды. Речь пойдет только о движениях человеческого тела и его частей в повседневной жизни.

4.4. Преимущественное отражение именно красивых движений в бытовых текстах или произведениях культуры, будь то литература, живопись или театр, является, по-видимому, одним из проявлений давно отмеченного специалистами в области прагматики принципа Полианны (см. Лич 1983; Армстронг, Хог 2001).

Полианной (по имени девочки, героини произведения американской писательницы конца XIX — начала XX в. Элеаноры Портер) называют внешне приятного, жизнерадостного, веселого, но чрезмерно оптимистичного человека, чей оптимизм окружающим кажется по меньшей мере неразумным и ничем не обоснованным, а потому странным. В психологии иногда используется и производный от имени Полианна термин *полианнизм*.

Согласно принципу Полианны, в своих вербальных и невербальных семиотических актах человек в норме выражает чаще красивое или хорошее, чем некрасивое или плохое, и использует для этого приятные и красивые слова и жесты.

Принцип Полианны был привнесен в лингвистику из психологии, где почти двадцать пять лет тому назад, впервые, вероятно, в работе Бучер, Осгуд 1969, была сформулирована гипотеза Полианны о том, что восприятие хорошего и приятного, а также отношение к добру, благу и красоте как нормам жизни и естественным положениям дел в мире являются основной и универсальной человеческой характеристикой и что такое отношение людей к хорошему и красивому проявляется в разных областях их жизни и деятельности.

Очень важным для оценки движения как красивого является знание символики жеста, его значения и интерпретации в данную конкретную эпоху. Так, согласно канону средневекового искусства, изображение на картинах и книжных иллюстрациях движений руки справа налево означало 'уход, отправление', а слева направо — 'прибытие', скрещенные запястья рук обозначали 'тревожное событие', и эти движения не подлежали эстетической оценке (см. выше о принципе Полиан-

ны). Точно так же не оценивался эстетически жест, при котором ладонь одной руки ложилась на запястье другой: такое положение рук означало 'признание человеком личной ответственности за изображаемое действие или событие'. Разворот или поворот корпуса в сторону от собеседника считался этически невежливым и уже вследствие одного только этого обстоятельства не мог оцениваться как эстетически красивый (см. Джеймс 1988). Роль человека в обществе тоже играет не последнюю роль в эстетической квалификации и оценке движений. В 1586 г. английская королева Елизавета сказала: «We Princess are set on stages in the sight and view of all the world duly observed. The eyes of many behold our actions» 'Мы, наследницы престола, постоянно на сцене, и на нас каждый день смотрит весь мир. Глаза многих людей следят за нашими действиями'. Исполнение публичной социальной роли автоматически предполагает выбор движений и контроль над ними, и в особенности это касается церемониальных и ритуальных действий. Некрасиво выполненные реверанс, поклон или преклонение колена, неумелое протягивание руки для поцелуя или рукопожатия, некрасивое снятие шляпки, публичное одергивание одежды или приглаживание волос на людях, неумение держать спину и даже некрасиво исполненные аплодисменты — все эти движения и жесты осуждались (да и сейчас осуждаются) обществом и вели к провалу коммуникации, больше того, коммуникация из-за такого поведения часто даже не начиналась. Прежде всего это относится к жестам подчиненности, зависимости и учтивости, таким как снятие головного убора, целование руки, поклона. Их исполнение должно быть умелым и красивым.

Так, шут в пьесе У. Шекспира «Конец — делу венец» (акт 2, сцена 2) замечает в разговоре с графиней: *Truly, madam, if God have lent a man any manners, he may easily put it off at court: He that cannot make a leg, putt off's cap, kiss his hand, and say nothing, has neither leg, hands, lip, nor cap; and indeed such a fellow, to say precisely, were not for the court.* 'По чести, ваша светлость, если господь Бог одарил кого учтивостью, тот при дворе и уживется и наживется. А ежели у тебя нет умения шаркать ножкой, посылать воздушные поцелуи,

болтать вздор и с вывертом снимать шляпу, то ты там останешься без ног, без рук, без языка, да и без шляпы. Нет, такому молодцу, верно вам говорю, при дворе делать нечего' (пер. М. Донского).

4.5. Думается, что нет необходимости отдельно обосновывать то, что противопоставление по полу — это одно из важнейших противопоставлений в сфере красивых движений. Красивые движения у мужчин и женщин одной культуры различаются. Судя по имеющемуся в моем распоряжении материалу, чаще эстетические характеристики движений тела относятся к женщине, а потому я остановлюсь только на красивых женских движениях (впрочем, многое из того, что будет сказано об эстетике женских движений, применимо и к мужским движениям)³⁶.

Красивыми женскими движениями являются (а) *красивые, прекрасные, очаровательные, чарующие, великолепные, артистические*; (б) *изящные, грациозные, величавые, величественные*. Ими могут быть (в) *мягкие, легкие, плавные*; (г) *женские*; (д) *точные, уверенные, естественные* и некоторые другие движения. Я разбил этот далеко не полный список прилагательных на несколько групп и хотел бы, во-первых, разобраться, какие женские движения люди считают красивыми (группа (а)), во-вторых, понять, что представляют собой *изящные, грациозные и величавые* движения, т. е. можно ли по некоторым формальным характеристикам движений предсказать такую их оценку (группа (б)); в-третьих, выявить природу некоторых тактильных метафор, а также мета-

---

³⁶ Возможно, тот факт, что эстетика тела и его движений больше относится к женщине, связан с тем, что женщины (как, впрочем, и дети) больше находятся под наблюдением или надзором других людей (указанное свойство объясняется не только или даже не столько психологическими, сколько биологическими причинами: у женщин и детей кровеносные сосуды расположены ближе к кожной поверхности, чем у мужчин). Женские лица, например, чаще, чем мужские, краснеют, ср. в связи с этим нормальное русское сочетание *покраснел, как девица* и странное, нарушающее стереотипное представление *покраснел, как юноша*.

фор тяжести и динамики, стоящих за красивыми движениями (группа (в)), в-четвертых, понять, почему движения женщины, описываемые как *женские* (а не как, например, **девичьи*), относятся в норме к эстетически красивым (группа (г)), и, наконец, в-пятых, выяснить, какие качества движений описываются словами группы (д) и почему движения, обладающие такими качествами, оцениваются как *красивые*. Ниже я затрону в основном только первые два вопроса.

4.6. Эстетическая квалификация и интерпретация движений тела зависит не только от конвенций красоты, принятых в данном обществе, но и от отношения к телу вообще и от того, какой тип тела считается эталоном красоты в данном месте и в данное время. В эпоху Средневековья в Западной Европе, на рубеже XI—XII вв., в рыцарской среде существовали куртуазная любовь и культ Дамы, когда молодой неженатый рыцарь поклонялся какой-нибудь знатной замужней женщине. Важным стимулом этого поклонения было телесное влечение к Даме, причем удовольствие, по-видимому, заключалось даже не столько в удовлетворении желания, сколько в ожидании такой возможности. Эталоном тогда служили полные округлые формы тела, которое должно было быть закрытым для глаз, — по куртуазному ритуалу даже слегка приоткрытые плечи воспринимались как знак чувственности, как демонстрация красоты тела и как свидетельство согласия женщины принять любовь друга. Кроме того, модными у женщин были считавшиеся в ту пору изящными движения томные и медленные, совершаемые, например, при благосклонном протягивании руки поклоннику для поцелуя — жеста в то время весьма распространенного.

В современную нам эпоху открытого тела и не слишком возвышенной любви эстетическими эталонами считаются совсем другие женские тела и другие движения — достаточно для этого посмотреть хотя бы один из многочисленных проводимых в наши дни конкурсов красоты. Тезис о том, что хорошие манеры и красивые движения укрощают дурные склонности и улучшают жизнь, сегодня не является общепринятым.

Теперь я назову формальные признаки, которые, по всей видимости, играют определяющую роль в описании эстетики

движений. Это — количество движений в единицу времени и темп движения, симметрия относительно оси «верх—низ» (далее «вертикальная ось»), плоскость исполнения движений, мера отдаленности их от тела. Следует сразу же указать на то, что человеческие движения плохо поддаются типизации, а потому многие из них можно назвать индивидуальной невербальной подписью человека. Не случайно мы говорим «я милого узнаю по походке»: мы различаем близких и даже просто знакомых нам людей по характерным для них формам движений даже со спины, по своеобразным изгибам и поворотам тела, движению рук, положению головы, ног, плеч.

Многие движения нами запоминаются и постигаются интуитивно, и если выражающие характер подобных движений сочетания, такие как *ее быстрые (энергичные, медленные, замедленные или широкие) движения*, еще можно встретить в литературных и разговорных текстах или услышать от людей, то сочетания *симметричные жесты* или *узкие движения* встречаются только в специальной литературе по невербальной семиотике как термины (ср. неправильное **ее узкие движения*) и не бывают в устной разговорной речи, а именная группа *ее широкий жест* является вообще обозначением движения души, а не тела.

4.7. Прежде всего формальные свойства движений отличаются, например, *грациозные движения* от *изящных движений*. Сочетания *грациозные движения* и *изящные движения* во всех известных мне лингвистических словарях, включая иностранные, где описываются соответствующие переводные эквиваленты, толкуются одно через другое. И действительно, объединяет *грациозные* и *изящные движения* очень многое. Они плавные, т. е. совершаются с относительно небольшой скоростью, не резкие и не энергичные, исполняются без видимых усилий и на некотором расстоянии от тела субъекта, при этом в движении человек свободно владеет своим телом и в реализации своей цели не сталкивается с другими телами и предметами. Вместе с тем слова *изящный* и *грациозный* не являются полными синонимами — они даже могут свободно входить в одну простую сочинительную группу и перечислительную конструкцию, см. примеры (15) и (16):

(15) В руке она держит пестрый пакет из-под купальника и, не без изящества и грациозности, изображает на своем неверном пьедестальчике позы записной манекенщицы (В. Кунин. Ребро Адама);

(16) И только Варя, маленькая Варя не оставила его мать. Саша вспоминал ее тонкое прозрачное лицо, малайские глаза, волосы, аккуратной челкой свисающие на крутой лоб, взгляд, каким красивые девочки смущают мальчиков, голые коленки, на которых она в школе писала шпательки, — маленькая женщина, грациозная, изящная... (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Грациозные движения — это движения исключительно тела человека или животного или, и это очень важно, такие движения частей тела (в частности, жесты), которые **подчеркивают красоту движения самого тела**, в то время как *изящными движениями* бывают движения частей тела, прежде всего рук, плеч, головы. Отношение между невербальными грациозными и изящными движениями и их языковыми обозначениями очень напоминает отношение между языковыми единицами *руки у мамы* и *руки мамы*. Первое характеризует маму **в связи** с ее руками, т. е. целое через часть, а второе — сами руки, т. е. часть тела. *Грациозные движения* подчеркивают красоту движения **самого тела**, хотя синтаксически прилагательное *грациозный* может присоединяться к обозначению движения части тела, а *изящные движения* акцентируют внимание на движении части тела, ср. иллюстрирующие это смысловое различие предложения (17а) и (17б):

- (17) а. Она грациозным движением поправила прическу;
б. Она изящным движением поправила прическу.

За предложениями (17а) и (17б) стоят, на мой взгляд, разные «картинки»: если в предложении (17а) признаком *грациозный* отмечено и движение корпуса, и движение поправляющей прическу руки, то в (17б) — только движение руки.

Изящными (конечно, в другом значении), но не *грациозными* могут, кроме того, называться предметы, причем не только материальные типа шкатулок, украшений, мебели, предметов туалета, одежды:

(18) *Как сжалось сердце и как я покраснел, когда просек, что и ее изящный костюмчик перелицован (Юз Алешковский. Кенгуру),*

или приборы, такие как, например, очки:

(19) *Вот этот слева милейший блондин, в таких изящнейших очках, да ведь Слава же, это же Славка, джазовый пианист, знакомый еще с 1963-го (Вас. Аксенов. Остров Крым),*

но также и речевые, музыкальные, живописные, кулинарные и другие произведения искусства, отдельные элементы поведения, игры — словом, все то, что является творческим процессом или результатом творческого акта.

Изящными могут быть разнообразные движения, но движения утилитарные, связанные с действиями человека с или над какими-то объектами: *изящно* можно поправить волосы, привести в порядок одежду, перевернуть страницу книги, дотронуться до человека; слово *грациозно* говорило бы в этих случаях о движении тела, что не всегда прагматически уместно; ср.:

(20) *Валентин встал и изящно перелистнул страницу, потрепанную, словно крылышко у измученной ребенком лимонницы (В. Сорокин. Тридцатая любовь Марины);*

(21) — *Понимаю... Слушай, киска, — он изящно тронул отворот ее бежевого плаща, — а ты... ты не могла бы и подружку свою захватить?* (Там же);

(22) *Изящным движением она коснулась моей руки (из телепередачи).*

Изящной, но не *грациозной* может быть фигура женщины, поскольку при описании фигуры обычно обходятся без указания на движение:

(23) *Саша обернулся к Варе. Тоненькая, изящная, самая юная среди них, она молчала, опасаясь сказать что-то не так (А. Рыбаков. Дети Арбата).*

Грациозные движения тела, прежде всего жесты рук, головы и ног, симметричны относительно вертикальной оси тела и исполняются с относительно небольшой скоростью. Их исполнительница — женщина с пропорциональной фигурой, при-

том не крупная и не тучная, в то время как исполнительница изящных движений может иметь любую фигуру. Ср.:

(24) Брижит Бардо встала и, очень грациозно спотыкаясь, выбралась из купе (Вас. Аксенов. Звездный билет);

(25) Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, посплюнув палец, стерла сажу с локтя (А. и Б. Стругацкие. Далекая радуга);

(26) Вадим такой, как всегда: занимает площадку, пританцовывает, тучный, грациозный, как слон, по-прежнему говорит о том, что знает он и не знают другие (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Последний пример, содержащий явную иронию, является единственным в моем корпусе, где признак *грациозный* характеризует мужское движение. Скорее всего, то, что определение *грациозный* применимо лишь к женским движениям, объясняется этимологической и культурной связью с грациями — римскими богинями красоты, радости и женской привлекательности. Кстати, *грациями* называли в переносном смысле или иносказательно красавиц, обладающих всеми совершенствами, и в этом значении слово часто употреблялось иронично даже в XIX в., ср. пушкинское

(27) Младые грации Москвы / Сначала молча озирают / Татьяну с ног до головы... (А. Пушкин. Евгений Онегин, VII, 46).

4.8. Величественными и величавыми движениями и жестами человеком подчеркиваются достоинство и осознание собственной важности, что, по меньшей мере, вызывает уважение к их исполнителям. Это неторопливые, медленные, красивые движения **на публике**, свойственные как женщинам, так и мужчинам, чаще всего походка и манера держаться. Это могут также быть особые сидячая поза, мануальные жесты и движения головой, взгляды:

(28) Мягкий, проникновенный голос вел его, приказывая и одновременно как бы покоясь, как покоится младенец в руках рафаэлевской мадонны. Эти трогательные, волнующие низкие ноты, эта чистота, в которой чувствовалось бла-

гоговение, эта стройность, женственность, величавость (В. Каверин. Двухчасовая прогулка);

(29) Они спустились с потолка и со стены, рассаживаются за столом ученого совета. У них величавые, сугубо древнегреческие жесты (Вас. Аксенов. Звездный билет);

(30) Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает — и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. II);

(31) Он стоял на трибуне и, по-видимому, чувствовал себя очень свободно, громко звякал бутылкой о стакан, наливая себе воду, чуть-чуть отпивая и продолжая говорить. Так как я тогда был слишком мал, чтобы оценить величавость его движений, я их воспринимал как странную замедленность (Ф. Искандер. Школьный вальс, или Энергия стыда);

(32) Язгуль величаво кивает и, обращаясь к кому-то в глубь дома, кричит по-туркменски (Ю. Трифонов. Предварительные итоги).

Величественные и величавые движения связаны с появлением человека перед аудиторией, они совершаются, так сказать, перед его выходом на сцену, ср. (33):

(33) А вот и она. В столовую вошла женщина лет тридцати, поразительной красоты, величавая богиня с резким рисунком большого упрямого рта (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Исполняя величественные движения, субъект может хотеть, чтобы зрители поняли, с какого рода человеком они имеют дело. Таким образом, эти движения, в случае если они не мотивированы личностными свойствами субъекта, выглядят как демонстративные и неестественные, а потому их торжественная красота уходит на задний план, а величавость движений оценивается как демонстрация надменности. Величавые (но не величественные!) движения в этом случае получают отрицательную оценку, см., например:

(34) Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем

были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. II).

Хотя А. Пушкин считал, что *«Служенье муз не терпит суеты»*. Прекрасное должно быть величаво (А. Пушкин. 19 октября), такой глагол, как, например, *восседать*, в предложении (35), подчеркивающий значимость особы, представляет носителя соответствующей позы не в самом лучшем свете:

(35) *В самой его (кабинета. — Г. К.) глубине, на дистанции, достаточной, чтобы всяк сюда входящий почувствовал разницу между собой и государством в лице очередного хозяина, располагалось нечто похожее на поле для настольного тенниса, за которым восседал (именно восседал, а не сидел) как бы в некой туманной дали вождь области Василий Никифорович Фирсов (В. Максимов).*

Основные компоненты формы величественных движений — это прямая спина и высоко поднятая и чуть откинута назад голова, как бы оглядывающая всех сверху вниз, ср. примеры (36) и (37):

(36) *В молодости, восемнадцати лет, [Варенька] была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного голову назад (Л. Толстой. После бала);*

(37) *Колдун показался снова! — кричали матери, хватая на руки детей своих. Величаво и сановито выступил вперед есаул и сказал громким голосом, выставив против него иконы: — Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места! (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. II).*

4.9. Прилагательные группы (в) подчеркивают те или иные компоненты красивых движений — мягкость, легкость, плавность, однако одних только этих характеристик еще недостаточно для оценочной квалификации движений как красивых: *мягкие, плавные и легкие движения* составляют лишь **необходимые**, но не **достаточные** условия для этого:

(38) *Правой белой рукой он только изредка делал короткие и плавные жесты, точно ставил в воздухе небольшие вехи в рассказе...* (М. Булгаков. Записки юного врача);

(39) *С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух! «Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю...»* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Дикаяньки, ч. II).

А женские или чисто женские движения и жесты подчеркивают женственность женщины, естественные движения, когда о них специально ведется речь, неявно противопоставляются неестественным, а потому и женские, и естественные движения свободно сочетаются с прилагательным *красивый*; ср. (40) и (41):

(40) *Красивым, чисто женским движением поправляет волосы и идет на сцену* (ремарка из киносценария);

(41) *Трудно что-нибудь представить кошмарней танцплощадки тех лет. Вот она перед моими глазами — со стареющими девицами, годами кружащимися на этом асфальтовом пятачке, и казалось, с годами, с каждым танцем что-то женское, человеческое выплескивалось и выплескивалось из них, пока не выработалась эта профессиональная маска с голодными провалами глаз* (Ф. Искандер. Письмо).

4.10. На этом я закончу описание отдельных видов красивых женских движений и остановлюсь очень коротко на красивых частях лица и связанных с ними жестах.

Элементы культурной и жестовой реконструкции говорят о том, что в Западной Европе в XVI в. основными, наиболее примечательными частями лица были губы и глаза (см. Захарин 2003). Я рассмотрю здесь только губы и некоторые связанные с ними жесты (о глазах и визуальном коммуникативном поведении мужчин и женщин во время общения подробно написано в книге Крейдлин 2002, особенно в главе 6, где речь идет о науке окулесике, изучающей язык глаз).

Губы служат не только для приема пищи, но и для лобзания (ср. *лобзать, лизать, облизывать, ласкать друг друга*), для любовных поцелуев и оральных сексуальных действий (начиная с XVII в.). Рот всегда считался местом для проявления

желаний и удовольствий, местом ликования плоти (ср. сочетания *вложить в уста, входит в уста*). Из прекрасного рта падают жемчуг и прекрасные слова, но из *плохого рта* (Афанасьев) могут выходить змеи и неприятные, злые слова.

Крупные губы считались сексуально привлекательными (хотя византийский канон — это маленький рот). Имела место **перверсия** женского лона: уста подобны лону и могут заменить его. В сочетании *женский рот* вчитывалось «тайный уд», т. е. половые губы. Существовало представление о правильном и неправильном использовании рта для поцелуя.

Европейские языки все имеют специальные выражения для жестов, выполняемых при помощи губ, а именно любовных поцелуев: сначала был татарский, т. е. «обычный» любовный поцелуй, затем — «вредное заимствование» — французский поцелуй. С губами связаны наиболее сильные человеческие страсти — страсть к обладанию другим человеком, похоть и влечение, чувственное вожделение, ср. выражения *приоткрытые от страсти губы, тянуться губами, жаркие губы*. Все эти выражения со словом *губы* говорят именно о чувственных телесных страстях, а «познав страсти, человек обрел кожу, т. е. телесную форму» (Св. Григорий Нисский. О душе и воскресении // PG. 46, 148С—149А).

А вот примеры другого отношения между частями тела, в том числе и перверсии. Это чрезвычайно типичные для любовной лирики русских поэтов XIX в. приемы **субституции**, или **замены, невербальных знаков**, например замены знаков необходимого, желаемого или вожделенного для тела на знаки утешения и подбадривания. См. примеры (42)—(43), а также пример (44), которым открывается настоящая книга:

(42) *Кто этот русский? с саблею в руке, В фуражке белой? страха он не знает! Он между всех отличен вдальке, И казаков примером ободряет* (М. Лермонтов. Измаил-Бей);

(43) *И скучно, и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды* (М. Лермонтов. И скучно и грустно...);

(44) *Но светлый мир уныл и пуст, Когда душе ничто не мило; Руки пожатье заменило Мне поцелуй прекрасных уст* (Е. Баратынский. Когда неопытен я был...).

* * *

Подводя итоги всему сказанному в Части I, хочется еще подчеркнуть, что гендерные сходства и расхождения в рамках одной культуры и одной национальной ментальности и в рамках разных культур, по-видимому, подчиняются некоторым общим принципам и установкам или, если воспользоваться терминологией А. Вежбицкой, культурным невербальным сценариям (или: скриптам). Так, общее позитивное отношение американцев к жизни и их оптимизм противопоставлены представлению русских о неадекватности текущей жизни, их ощущению вины и постоянным жалобам на жизненные неурядицы. Эти и другие культурные представления, как мы видели, находят отражение не только в естественной языковой, но и в невербальной коммуникации.

Часть II

НЕВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК ТИП ПОВЕДЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

§1. Невербальная агрессия и классы агрессивных жестов

Из разных типов невербального диалогического поведения людей меня будут здесь интересовать только два, а именно, (1) поведение, которое ориентировано на достижение кооперации с партнером и которое отражает уровень социализации и компетентности человека, и (2) поведение, которое направлено на доминацию в коммуникативном акте.

Первый тип поведения с агрессией непосредственно не связан, а второй, т. е. поведение, считающееся доминантным, бывает часто агрессивным, угрожающим, враждебным и даже воинственным, всегда контролирующим поведение партнера, даже вызывающим у партнера стресс. Подчиненное поведение квалифицируется в таких случаях как покорное, послушное, беспомощное, тревожное, боязливое, примирительное или успокаивающее.

В серии исследований, относящихся к разным разделам невербальной семиотики — от кинесики до проксемики, — было показано, что невербальные ключевые единицы, отражающие первый тип поведения, вообще говоря, не характерны для второго, и наоборот. Так, свободное (*relaxed*) поведение рук и асимметричное поведение тела коррелируют с доминантной позицией участника (см. Мехрабиан 1968; 1969; Гоффман 1956; Хенли 1973; 1977), а прямая стойка и прямая голова передают компетенцию, но не покорность. Впрочем, и доминантное поведение в действительности агрессивным быть вовсе не обяза-

но, а потому, например, оно может быть как холодным, так и теплым, как неприятным, так и приятным.

О том, что соматическое поведение человека и животного напрямую связано с борьбой за существование и выживание и потому по своей природе изначально является агрессивным, писал еще Ч. Дарвин в своей знаменитой книге *Дарвин 1872/1965*. Изучал агрессивное поведение человека и З. Фрейд. Он неоднократно описывал пациентов с болезненными реакциями отрицания и сопротивляемости, которые выражались в настроженных и злых взглядах, особых выражениях лица, яростных и агрессивных движениях и жестах. Один из основных тезисов, которые я здесь хочу выдвинуть и обосновать, не зависит от параметра «гендер». Он состоит в том, что невербальная агрессия, связанная с (нередко малооправданным) представлением участника коммуникации о наличии у него власти над собеседником, в русском языке тела в норме передается различными по своему физиологическому происхождению невербальными знаками со значением 'проникновения в личную сферу коммуникативного партнера'. Иначе говоря, невербальная агрессия осуществляется определенными жестами (в широком смысле этого слова), нарушающими личное пространство человека.

Это, прежде всего, общекоммуникативные и дейктические мануальные жесты, это жесты головы и ног, отдельные взгляды, нарушающие стереотипные для данной культуры нормы проксеимного пространства. Ср. русские кинемы **показывать пальцем** на человека в непосредственной близости к нему, **задевать руками** или **уставиться** — с помощью этих невербальных знаков один человек незаконно и насильно вторгается в личную сферу другого вопреки принятым в культуре и обществе нормативным этикетным правилам жестового, тактильного и глазного поведения, не позволяющим этого делать без его на то согласия, и др. Как правило, подобиего рода невербальные единицы в коммуникативном акте сопровождаются другими невербальными знаками, сходными по функции и прагматике, — параязыковыми, мимическими, позами, движениями корпуса (например, громким сердитым голосом, напряженным лицом с опущенными бровями, **угрожающим взгля-**

дом на собеседника, движением в его сторону, сидячей позой **вперед нагнувшись**).

Есть много важных с коммуникативной точки зрения подклассов класса **агрессивных жестов**, которые я здесь обозначу условными содержательными ярлыками: (1) **жесты (открытого или скрытого) неодобрения**, например **воротить нос** или **сдвигать и раздвигать пальцы** — форма, при которой направленные навстречу друг другу кончики вытянутых горизонтально указательных пальцев обеих рук поочередно сдвигаются и раздвигаются; этим жестом часто выражают несогласие с партнером в Испании и ряде стран Латинской Америки; (2) **оскорбительные жесты**, например **покрутить пальцем у виска**; **постукивать пальцем по лбу** или **постукивать ладонью по локтю**. Последний жест является мужским жестом датской культуры с такой физической реализацией:

согнутая в локте правая рука (у правшей) направлена вверх, ее открытая ладонь направлена в сторону адресата, а тыльная сторона ладони левой руки постукивает по локтю правой; одновременно правая рука из поднятого положения опускается в быстром, рубящем воздух движении. Жест означает 'пошел вон, проваливай отсюда'. А в Греции жест **ударить ребром ладони по запястью** примерно с тем же смыслом, что и **постукивать ладонью по локтю**, во-первых, не является исключительно мужским, а во-вторых, имеет несколько иную форму: жестикулирующий ребром левой руки совершает рубящий удар по запястью горизонтально расположенной правой руки, которая от удара слегка приподнимается (или — при меньшей силе удара — подъем руки имитируется). (3) **жесты угрозы**, и среди них **погрози́ть пальцем**; **погрози́ть кулаком**; **замахнуться**; **угрожающе привстать из-за стола**, жест с формой

рука с растопыренными пальцами направлена в лицо адресата; (4) жесты враждебного отношения, например стоять руки в боки; стоять, сжав кулаки; злобно смотреть; (5) жесты ослабления или подавления чужой воли: с силой сжать руку при рукопожатии (иначе: мужское рукопожатие); сжимать локоть; (6) жесты презрения, такие как отвернуться; отшатнуться; пренебрежительно рассматривать свою одежду и как бы удалять какие-то пушинки с нее; презрительно смотреть на адресата, наклонив голову вперед чуть вниз или в сторону и другие подклассы.

В русском языке существует огромное количество слов (главным образом, глаголов) и словосочетаний, обозначающих агрессивное телесное поведение. Это могут быть интерпретативные единицы, выражающие обобщенное агрессивное поведение: *приставать* (ср. англ. *touch up* 'приставать к женщине' — от глагола *to touch* 'трогать'), *привязываться*, *домогаться*, *лезть*, *нападать*, *набрасываться*, *накидываться*, *наскакивать*, *налетать*, *обрушиваться*, *надоедать*, *дергать*, *клеиться*, *впиваться*, *мучить*, *не давать житья*, *действовать на нервы* и др., или единицы конкретного действия: *толкать*, *отталкивать*, *пихать*, *отпихивать*, *бить*, *стукнуть*, *втыкать*, *вонзать*, *нависать*, *поднять руку на кого-либо*, *заработать по морде* и пр. За всеми такими вербальными единицами скрываются определенные модели и способы поведения, а также конкретные невербальные манифестации, в том числе знаковые.

§2. Пример лексикографического описания агрессивного жеста

Ниже я приведу описание одного из русских агрессивных мужских жестов, жеста **пинок**, выполненное в лексикографическом формате «Словаря языка русских жестов» (Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001). Однако, прежде чем перейти непосредственно к описанию жеста, следует пояснить устройство словарной статьи этого «Словаря». При этом я не буду, разумеется, подробно говорить здесь обо всех зонах и рубри-

ках «Словаря», а остановлюсь только на строении и содержании тех, которые представлены в приводимом описании.

Вход в словарную статью «Словаря языка русских жестов» состоит из трех частей: (1) схематического изображения жеста (фотография или рисунок); (2) его стандартного названия (номинации жеста) и (3) тезаурусно-классификационной характеристики.

Тезаурусно-классификационная часть входа задает парадигматические связи жеста, опираясь на ряд важных противопоставлений. А именно, по признаку участия в актуальной жестовой коммуникации части тела делятся на активные части тела, или рабочие органы, и пассивные части тела, или пассивные органы. Функция активного органа состоит в конкретном задании способа реализации жеста, а пассивный орган определяет место его реализации (например, для жеста **закрывать лицо руками** активным органом являются руки, а пассивным — лицо).

Интерпретация входа открывается зоной «Физическое описание жеста». Если схематическое изображение жеста в виде фотографии или рисунка фиксирует статический результат создания жеста, то зона физического описания (или иначе: физической реализации жеста) направлена на последовательный (пошаговый) синтез жеста.

Один и тот же жест может иметь несколько альтернативных способов физической реализации. Из них основным считается физиологически наиболее удобный, или наименее маркированный, вариант, который и представлен ниже в описании жеста **пинок**.

В зоне «Сопутствующие жесты» указываются жесты, мимика, позы и телодвижения, которые могут исполняться и часто исполняются одновременно с описываемым жестом, а также сведения о релевантной дистанции между коммуникантами при исполнении данного жеста.

В зоне «Толкование» приводится семантическое описание, или толкование, жеста (если жест многозначный, то жестовая вокабула членится на ряд жестовых лексем так, что каждая из них имеет ровно одно значение). Текст толкования пишется на семантическом метаязыке, который был построен в рамках

Московской семантической школы, однако семантическое разложение толкуемой единицы не всегда доводится до того уровня, который принят в современных толковых языковых словарях. В «Словаре языка русских жестов» разрешается использовать единицы, входящие в основной лексический фонд русского языка и потому, строго говоря, к семантическому метаязыку не относящиеся. Сделано это прежде всего для удобства неисключенного читателя «Словаря».

Зону «Толкование» дополняет «Комментарий», содержащий достаточно свободный по форме текст примечаний и замечаний к толкованию жеста. В «Комментарий» включаются, например, сведения о причинах, по которым те или иные смысловые компоненты введены в толкование, или информация о мотивах перехода жестикулирующего от речевой формы выражения к жестовой, сведения о возможных модификациях толкования в тех или иных контекстах и другие.

Основное содержание зоны «Условия употребления» составляют сочетаемость жеста и ситуативные и прагматические условия его употребления.

В зоне «Жестовые аналоги» указываются невербальные единицы, которые близки по смыслу к описываемому жесту и потому могут заменять его в процессе общения, а в зоне «Текстовые иллюстрации» приводятся примеры употреблений языковых выражений, описывающих данный жест. Иллюстрации в основном берутся из произведений классической и современной литературы, а также из записанных текстов разговорной речи.

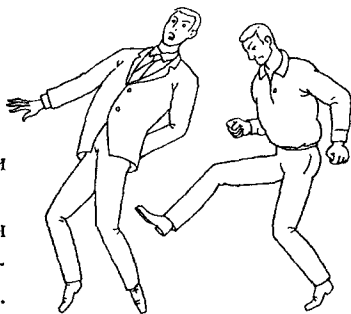
ПИНОК

(груб. поджопник)

Часть тела: нога.

Активный орган: ступня или колено.

Физическое описание: один человек ударяет ступней или коленом под зад (в жопу) другого.

Сопутствующие жесты: презрительная усмешка; агрессивное или злобное выражение лица.

Толкование: X дал пинок Y -у = 'Желая причинить адресату Y -у боль, сильно обидеть или унижить Y -а и показать Y -у свою власть над ним, считая, что Y не способен причинить ему ответное зло, жестикулирующий X ударил его ногой под зад'.

Комментарии:

(1) **пинок** — жест агрессивный, как и всякий удар, наносимый по телу адресата с целью причинить адресату моральную или физическую боль;

(2) физическая боль, ощущаемая адресатом от удара ногой под зад, является не столь сильной, сколь сильным является моральное унижение, испытываемое адресатом;

(3) компонент 'считая, что Y не способен причинить ему ответное зло' отражает тот факт, что X действует так только потому, что е. причины, по которым он считает, что, несмотря на то что он причинил зло Y -у, такое его поведение останется со стороны Y безнаказанным: Y не может причинить ему ответного зла, потому что он младше, слабее, недостаточно смелый, у него нет сил, у него подавлена воля, и он деморализован, он один, а X в это время находится среди «своих» и под. (см. ниже зону Условия употребления);

(4) в действительности, как и для многих других жестов (но не для всех!), допустима лишь имитация, демонстрация жеста, когда удара как такового не происходит. В этом случае жест считается все равно состоявшимся со всеми вытекающими из его толкования перлокутивными последствиями;

(5) жест может носить игровой, шуточный характер; в этом случае целевой компонент 'желая причинить...' зачеркивается, а вместо него в толкование вводится компонент 'выказывая Y -у дружеские чувства...'

Жестовые аналоги: удар ногой или коленом под зад.

Условия употребления:

(1) жест мужской, преимущественно применяется в молодежной — детской или подростковой среде. Выполняется в норме только по отношению к лицам мужского пола;

(2) жест обычно встречается в следующих двух типах ситуаций: (а) один человек, X, хочет подчеркнуть свое превосходство в силе над другим человеком, Y-ом, и свою полную власть над ним. В этом случае **пинок** применяется для подчеркнутого издевательского выражения физического или морального превосходства X-а над Y-ом и, как правило, производится в присутствии третьих лиц, что еще больше оскорбляет и унижает Y-а, ср.: *Скинхед надавал ему кучу поджопников, а все вокруг только смеялись*; (б) люди X и Y находятся в дружеских отношениях, ср.: *дружеский пинок*.

Текстовые иллюстрации:

(1) *Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег (Н. Гоголь. Шинель).*

(2) *Раздался свисток. Потом два раза ударили в колокол, потом чей-то благословенный пинок втолкнул меня в вагон, и паровоз, словно только этого и ждал, вдруг дернулся и заудел, стараясь перекрычать вопли и причитания оставшихся на перроне (Нодар Думбадзе. Я, Бабушка, Илик и Илларион).*

(3) *Нам уже понятно, что вы за гусь! Вел кота в милицию гражданин, таща бедного зверя за передние лапы, скрученные зеленым галстуком, и добываясь легкими пинками, чтобы кот непременно шел на задних лапах (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

(4) *Бежит Вовочка с большим фонарем под глазом по школьному коридору. Тут его учительница останавливает и спрашивает, мол, что случилось. А он радостно отвечает: — Да мне поджопник дать хотели, а я увернулся (анекдот).*

(5) *У него ведь не было баготворительной цели — накормить массы. Хлебушком он рогато заманил эти массы в клетку, дал последнему вошедшему в нее поджопник и захлопнул дверь (Юз Алешковский. Рука (Повествование палача)).*

(6) *Я на турбазу вечером зайду. Надо Лизке поджопник дать (Сергей Довлатов. Заповедник).*

§3. Гендерные особенности агрессивного невербального поведения

В течение довольно длительного времени считалось, что гендерные различия в социально обусловленных способах поведения, таких как послушание, подчинение или, в широком смысле слова, конформизм, являются производными от тех гендерных ролей, которые традиционно предписываются мужчинам и женщинам в данной культуре (см., например, Систринк, МакДэвид 1971, с. 200). Это утверждение вполне согласуется с эмпирически установленным фактом, что женщины чаще, чем мужчины, подвергаются общественному и индивидуальному давлению и насилию. В своем обзоре литературы по вопросам подчиненности и доминации У. Норд (1969) пишет: «It has also been well established, at least in our culture, that females supply greater amounts of conformity under almost all conditions than males» (с. 208), т. е. 'Было также точно установлено, что по крайней мере в нашей (западной. — Г. К.) культуре чуть ли не в любых условиях женщины занимают подчиненную позицию значительно чаще, чем мужчины'.

Большая, чем у женщин, чувствительность и восприимчивость мужчин к давлению партнера объяснялась тем, что женщина в соответствии с существующими культурными нормами должна быть более пластичной, миролюбивой, уступчивой, послушной и покорной и эти качества подавляют все личностные факторы, особенности характера, темперамент и пр.

Последующие работы по теории диалога и социальной психологии показали, однако, неправомомерность столь категоричных утверждений о причинах более агрессивного поведения мужчин. Вообще, как мне кажется, не следует непременно выводить доминацию, агрессию и вражду из социально и культурно мотивированных признаков, в частности из различий в гендерных ролях. Ведь встречаются просто люди обоих полов болезненно самолюбивые, раздражительные, скандальные, наконец, психопатические или патологически озлобленные на всех и вся. Их, как говорят психиатры, дисфоричность, т. е. крайние раздраженность и агрессивность, может быть обусловлена генетически или являться следствием приобретенной болезни,

а может заключаться в личной уязвленности и стремлении спрятаться за ширмой такого поведения. Логически непротиворечивым является существование других причин и типов агрессивного коммуникативного поведения, и неудивительно, что были обнаружены такие модели и формы поведения, которые на первых порах казались явным исключением из общих закономерностей.

Впоследствии исследователи гендерных оппозиций стали принимать во внимание существенно большее число кинетических параметров и учитывать более тонкие признаки и оценки маскулинного и фемининного поведения, равно как и изучать реально встречающиеся комбинации признаков. Групповое/личное давление, открытое/скрытое насилие, наличие / отсутствие во время диалога двух лиц сторонних наблюдателей, степень знакомства коммуникантов, стремление достичь личной выгоды / получить преимущества для другого лица или организации (учреждения, завода, института и т. д.), социальный статус лица / отношение к нему в коллективе, состояние здоровья человека, психотип личности / умение и/или желание контролировать свое поведение и др.³⁷ — все эти и

---

³⁷ Хотя эти признаки мной названы в простом перечислительном ряду, далеко не о всех из них можно сказать, что их влияние на невербальное диалогическое поведение, в том числе на агрессивное, хорошо изучено. Признаки, по традиции часто попадающие в орбиту внимания исследователей, — это пол, возраст, статус, тип решаемой в диалоге задачи, физическое и психологическое состояние участников диалога, причем они рассматриваются в литературе и по отдельности и в комбинации друг с другом. А вот степень и качество влияния других признаков на невербальное поведение изучены плохо. К таким признакам относится, например, степень знакомства участников коммуникации. Было бы интересно и важно (в разных отношениях) рассмотреть причины возникновения и невербальные проявления агрессии в замужних парах, в парах «взрослые родители — дети (как взрослые, так и маленькие)» или в парах друзей. Думается, что невербальные гендерные модели поведения для каждой из таких пар будут в общем случае совершенно разными. Из известных мне очень редких работ на эту тему см. Веман, Харрисон 1983; Сабателли, Бак,

многие другие признаки постепенно начинают попадать в орбиту внимания специалистов по теории коммуникации и социальной семиотике. Проведенные на большом и разнообразном культурном и социальном материале многофакторные эксперименты в сочетании с их надежной статистической обработкой показали, что наблюдаемые гендерные различия по доминации/подчиненности могут быть мотивированы гораздо более сложными по структуре факторами, чем культурные нормы поведения или общественные предписания женщинам и мужчинам вести себя таким-то образом в данной ситуации. Культурные наставления и рекомендации полам являются не более чем одним-двумя признаками из группы в равной мере значимых для коммуникации признаков, описывающих подчиненное или доминантное поведение.

Установлено, что, хотя женщины в определенных типах диалога с мужчинами и в определенных типах социальных ситуаций (которые, видимо, по общей численности преобладают) занимают подчиненную позицию, те же женщины в других ситуациях предстают как доминантные, более агрессивные и менее уступчивые, чем мужчины.

В частности, к инверсии культурно обусловленных коммуникативных ролей могут привести особый характер и важность решаемой в данном акте коммуникации задачи, личностные характеристики вступивших в диалог людей разных полов, отношения между партнерами, а также жанр и тон беседы. Сводить объяснение всех возможных отличий диалогического поведения женщин и мужчин единственно к различию в полах является в высшей степени надуманным и совершенно неэффективным с научной точки зрения. Истинная причина расхождений — не в полах, а в **стилях поведения**.

Агрессивная доминантная позиция (при этом уместно различать открытые и скрытые формы невербальной агрессии и, соответственно, прямые и косвенные способы артикуляции каждой из форм) и противоположные ей миролюбивая и успокаивающая или другая — покорная и подчиненная — позиции

имеют свои невербальные средства выражения и проявления. Так, подчиненность и покорность перед агрессивней передаются («выдаются»), например, явно **нервными движениями рук**, которые расположены очень близко к телу жестикулирующего и которые не передают иного, чем волнение, значения. В подобных случаях мы встречаем в текстах такие описания жестов, как *жестикуляция, движения* сжатыми или *трясущимися* руками. Покорность выражается также **смирненными позами** и (более скрытым и косвенным образом) особым видом голоса — **тихим, дрожащим голосом**³⁸. Человек открыто стоит перед «начальником» в несвойственной ему позе согнувшись, как бы уменьшая собственный рост, а тем самым символически и собственную значимость. Он робко садится на край стула или кресла, когда ему предлагают сесть, стремится избегать встречи с глазами собеседника, а потому контакт глаз у участников диалога слабый. В разговоре такой человек говорит медленно, то и дело запинаясь, в его речи много продолжительных пауз, часто заполняемых движениями и жестами.

Миролюбивая позиция, занимаемая в диалоге, передается в языке русских жестов открытыми, «незащищенными» позами, опущенными руками с открытыми в направлении собеседника ладонями, а также улыбкой, взглядом, голосом и тоном (они так и называются по-русски *миролюбивая поза, миролюбивая* (или: *успокаивающая*) *улыбка, миролюбивый взгляд, успокаивающий голос, миролюбивый тон*, ср. (45) и (46):

(45) — *Не обещаю*, — сказал капитан. *Девушка взглянула на Егорова миролюбиво* (Сергей Довлатов. Зона);

(46) *«Люди, меня окружающие, не могут соврать даже в мелочи, у них не может даже возникнуть мысли об этом».* *Товстухе показалось, что последнюю фразу Сталин произнес уже более миролюбивым тоном* (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Диалогическое поведение каждого из двух типов, которые были выделены в самом начале этого раздела и которые я далее буду называть, соответственно, **доминантным** и **коопера-**

³⁸ О голосе и его разновидностях см. Крейдлин 2000, с. 433—501.

тивным поведением, имеет свои гендерные особенности. Для женщины более компетентной, чем ее собеседник-мужчина, но имеющей более низкий статус, проявление большей компетентности в социальном диалоге может оказаться не только недостаточным для достижения какого-то коммуникативного, а вместе с тем часто и жизненного успеха, но даже вредным. В подобных ситуациях женщине можно рекомендовать использовать особые культурно и социально закрепленные невербальные поведенческие приемы (в сочетании с особым речевым и параречевым поведением) и отдельные невербальные знаки. Речь идет об открытом и свободном телесном выражении (мы говорим иногда о стремлении *свободно держаться*), т. е. это свободная посадка, нескованные позы; это наклоны корпуса в сторону адресата, приветливые улыбки, сравнительно высокий, но вместе с тем не постоянный, не назойливый контакт глаз, это, наконец, недокучливые и ненавязчивые жесты рук. Для женщины использование невербальных единиц, сглаживающих или скрывающих ее интеллектуальное, профессиональное или деловое превосходство перед мужчиной более высокого социального ранга, либо единиц, гасящих возможную агрессию такого мужчины, в деловом общении является чуть ли не обязательным.

Как я уже говорил в Части I, в ряде работ, посвященных мужской и женской речи, подчеркивается, что между мужской и женской речью нет резкой, непроходимой границы, а имеются лишь тенденции того или иного употребления, т. е. в норме проявляются только типические или специфические черты соответствующего речевого стиля. Аналогичное замечание можно вполне сделать и в отношении невербального мужского и женского стилей поведения. Традиционно считается, что русские мужчины более агрессивны, чем женщины (см. Часть I). Это стереотипное представление, однако, является, как мне кажется, в высшей степени надуманным и ложным, и строить на нем объяснение многих наблюдаемых различий женского и мужского поведения по меньшей мере неразумно.

Агрессивность — это выраженная в речевом или невербальном поведении семантически нагруженная комплексная характеристика человека, складывающаяся из связанных между

собой и сложным образом взаимодействующих друг с другом признаков. Среди них — внутренние качества данного лица, его отношение к поставленным и решаемым коммуникативным задачам, а также к партнеру по коммуникации или третьим лицам. Агрессивность — это прежде всего ролевая, стилевая и эмоциональная составляющая человеческого поведения. В зависимости от природы и сложности решаемой задачи и по причине того, что в нашем социуме мужчинам чаще, чем женщинам, приходится с усилием «пробиваться наверх», преодолевая значительные трудности для достижения личного успеха и общественного признания, возникает иллюзия, что агрессивность — это исключительно мужская черта поведения.

На гендерные расхождения, однако, накладываются различия по возрасту, профессии, образованию, компетенции, физическому и психическому состоянию, по месту рождения и месту жительства, по цели коммуникации. Например, у женщин зрелых, образованных и креативных, носительниц литературного языка, наблюдается больше фатического контакта, когда целью является само общение и контакт, а не информативное содержание разговора. Отсюда реально наблюдаемое у таких женщин и зафиксированное в целом ряде разнообразных по постановкам задач и их решениям экспериментальных ситуаций большое число жестов, регулирующих процесс общения, т. е. жестов-регуляторов. По-видимому, также из-за преобладания у русских женщин фатички, не относящейся непосредственно к сути обсуждаемого вопроса, в русской культуре утвердилось устойчивое представление о том, что наши женщины говорят больше, чем мужчины, что они любят болтать «ни о чем», чесать языками, судачить и сплетничать, ср. клишированные оценки женского речевого поведения, фиксируемые в русских пословицах и поговорках типа *У бабы язык, что помело, Одна баба сказала, другая добавила* или в таких выражениях, как *кухонная баба, бабы сплетни, бабские разговоры*.

Как известно, социальные роли и функции людей особенно проявляются в неофициальных сферах общения, накладывая отпечаток на стратегию и тактику ведения бытового диалога, на речевое и невербальное поведение людей. Так, женщины

легче мужчин переключаются с одного коммуникативного кода на другой (например, с речевого на жестовый и обратно), легко меняют роли в акте коммуникации, демонстрируя большую психологическую подвижность и гибкость. Отсюда неоднократно отмечавшееся специалистами по разговорной речи как присущее русским женщинам свободное переключение в ходе беседы на тему, непосредственно с предметом речи не связанную, например с переходом на тему, порождаемую конституацией, куда входят обстановка речи, действия говорящих, их внешний вид, прошлый опыт, круг соприкасающихся с ними лиц и еще очень многое другое. Сюда же можно отнести и частое отвлечение женщин на, так сказать, посторонние темы, причем они легче, чем мужчины, поддаются провокациям, сбивающим с главной темы, и высокую ассоциативность их речи, что порождает своеобразие тематического развития акта общения, в частности соскальзывание с текущей темы беседы.

У мужчин и женщин одной культуры и примерно одной социальной группы, как правило, по-разному проявляется отношение ко многим текстам и по-разному распределено внимание к объектам и темам текста. Так, рассказывая о кино или телефильме, женщины в канонических случаях пропорционально больше внимания уделяют действиям, а мужчины — словам, т. е. вербальному содержанию увиденного и услышанного. В диалогах, ориентированных на кооперацию, женщины более открыты и доверчивы, но вместе с тем они с вниманием следят за своим поведением и за поведением партнера. Они меньше делают речевых и вокальных ошибок, и речевые паузы у них чаще заполнены, они больше смотрят на партнера, больше улыбаются и придерживаются в отношении своих знакомых, неназойливых и, как говорят молодые девушки, скромных адресатов мужского пола сравнительно коротких дистанций. Женщины принимают в таких диалогах более спокойные позы, их жесты и телодвижения тоже более спокойные, все они неагрессивные, т. е. не задевающие партнера ни в физическом, ни в психическом смысле. При этом женское поведение в норме в большей степени контролируется исполнителем: оно более осознанное, чем мужское.

По имеющимся у меня данным, едва ли не самые заметные гендерные различия в кооперативном диалоге русских людей касаются длительности пауз и особенностей их заполнения. Долгие паузы, будучи ничем не мотивированными, часто воспринимаются как агрессивные, как таящие в себе угрозу. Быть может, поэтому в речи русских женщин паузы заметно короче, а относительно недолгое молчание обычно сопровождается жестами рук и головы, сменами поз, особыми взглядами. Помимо жестов, женщины и мужчины предпочитают заполнять паузы минимальными речевыми репликами междометного и паралингвистического характера, в сущности репликами с ярко выраженной фатической функцией — типа *угу, да, м-да, не* и т. п. Их главное назначение в диалоге — сигнализировать собеседнику о своем участии в разговоре, о невыключенности из него. Такие реплики скорее просто поддерживают беседу, чем выражают согласие или, гораздо реже, несогласие с тем, что говорит партнер. Женщины при этом часто не ограничиваются минимальной репликой, а стараются ее продолжить, добавив к ней что-нибудь новое. Мужчины же используют минимальные фразы прежде всего как заполнители пауз, с тем чтобы не потерять своей очереди в разговоре³⁹.

Еще раз подчеркну: женский стиль поведения в русской культуре более экспрессивный, но менее агрессивный, чем мужской. Своих собеседников женщина очень часто рассматривает как людей, могущих повлиять или уже влияющих на ее жизнь, а потому нарушение законов общения, прежде всего этики общения, трактуется женщиной как явно агрессивное вмешательство в ее личную жизнь. Я уже писал о том, что женщины лучше мужчин распознают по невербальным ключам эмоциональные состояния собеседников, хотя различия в способности их же невербально выразить сглажены. Женщины говорят высоким тоном и тише, причем в разнополых диалогах громче, чем при диалогах между собой (Маркел и др. 1972). Этот

---

³⁹ Эти и другие особенности ведения разговора и заполнения пауз, прежде всего паралингвистическими и жестовыми средствами, изучаются в особом разделе невербальной семиотики, а именно в науке о семиотике времени коммуникации — хронемике.

факт объясняется как отражающий бóльшую интимность и меньшую агрессию людей в нормальных разнополюх диалогах. Такое объяснение кажется осмысленным и правдоподобным, однако, если его принять, возникает странный парадокс. Коль скоро бóльшая громкость связана с тем, что человек рассержен или относится к другому с презрением, коль скоро человек повышением голоса выражает доминацию, получается, что женщины в разговорах с мужчинами должны быть более рассерженными, относиться к мужчинам с бóльшим презрением, чем к женщинам, или же проявлять в разговорах с мужчинами большее властолюбие, чем по отношению к другим женщинам.

В работе Маркел и др. 1972 было показано, что имеется абсолютное, а не относительное увеличение громкости в общении американской женщины с мужчиной по сравнению с разговором двух женщин. Последнее обстоятельство, как кажется, разрушает имеющийся гендерный стереотип: мы, видимо, ждем, что женщины в нормально протекающем диалоге должны вести себя в отношении знакомых мужчин более спокойно, приятно, почтительно и послушно, чем в отношении диалогических партнеров-женщин. Впрочем, с незнакомыми мужчинами женщины совсем не ведут себя так, как утверждает данное клише.

Отмечу, что телевизионные шоу, рекламные ролики и клипы, на которые опираются многие исследователи гендерного аспекта коммуникации и гендерных невербальных коммуникативных различий, не отражают обычного повседневного поведения людей. Ведь тут коммуникативные роли не исполняются, а играют, идет явная демонстрация, так сказать театрализация, поведения. Например, женщина перед камерой или залом, осознающая, что на нее смотрят, может стремиться подчеркнуть свое зависимое положение, скорее потакая общественным стереотипам, чем противореча им. В зависимости от целей режиссеры демонстрируют то слабость женщины и доминацию над ней мужчины, то агрессию и даже какую-то звероподобность мужчины и уступчивость его грубой силе женщины, но иногда поступают и в точности наоборот.

В одном из наиболее часто встречающихся в жизни и невербально насыщенных видов агрессии, а именно в сексуальной агрессии, у мужчин и женщин чувства и разум существуют как бы в противофазе: когда одно ведет себя агрессивно, второе уступает; у женщин эти состояния легче совмещаются. Однако влюбленные мужчины в своих невербальных проявлениях приближаются к женщинам, а влюбленные женщины — к мужчинам, т. е. различия в невербальных кодах сглаживаются. Важная проблема нейтрализации гендерных различий в невербальных семиотических актах, о которой я говорю, ранее никогда даже не ставилась.

Последнее, на чем мне бы хотелось коротко остановиться, — это на агрессии, проявляющейся в интерактивном поведении детей и подростков, а также на типовых моделях агрессивного невербального поведения девочек и мальчиков. Особенно проявляется подростковая жестокость и агрессивность, нередко криминального характера, когда у подростка начинает доминировать чувство взрослости, независимости и резкого противостояния каким-то сложившимся в обществе или отдельном коллективе нормам и правилам. Если в России жестокость, насилие или более «мягкое» агрессивное поведение подростков (причем сегодня уже и девочек тоже) на улицах городов проявляются невербально в жестах, задевающих и обижающих другого, — неважно, будет это мальчик или девочка, — в стремлении грубо **остановить, толкнуть, подставить подножку**, ударить, «попросить» или отнять что-либо, то почти всегда (и это автор говорит с полной уверенностью, опираясь на свой многолетний опыт преподавания в московских школах в самых разных по возрасту и составу классах) агрессия мальчиков в русских школах по отношению к девочкам примерно того же возраста связана либо с чувствами обиды и зависти, вызванной тем, что девочка делает лучше мальчика то, что ему как бы предписано делать лучше (социальный мотив), либо со стремлением мальчика завоевать внимание конкретной девочки, заинтересовать ее собой, при этом, скорее всего, «побеждая» других соперников (сексуальный мотив). Отсюда все эти дерганья за косички, стремление задеть, толкнуть девочку, постоянные взгляды в ее сторону, желание заговорить с ней, ска-

зять что-то, и часто невпопад, вызвать других мальчиков на поединок и победить их в различных состязаниях и спорах, попытки вызвать своим «героическим» поведением ее восхищение, а может быть и ревность, и прочие невербальные и вербальные приемы.

Невербальная детская и юношеская агрессия и ее вербальные и невербальные проявления, как мне представляется, — это исключительно важный, но пока еще только будущий предмет совместных усилий психологов, медиков, антропологов, социологов, лингвистов и специалистов по невербальной семиотике.

Часть III

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ

§1. Общая характеристика невербального компонента делового общения

Привычка судить о свойствах и деловых качествах человека по жестам и манерам поведения сложилась у людей очень давно. Древние арабы, например, признавали благородным и удачливым мужчину, который при ходьбе имел обыкновение широко расставлять ноги и размахивал руками, а участвуя в диалоге, смотрел в глаза собеседнику, чуть наклоняя голову вправо. Тот, кто в разговоре вдруг начинал бледнеть или краснеть, кто сглатывал слюну и закусывал нижнюю губу, кто начинал тереть руки и мять края одежды, говорил сбивчиво, не смотрел в глаза партнеру и ерзал на месте, по мнению арабов, совершил что-то предосудительное и не заслуживал внимания и доверия.

Психологи разных стран отмечают, что воздействие, которое мы в устном деловом общении оказываем на других людей, зависит от того, что мы говорим, лишь приблизительно на 7%; от того, как мы это говорим, — на 38%, а от языка нашего тела — на 55%. Было также подсчитано, что 80, а то и 90% всей эмоциональной информации мы еще до слов фактически выражаем и передаем в интерактивной деловой коммуникации невербальным способом. Подчеркивая важность невербального компонента делового общения, кто-то заметил: «Words may be what men use when all else fails» ‘Быть может, слова — это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными (букв. «⟨...⟩ когда все остальное терпит неудачу»)’.

Сегодня уже стало расхожим утверждение о том, что для достижения благоприятного впечатления на партнера и успеха в каком-либо деле необходимо обращать особое внимание на язык тела, и многие политики и бизнесмены специально обучаются этому языку и используют его в разных целях, в частности, чтобы добиться расположения адресата и заставить его поверить их словам. Несоответствие же между словами и жестами может приводить к неправильному истолкованию увиденного или услышанного.

Научившись вести свободную деловую беседу на естественном языке, мы этим преодолеваем только часть дистанции на пути эффективного делового общения с другими людьми. Нам еще предстоит осознать, сколь важной является область **невербального** делового диалога, особенно в сочетании с вербальным. Невербальные знаки и способы невербального взаимодействия, которые входят в стратегии и тактики поведения деловых людей, отличаются и по разным культурам, и по разным социальным группам в пределах одного этноса и одной культуры.

Приведу лишь два примера, свидетельствующие о важности невербального коммуникативного кода в деловом общении.

Пример первый. Предположим, что фирма, в которой вы работаете, поручила вам организовать торжественный обед в честь высокого гостя, с которым фирма решила завязать самые тесные деловые отношения. Только приглашенные расселись и вы еще не успели подумать, что все удачно складывается, как шеф отыскивает вас своим взглядом среди приглашенных и молча, но выразительно показывает, что пора начинать и вам нужно произнести тост в честь гостя (на этом месте описания становится понятным, что этот «вы», о котором идет речь, — мужчина: пол референта имени *вы* устанавливается на основании стереотипного представления о том, что тосты, в особенности открывающие официальные приемы, произносятся, как правило, мужчины). Что делать в этой ситуации, когда произнесения тоста не избежать и чем раньше вы его скажете, тем лучше?

Здесь приходит на помощь знание вербального и невербального этикетного поведения. Во-первых, согласно этикету, следует убедиться, что все сидят, и не с пустыми бокалами. Затем нужно привлечь общее внимание. Обычно в русской традиции это делается с помощью цепочки невербальных действий, и никто, например, не взывает к присутствующим: «Послушайте меня», «Замолчите хоть на минутку» и пр. Человек встает (поза), иногда стучит по основанию своего бокала (параязыковое действие с предметом)⁴⁰. После этого следует очень быстро, но обязательно взглянуть на будущего делового партнера (мимический жест — взгляд), и если тот, скажем, сидит рядом со своей дамой, то нужно обязательно обратить свой взгляд и на нее тоже. И только после всех этих невербальных действий произносится тост.

Однако и в вербальном акте произнесения тоста мужчине следует правильно вести себя невербально, а именно не смотреть куда-то в сторону от делового партнера или себе под ноги, как бы вы ни смущались, не бросать осуждающих взглядов на тех, кто, пусть в нарушение этикета, разговаривает с соседями. А после тоста, выпив, полагается сразу сесть. И тост на званой деловой встрече не должен длиться дольше 30 секунд. Еще лучше, кстати, узнать заранее, принято ли чокаться в стране, откуда приехал гость, но в любом случае скорее следует не чокаться, чем чокаться.

*Пример второй*⁴¹. Бывший премьер-министр России Е. М. Примаков — типичный флегматик. Это означает, что для его невербального поведения определяющим является сочетание двух признаков — **интроверсии**, т. е. обращенности

---

⁴⁰ Комплексы, состоящие из звуков, возникающих от действий с предметами или над предметами, и самих предметов — источников этих звуков (включая человеческое тело и звуки, возникающие от манипуляций с ним или над ним), которые принимают участие в акте актуальной коммуникации и во вполне определенных ситуациях семиотизируются, т. е. превращаются в знак, получили в невербальной семиотике название **адапторов**. Кроме того, адапторами называются и сами элементы этих комплексов — звуки и предметы.

⁴¹ Этот пример уже встречался на страницах российской печати.

внутри себя и закрытости от собеседника, и **невысокой эмоциональной возбудимости**, т. е. уравновешенности и внешне-го спокойствия. От флегматика трудно ожидать интенсивной жестикуляции, поэтому в беседе, если нужно узнать собеседника-флегматика получше, важно уделять каждому его жесту особое внимание. В частности, в отношении Е. М. Примакова западными специалистами было отмечено, что в деловых протокольных встречах, когда встречающиеся идут навстречу друг другу, он еще за несколько шагов до места встречи начинал поднимать свою ладонь вдоль корпуса почти до плеча и далее сверху опускал руку в направлении ладони партнера. Этот жест, в особенности в сочетании с прямой спиной, в норме всегда демонстрирует **наличие контроля над ситуацией** и **доминанцию** как ведущую черту личности⁴². У коммуникативного партнера независимо от его ранга и положения, даже у такого, как, например, первый президент России Б. Н. Ельцин или директор Международного валютного фонда М. Камдессю, подобное поведение вызывало не очень хорошее ощущение (М. Камдессю даже как-то высказался на эту тему). Особенную неловкость вызывает сочетание такого жеста с придерживанием ладонью левой руки плеча или локтя коммуникативно-го партнера, что, кстати, сегодня делают многие политические деятели, в том числе политики-мужчины, даже применительно к женщине.

---

⁴² Существует тесная связь, с одной стороны, между прямым положением корпуса и наличием контроля над ситуацией, а с другой стороны, между наклоненным вниз положением тела и слабым контролем над ситуацией или отсутствием такового вообще. Сила, уверенность, здоровье коррелируют с прямизной тела, а усталость, слабость, физическая или моральная тяжесть, болезнь вынуждают человека согнуться, заставляют держаться непрямо. Согбенная спина, изогнутый корпус — это также и характеристики старости, «груза прожитых лет» (Крейдлин 1996).

§2. Линии поведения и особенности гендерного невербального делового общения

Ниже я рассмотрю несколько примеров, иллюстрирующих гендерные особенности деловой коммуникации носителей различных подязыков в пределах одной социальной и культурной общности и разных невербальных языков у разных народов. Я утверждаю, что адекватное владение невербальным языком и деловым стилем общения, а также понимание гендерных аспектов невербальной коммуникации включает в себя не только знание смысла мужских и женских жестов и умение пользоваться этими жестами, но также знание всех номинаций каждого из жестов. Наоборот, адекватное владение естественным языком в качестве одной из составляющих предполагает не только умение пользоваться его языковыми номинациями как элементами вербального знакового кода, но и способность распознавать стоящие за ними жесты.

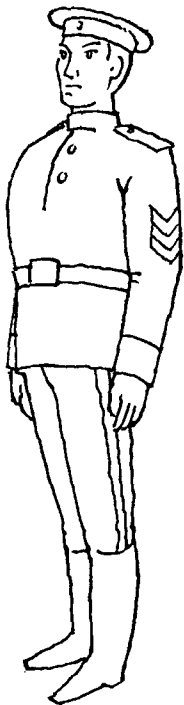
Каждый человек живет в мире коммуникативных социальных взаимодействий с другими людьми, и в каждом виде контакта человек стремится выработать заранее или выстроить по ходу общения то, что по-русски называется *линия поведения*. Линия поведения — это общая стратегия и конкретные тактики вербальных и невербальных актов, с помощью которых человек выражает свою позицию, мнения, чувства или отношения и дает оценку обсуждаемой ситуации. Кроме того, жестами человек может передавать информацию партнеру и регулировать сам акт общения.

Линия поведения в деловом общении — вещь чрезвычайно важная, поскольку, только выбрав верную линию поведения, можно достичь успеха в каком-то предприятии. Выбор неверной общей стратегии и конкретных тактик поведения всегда приводит к неуспеху и данного акта общения, и его значимых, по крайней мере для одного из участников, последствий. Когда сам человек производит своим поведением хорошее впечатление, писал один из выдающихся психологов, социологов и антропологов XX в. Э. Гоффман, он оставляет у людей хорошее мнение о своей профессии или о намеченном им деле.

В большом числе случаев делового общения мужчин и женщин линии их поведения, во-первых, сближены, а во-вторых, довольно жестко регламентированы и даже узаконены. Отклонения от принятых в данной культуре или в данном типе деловых ситуаций норм невербального поведения, ложные шаги, промахи или просто досадные и глупые ошибки могут повлечь за собой суровые наказания, а именно, личные и социальные санкции по отношению к данному лицу. Человека, который не умеет себя вести, который не соблюдает этикет и то, что по-французски называется *politesse*, т. е. не обладает хорошими манерами, невежлив или неучтив, обычно избегают. Такого человека могут также исключить из общества как потерявшего лицо или, как говорят русские, *с ним/ней перестают разговаривать, его/ее не принимают, отлучают от дома, не приглашают к себе и не имеют с ним/ней дела.*

Приведу пример одного фрагмента из формального застольного этикета, который соблюдается во время торжественного банкета, происходящего в Стокгольме после ежегодной церемонии вручения Нобелевской премии. В этом жестком ритуале, где мужские и женские роли четко распределены и где прописано поведение каждого мужчины и каждой женщины, немисливо нарушить ни один из пунктов.

За праздничным столом самые почетные места отводятся королю Швеции и его супруге. Рядом с королем должна также сидеть жена лауреата, обычно это жена лауреата-физика. По протоколу пить можно только по команде председателя Нобелевского комитета. Пока он произносит тост, гости должны стоять, держа бокалы за ножку. Мужчины держат бокалы на уровне не выше самой верхней пуговицы своей манишки, а женщины — не ниже второй пуговицы сверху. После первого глотка все садятся, но тут же снова встают, и ритуал повторяется, пока речь произносит король, выступающий всегда вторым. Чокающиеся гости обязаны смотреть в глаза друг другу (такая традиция идет, видимо, со времен викингов, которые не доверяли один другому и опасались неискреннего поведения партнера; считалось, что чокающийся может даже убить гостя, если тот не смотрит на него).

Существуют социально маркированные ситуации делового общения, требующие исполнения конкретных жестов. Это, например, ролевая ситуация поведения в суде, когда при словах *Встать, суд идет!* необходимо **встать**, и ситуация, когда произносится воинская команда *Смирно!*, **вытягиваются** (по струнке). Социально маркированной является также ситуация гостевого визита, регламентируемая определенными этикетными правилами, в том числе и невербальными. По принятым в русской культуре нормам этикетного поведения хозяин имеет преимущество перед гостем. Человек, пришедший в гости, ждет, когда ему откроют дверь, затем на какое-то время **останавливается в дверях**, ожидая ритуального приглашения войти. Войдя в комнату (не в спальню) или на кухню, гость не может, например, лечь или сесть, где захочет, без разрешения хозяев. Гостье-женщине помогают раздеться, повесить на вешалке пальто и под.

Смыслоразличительными могут быть и отдельные физические элементы и свойства, составляющие и характеризующие сам жест. Так, по данным работы Винер и др. 1972, в англоязычной невербальной традиции существенную роль играют такие компоненты иллюстративных жестов руки, как положение и ориентация ладоней. Например, положение рук «ладони вверх», или **palms up**, в англоязычной культуре равносильно выражению неуверенности говорящего. Этот жест характеризует женский стиль невербального коммуникативного поведения. Он сопровождает слова *Я думаю* или *Мне кажется* и в смысловом отношении дополняет речь примерно следующим образом: 'Я в сказанном не уверен и снимаю с себя за него ответственность, а потому не следует со мной на эту тему долго говорить'. Положение рук с открытыми ладонями вниз, или жест **palm(s) down**, отличает, наоборот, мужской стиль поведения. Этот жест показывает, что вербальное вы-

сказывание, которое он сопровождает, не может быть оспорено или поставлено под вопрос. В этом М. Винер и его соавторы, безусловно, правы. Однако здесь это происходит, как мне представляется, по иной, чем в первом случае, причине. Жест **palm down** выступает вместе с такими английскими словами и сочетаниями, как *clearly* 'очевидно, явно, ясно', *absolutely* 'безусловно, совершенно, абсолютно', *without doubt* 'несомненно, вне всякого сомнения', и подчеркивает непреложность сообщаемого, а также сигнализирует об уверенности и напористости жестикулирующего. Используя его в диалоге, люди как бы увеличивают значимость высказываемых ими мыслей и идей. Наиболее часто, по данным американских информантов, этот мужской жест применяется в целях убеждения собеседников в правоте отстаиваемой точки зрения в спорах или диспутах.

Жестовая форма **ладонь вниз**, даже в той же англосаксонской культуре, имеет ряд других значений. Например, молодые болельщики мужского пола ударами ладонью вниз по креслам и сидениям сопровождают выражение большой радости от победы любимой команды и спортсмена или, например, от забитого этой командой гола. Кроме того, та же жестовая форма может использоваться преподавателями и лекторами, выступающими перед большой аудиторией, не только с целью подчеркнуть важность высказываемой ими мысли, но, если это необходимо, успокоить собравшихся в аудитории людей (Моррис 1994, с. 194—195). И кажется, что в этих значениях гендерных различий в употреблении жеста не наблюдается. Наконец, есть еще одно значение жеста. Флора Дэвис в книге Дэвис 1973 (с. 89) рассказывает историю об одном американском профессоре, который, будучи в Колумбии и выступая там перед студентами, остановился в своей лекции на некоторых проблемах, связанных с дошкольниками, и опустил руку ладонью вниз, показывая этим рост ребят. Он, однако, был крайне удивлен, когда услышал сразу же последовавший за этим движением громкий смех в аудитории. Дело в том, что в Колумбии этот жест никогда не применяется по отношению к людям, а используется только для указания на размер животных.

Для выявления характеристик гендерного делового общения очень важно знать не только значение и употребление же-

стовых лексем, но также и их внутренний и внешний синтаксис. Под **внутренним синтаксисом** я имею в виду особенноности сочетаемости и упорядочивания жестовых элементов при образовании комплексных жестовых выражений. Например, выражения лица по особым правилам «складываются» из выражений губ, глаз, бровей и т. п., и это правила внутреннего синтаксиса. Одна из поз **смирения** состоит из семиотических компонентов «опущенная голова», «сложенные в замок кисти рук» и «прижатые к телу руки», согласующихся между собой по определенным законам. **Внешний синтаксис** жестов определяет течение коммуникативного акта и описывается правилами двух типов — правилами диалогического невербального взаимодействия партнеров по коммуникации и правилами взаимодействия жестовой системы (или систем) со словесной.

Далее я останавливаюсь на нескольких примерах проявления синтаксических закономерностей, относящихся к **внутреннему синтаксису невербального делового диалога**.

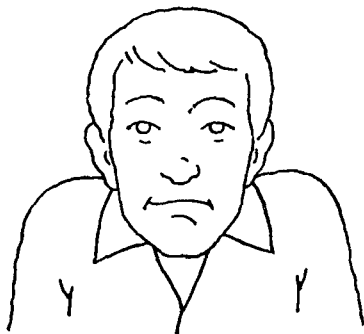
В своем анализе социальных ситуаций, которые в западных обществах повторяются изо дня в день, Э. Гоффман выделяет два типа социального взаимодействия людей — **корректирующее** (remedial) и **поддерживающее** (supportive) (Гоффман 1967). Корректирующее взаимодействие преобразует девиантное коммуникативное поведение в следующем направлении: оно делают приемлемыми те действия, которые могли бы, не будучи подправленным, считаться агрессивными по отношению к собеседнику, обижающими или оскорбляющими его. Близкими к такому поведению являются и некоторые типы невербального диалогического поведения, которые я предлагаю тоже относить к **корректирующим**. Необходимость в корректирующем поведении возникает в разных ситуациях.

Это, например, ситуации (а)—(в):

(а) **Притворное поведение, или притворство**

Отклоняющееся от нормы притворное поведение человека, если его не поправить или если партнер не обнаружит притворства, будет считаться адекватным, но если собеседник обнаружит обман, то он вполне может обидеться, оскорбиться и т. д. Примерами притворного поведения могут служить дей-

ствия человека, смотрящего в момент беседы то и дело на часы, как будто у него должна вскоре состояться другая встреча. Или человек может делать вид, что удивлен, и в удивлении **поднимать брови**, а притворно недоумевая, **пожимать (двигать) плечами**, **делать большие глаза** и т. п. Притворное поведение, впрочем, все же более типично для русских в ситуации неформального взаимодействия; в формальном деловом общении оно встречается реже.

К гендерным проявлениям притворного поведения можно отнести часто встречающееся на деловых переговорах стремление женщины внести в разговор и в завязывающиеся деловые отношения душевность и теплоту, коих может и не быть вовсе. Такое поведение приводит к конфликту между новым содержанием роли женщины и традиционалистским стереотипом фемининности (на эту тему существует большая литература, написанная в жанре «женского любовного романа», см. Бочарова 1996).

(б) Неумеренное поведение (чрезмерность, экзальтированность)

Взбудораженного, находящегося в стрессовом состоянии или агрессивного человека адресат или окружающие, вступившие с ним в контакт, воспринимают с явным неодобрением. Иногда такого человека пытаются успокоить словами или жестами. В зависимости от возраста, пола, психологического состояния и многих других факторов люди руками преграждают ему дорогу к собеседнику (мужской вариант поведения), держат за руки, прижимают к себе, обнимают, дружески улыбаются (мужской и женский варианты) или гладят по голове (скорее женский вариант). Деловому общению неумеренное поведение противопоказано.

(в) Неловкое поведение (неловкость)

В качестве иллюстрации приведу сцену, которую мне случилось как-то видеть самому. Речь идет о каком-то странном и неловком поведении служащей коммерческого банка, желавшей получить у директора одного завода деньги, которые завод задолжал банку. В критический момент, однако, женщина зачем-то выдавила из себя нечто вроде жалкой улыбки, производя при этом мало понятные мне жесты руками и телодвижения. И это было именно в тот момент, когда, на мой взгляд, гораздо уместнее было бы произнести в адрес оппонента жесткие слова требования, укора или упрека, сопроводив их, возможно, более подходящими здесь гневными жестами.

При **поддерживающих невербальных взаимодействиях** люди в деловом общении выступают как союзники. Каждый из них демонстрирует внимание и уважение к своему партнеру и помогает наладить диалог. Примером поддерживающих взаимодействий являются акты **приветствия** и **прощания**. Общим для всех видов, например, приветствий является то, что они, будучи невербальным свидетельством присутствия данного человека в сфере другого, имеют значения 'выражение желания установить контакт' или 'предложение завязать некоторые отношения или участвовать в некоей совместной деятельности'. В дальнейшем я буду называть обе эти идеи кратко: **совместность**. Оба указанных значения могут быть выражены только в диалоге.

Невербальными средствами выражения значения совместности в русском языке тела являются (а) фронтальная ориентация тел, (б) определенные положения головы (головы собеседников повернуты лицом к лицу), (в) контакт глаз, (г) согласованность поз и жестов рук (например, оба партнера останавливаются, их руки протянуты для рукопожатия), (д) взаимные касания.

В разных работах было показано, что невербальное выражение значения совместности скорее присуще женскому стилю общения.

Замечание (о переменной «тип социального взаимодействия»)

Кинетическая переменная «тип социального взаимодействия» используется в описаниях значений и употреблений различного типа жестов. Например, жест, имеющий форму «подойти к собеседнику ближе, слегка наклонив в его сторону голову и корпус», по-разному интерпретируется в поддерживающих (кооперативных) и корректирующих диалогах. В первом случае он рассматривается как знак дружелюбного расположения или симпатии (при этом, например, русский жест дружбы с такой формой обычно сопровождается приветливой улыбкой). Во втором случае данный жест является знаком истинной или притворной агрессии, угрозы или обозначает поведение, при котором один из участников коммуникации пытается занять более высокую — доминантную, или господствующую, позицию.

§3. Ошибки в интерпретации гендерного невербального поведения: проблемы переводимости и понимания

Проблема межкультурного соответствия жестов или, как ее обычно называют в невербальной семиотике, **проблема универсализма**, тесно связана с проблемами понимания невербального диалога и переводимости. Хотя в невербальных компонентах коммуникации у разных культур больше сходств, чем различий, последние все же имеются. Можно выделить три вида отклонений от правильного понимания кинетического текста при переходе от одной культуры к другой: (1) **неправильная**, (2) **неполная** и (3) **избыточная интерпретация**.

Я остановлюсь далее только на неправильной интерпретации, поскольку когда говорят о непонимании, то именно о ней в первую очередь идет речь. Дж. Миллер (Миллер 1994, с. 660) пишет: «Неправильное понимание невербального поведения — один из самых огорчительных источников разногласий между людьми, без которого вполне можно было бы обойтись. Например, немногие мужчины-американцы знают о том, что китайцы очень не любят, когда их трогают, хлопают

по плечу и даже пожимают руку. Если бы американцы, для которых данные жесты означают близость и дружелюбие, не применяли их по отношению к китайцам, скольких обид можно было бы с легкостью избежать!»

Первые два примера из тех, что следуют ниже, заимствованы мной из книги Акстел 1998.

1. В 1988 году в Лос-Анджелесе состоялся судебный процесс, на котором некий эстрадный певец, приехавший в США из Таиланда и певший в ресторане-кабаре, был обвинен в убийстве 29-летнего лаосца, хозяина кабаре, за то, что тот сидел перед ним, положив ногу на стул и направив подошву в лицо певцу. Когда кабаре закрылось, певец, выследив уходившего хозяина, отправился за ним следом и убил его. Дело в том, что в странах юго-восточной Азии открытая и направленная в лицо другому подошва обуви считается тяжелейшим оскорблением, потому что пятка и, по метонимии, подошва считаются не только самой низкой, но и самой грязной частью человеческого тела.

2. Американка садится в машину, за рулем которой сидит ее друг-американец, и целует его в щеку. Такую картину в крупных городах Америки можно наблюдать сотни раз в день. Но однажды то же самое случилось с американской парой в Саудовской Аравии, где поцелуи на публике резко осуждаются и запрещаются. Пару заметил капитан национальной гвардии, который потребовал от них доказательств их супружества. Оказалось, что мужчина и женщина были женаты, но не друг на друге. Женщину выслали из страны, а мужчину, который пытался спорить и что-то доказывать, угодил в тюрьму.

3. Ведя между собой коммерческие переговоры, некоторые китайские мужчины — продавцы и покупатели — до сих пор пользуются древним подъязыком мануальных жестов. Ведь, изъясняясь, китаец всегда выглядит более озабоченным эффективностью общения, чем интеллектуальными или риторическими соображениями. Этот же мужской подъязык весьма эффективен в торговле. Покупатель и продавец каждый прячет одну руку под одежду или иное покрытие. Затем тот, кто предлагает больше, произносит вслух «сто» или «тысяча». Одно-

временно с этим под одеждой, т. е. скрытно от посторонних лиц, он показывает адресату, сколько единиц, соответственно, сотен и тысяч он предлагает за покупку. Два пальца, например, означают 200 или 2000 в зависимости от того, какую денежную единицу он назвал.

Примеров подобного невербального делового общения можно привести множество. Канадский психолог А. Вольфанг, работающий в сфере образования, в течение довольно длительного времени наблюдал за невербальным поведением учеников и учителей в канадских школах Торонто, Монреаля и Ванкувера, в классах, где было много детей иммигрантов из других стран (например, в Торонто в среднем примерно у 50% учеников ни английский, ни французский не являются родными языками), а потому такие классы можно рассматривать как удобные экспериментальные площадки для изучения особенностей межкультурного вербального и невербального взаимодействия. А. Вольфанга прежде всего интересовало, как канадские учителя учитывают в своей работе разницу в жестовом и параязыковом поведении учеников. В статье Вольфанг 1979 он показал, к каким неприятным последствиям может привести пренебрежение этим аспектом в деятельности учителя.

Ученики, приехавшие в Канаду из западной Индии, южной Италии, Африки или Гонконга, привыкли к гораздо более формальному, чем в Канаде, отношению к ним учителей. В школах этих стран на уроках меньше свободы и больше дисциплины. Там принято, чтобы ученики на уроках молчали, пока с ними не заговорит учитель, ученики больше слушают рассказ учителя, чем свободно делятся с ним своими мыслями, и меньше задают ему вопросов. Как пишет А. Вольфанг, «уважение к учителю там скорее изначально предполагается, чем зарабатывается» (с. 164). Поэтому от канадских учителей ожидается, что они, проявив терпение и выдержку, смогут создать в классе атмосферу свободы и дружеского внимания к чужой культуре, позволив на первых порах учащимся вести себя так, как те привыкли. Постепенно, однако, учителя должны научить всех учеников класса, как это принято в школах Кана-

ды, непринужденно выражать вербальным и невербальным способами свои культурные и коммуникативные предпочтения.

Несоответствие жестовых знаков порождает сложности перевода их языковых обозначений с одного естественного языка на другой. Наличие жестовых словарей и грамматик, хотя бы одноязычных, вне всякого сомнения, позволило бы упорядочить и типизировать использование разнообразных переводческих приемов, среди которых назову лишь несколько наиболее частых: поиск тождественной номинации знака, привлечение изосемантического знака, имеющего тот же или близкий круг употреблений, но иного по форме, употребление языковой номинации для жеста — переводного эквивалента, отличающегося от жеста-оригинала по форме и по смыслу, однако обладающего нужными переводчику смысловыми, культурными, идеологическими или иными коннотациями или ассоциациями, использование знака-аналога из того же семантического поля и др.

Рассматривая случаи невербальных коммуникативных неудач при общении людей разных национальностей, В. Раффлер-Энджел абсолютно правильно говорит, что каждая культура сама решает, в каких условиях какие мануальные жесты, манеры, выражения лица или позы допустимы, а какие недопустимы, какие будут уместны в данной ситуации, а какие нет (Раффлер-Энджел 1986).

В межкультурных деловых диалогах человек, который ведет себя в соответствии с правилами, принятыми в его родной культуре, но пренебрегает невербальными межкультурными различиями, **легко может допустить неприятную оплошность или серьезную ошибку**. Столкнувшись в переговорах с чужим жестом, он или она может, например, счесть жест неприятным и неверно оценить поведение жестикулирующего как демонстрацию плохих манер, проявление властолюбия, стремление к доминации и др. Напротив, отсутствие жеста, необходимого, по его мнению, в данном контексте, может неправильно интерпретироваться человеком как свидетельство уступки и проявление слабости со стороны партнера по диалогу, как отсутствие интереса к их беседе или к ее теме и просто как неприятие чужого поведения.

Активное восприятие информации в обычной ситуации кооперативного делового общения отражает установку адресата на понимание. Руководствуясь принципом «демонстрируя свое непонимание, дай знать о нем партнеру» (этот постулат общения я бы назвал максимумой **манифестации непонимания**), человек, не владеющий в достаточной мере языком, на котором говорит его партнер, или по каким-то причинам не имеющий возможности пользоваться им в данной конкретной ситуации, обычно переходит к жестовому коду. Но и в этом случае, как мы уже видели, нельзя гарантировать, что коммуникация будет успешной.

Особенно важными для межкультурной деловой коммуникации являются параметры «гендер» и «статус». Сообщая о результатах своих многолетних наблюдений над жестовым поведением мужчин и женщин в диалоге, А. Мехрабиан (1972) пишет, в частности, что независимо от типа отношений, существующих между участниками коммуникации, у мужчины англосаксонской культуры с более высоким социальным положением в стоячей позиции плечи распрямлены в большей степени, чем у мужчины с более низким социальным положением. При этом первый мужчина держится гораздо свободнее, чем второй: у него расслаблены руки и ноги, положение рук и ног относительно корпуса тоже более свободное, голова обычно поднята выше, чем у партнера.

В общественных группах, которые отличаются ярко выраженной социальной стратификацией и в которых статус человека является высокозначимым параметром, коммуникативное взаимодействие людей разного социального положения в значительной мере является ритуализованным. Оно жестко подчиняется моральным и этикетным нормам, принятым в данном коллективе, что находит отражение как в вербальной, так и в невербальной компоненте коммуникации. Примером такой группы может служить зулусское общество (см., например, де Кадт 1998, с. 182 и сл.).

Центральное понятие, характеризующее социальное взаимодействие зулусцев, обозначается глаголом *hlonipha* 'оказывать уважение, почтение'. Оказывать уважение, *hlonipha*, обязан каждый зулус более низкого ранга в разговоре с соотече-

ственным более высокого ранга. Последнему, в свою очередь, предписывается проявлять чувство *ubuntu* 'человечность, гуманность'. Стратегии и средства, с помощью которых передаются эти отношения и чувства в диалоге, могут быть самыми разными. Говоря о языковых средствах, Е. де Кадт называет специальные формы обращения, особые этикетные речевые формулы и выражения вежливости, а также общую стилистику речевого поведения участников диалога. Что же касается невербальных средств, то в ситуации коммуникации с социально неравноправными участниками для зулусцев характерны использование особых жестов уважения и поз и строго регламентированное проксеминальное поведение. Так, ребенок, который принимает подарок от родителей или от других «старших», или женщина, получающая подарок от мужа, должны делать это сидя и не должны при этом смотреть, соответственно, на родителей и мужа. Сидячая поза — это именно то положение, в котором зулусы «оказывают уважение», *hlonipha*, адресату.

Жестким правилам невербального поведения подчинены и деловые диалоги взрослых зулусов разных статусов. Например, работник — в данном случае безразлично, мужчина или женщина, — пришедший просить хозяина о прибавке к жалованью, должен по прибытии немедленно встать на колени и поднять руки над головой. Затем вошедший садится, не спрашивая у хозяина разрешения, и принимает при этом явно несвободную сидячую позу: он садится прямо, не сгибаясь, ноги сомкнуты или одна нога лодыжкой лежит на другой. Руки работника чаще всего опущены и располагаются между коленями; на хозяина он обычно не смотрит (де Кадт 1998, с. 188—189). Эти позы и жесты, а также некоторые другие формы невербального поведения говорят об уважении к партнеру, обладающему более высоким общественным статусом.

У хозяина зулуса (в зулусском обществе это, как правило, мужчина) свободы поведения намного больше. Ему, правда, тоже, в соответствии с принятыми нормами, необходимо сесть, но положение его тела достаточно свободное и даже расслабленное. Хозяину позволено наклоняться в разные стороны, держать руки свободно, жестикулировать, и при этом он волен смотреть или не смотреть на посетителя или посетительницу;

разговаривая, например, он может держать в руках и разглядывать какой-то предмет. Подобное невербальное поведение показывает, что жестикулирующий не только осознает свой более высокий ранг, но также понимает, что к нему пришли с некой просьбой, и готов оказать свое содействие, т. е. проявить чувство, *ubuntu*, тому, кто его уважает, кто оказывает ему почтение, *hlonipha*.

Статусные различия, выраженные в позах, могут в определенных ситуациях нивелироваться, подавляться другими, более сильными факторами. Так, в России XIX в. дворянская этика и кодекс чести дворянина требовали уважения прав личности независимо от служебной иерархии, а потому, оберегая свою честь и человеческое достоинство как высшую ценность, дворянин мог пренебречь некоторыми условными правилами невербального поведения, отражающими статусные различия. В романе «Война и мир» Л. Толстого есть эпизод, когда полковой командир делает замечание стоящему перед ним Долохову по поводу его достаточно вольной позы, однако говорит с ним в таком тоне и такой манере, которые задевают честь солдата-дворянина. И это обстоятельство определило последующие реакцию и поступок Долохова; ср.: — *Ка-а-ак стоишь? Где нога? Нога где?* — закричал полковой командир с выражением страдания в голосе, еще человек за пять не доходя до Долохова, одетого в синеватую шинель. Долохов медленно выпрямил согнутую ногу и прямо, своим светлым и наглым взглядом, посмотрел в лицо генерала. — *Зачем синяя шинель? Долой!.. Фельдфебель! Переодеть его... дря...* — Он не успел договорить. — *Генерал, я обязан исполнить приказание, но не обязан переносить...* — поспешно сказал Долохов. — *Во фронте не разговаривать!.. Не разговаривать, не разговаривать!..* — *Не обязан переносить оскорбления,* — громко, звучно договорил Долохов. *Глаза генерала и солдата встретились. Генерал замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф.* — *Извольте переодеться, прошу вас,* — сказал он отходя.

Часть IV

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЭМИГРАНТОВ

§1. Постановка задачи

Исследователи русской разговорной речи, под которой обычно понимают неподготовленную речь носителей русского литературного языка, которая протекает в условиях непосредственного неофициального общения и при отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер (ср. РРР 1973, с. 17), давно обратили внимание на особенности характера совместного существования в акте коммуникации русского языка и языка русских жестов. См. в связи с этим, например, книги и статьи Верецагин, Костомаров 1981; РРР 1973; 1983; Красильникова 1983; Николаева 1969; 1972; 1973; Филиппов 1975, где подняты разнообразные проблемы, относящиеся к особенностям функционирования жестов в разговорном общении и организации семиотического взаимодействия элементов вербального и невербального кодов.

Однако русский язык тела далеко не столь вариативен и индивидуален, как думали специалисты в области разговорного языка (см., в частности, РРР 1970, с. 236). Лексику и грамматику чужого языка тела освоить совсем не просто, хотя сделать это, например, приехавшему в чужую страну эмигранту в целях социальной и коммуникативной адаптации, да еще и в относительно короткий срок, просто жизненно необходимо. Кроме того, со сменой привычной среды обитания и обретением нового окружения жесты и жестовое поведение у людей тоже, вообще говоря, меняются. Я имею в виду здесь невербальную коммуникацию мужчин и женщин — эмигрантов.

Насколько мне известно, каких-либо специальных публикаций, где описывались бы невербальные гендерные коммуникативные коды эмигрантов, нет и по сей день. Не существует и каких-либо видеозаписей, которые позволили бы описать и оценить все своеобразие функционирования жестового языка эмигрантов разных культур в реальных условиях многоязычия.

Ниже я остановлюсь на отдельных типовых — насколько можно об этом судить по большому аудиоматериалу, находящемся в моем распоряжении, — особенностях гендерного невербального поведения представителей русской эмиграции первой волны в Финляндии или лиц, давно уехавших туда из метрополии. Этот материал представляет собой магнитофонные записи интервью, которые были сделаны финской лингвисткой М. Лейнонен и ее коллегами в Финляндии и в которых весьма пожилые люди рассказывают интервьюерам о своей семье, о жизни в России до приезда в Финляндию и жизни в самой Финляндии.

К сожалению, видеозаписей этих интервью эмигрантов совсем не велось, что делает задачу описания невербального гендерного поведения этих людей чрезвычайно сложной, — хотя, как я попытаюсь далее показать, все же решаемой вот в каком аспекте. Можно попытаться реконструировать по крайней мере некоторые жестовые элементы по речевым и параязыковым ключам, осуществив тем самым желательное восполнение имеющейся магнитофонной записи текстов. Будучи выполненной в полном объеме, реконструкция коммуникативного поведения эмигрантов позволила бы — при условии, что в соответствующих описаниях будут учтены и найдут отражение также такие важные признаки, как пол, возраст, статус, условия жизни, жанр и стиль диалога, отношение говорящих друг к другу и еще многие другие кинетические параметры и переменные, — вскрыть многие ее невербальные (а возможно, и некоторые вербальные) составляющие. Такая реконструкция, кроме того, дала бы возможность выявить общие черты и частные особенности корреляций между функционально и семантически связанными языковыми и кинетическими единицами и подтвердить тезис о тесной, хотя и достаточно своеобразной, согласо-

ванности вербальных и невербальных средств общения на абсолютно новом материале.

Речь пойдет, главным образом (но не только), о реконструкции мужских и (в меньшей степени) женских **иллюстративных жестов**.

Теоретически важно и практически полезно выделить два важных функциональных подтипа иллюстраторов — **собственно иллюстраторы**, которые ориентированы в основном на денотативный план высказывания и отображают некоторые объекты, действия, понятия (это временные, пространственные или дейктические маркеры, кинетографы, идеографы; см. о них в Крейдлин 2002), и **аккомпаниаторы**, которые ориентированы на коммуникативный план высказывания и выражают определенные коммуникативные установки жестикулирующего, его оценки сообщаемого, адресата и, возможно, сторонних лиц и объектов, специфику формирования мысли или текстового сюжета⁴³. Аккомпаниаторами являются разнообразные по форме **жестовые ударения**, например жест **сечение ребром ладони**, для которого характерны слова *так, именно* или (для более плавного, мягкого движения и «смазанного» положения кисти — *допустим, думаю, полагаю*), свидетельствующий — в одном из значений — о том, что говорящий в процессе построения высказывания отсекает какие-либо сомнения; или жест **отведение руки в сторону**, в ходе физической реализации которого рука (или, как вариант, две руки) с ладонью кверху отводится в сторону, что интерпретируется как подведение итога или как очевидное следствие из сказанного (обычно сопровождает слова *вот 1, вот так, <как> <вы> видите, таким образом* и под.). К жестам-аккомпаниаторам относятся также и некоторые другие невербальные знаки, отличные от ударений, например **щепотка**. Этот жест имеет форму, при которой кончики направленных вверх большого и указательного пальцев (а иногда вместе со средним) соединяются друг с дру-

⁴³ Впервые такое различие двух типов иллюстративных жестов было введено в дипломной работе И. Б. Печерской «Семиотика лекторских жестов», выполненной под моим руководством в 2001 г. в Институте европейских культур (РГГУ, Москва).

гом, и отражает стремление говорящего сфокусировать внимание адресата на некоторой мысли, указать на суть повествуемого⁴⁴. Его употребление часто сопровождается словами и словосочетаниями *вот 2, вот именно, вот что, это-то и, по сути (...)*.

Для речи русских эмигрантов первой волны, покинувших родину с полностью усвоенным языком, характерны приверженность к родному языку, желание «говорить правильно», сохраняя в чистоте давно вывезенный ими из России язык (см., например, Гловинская 2001а, б; Земская 1995; 2000; 2001). Как отмечает Е. А. Земская, «целые поколения эмигрантов первой волны живы и живут замкнуто, сохраняя свой язык: дома, с друзьями говорят только или преимущественно по-русски» (Земская 1995, с. 233—234). Им свойственна языковая рефлексия, проявляющаяся в остром внимании к языковой некорректности, в многочисленных критических высказываниях по поводу современного словоупотребления, произношения некоторых слов и ударения в них, синтаксиса ряда конструкций. Архаичность, воспринимаемая как правильность речи, налет книжности, неприятие единиц «советского языка», засоряющих язык, неупотребление многих ставших обычными бытовых слов отмечались в целом ряде исследований, см., например, Голубева-Монаткина 1993; Грановская 1995; Земская 1999. В такой же степени эти характеристики — с соответствующими модификациями — присущи также и жестовому языку. Поясню, что я имею в виду.

Жестовая система, как нам известно, еще более устойчива, чем языковая. Человек, который много лет жил в России в сугубо русской среде, который с детства владел только своим родным русским жестовым языком и впервые попал в чужую финскую среду, обычно с огромным трудом адаптируется к непривычному телесному поведению. Будучи нередко сходными по форме и структуре, жестовые движения тела вдруг начинают значить для него нечто совершенно противоположное, а став-

---

⁴⁴ В русском языке жестов есть и другой жест с похожей физической реализацией, который является эмблематическим и который указывает на малое количество чего-либо.

шие едва ли не автоматическими мануальная жестикаляция и выражения лица (например, улыбка, некоторые жесты глаз и бровей), казавшиеся прежде естественными и нормальными, теперь часто привлекают к себе внимание окружающих и воспринимаются ими как странное или просто аномальное поведение. При этом если незнакомый естественный язык (финский, шведский) русские эмигранты, приехавшие в Финляндию, по большей части учат специально, то язык тела им никто не преподает. А между тем, выходя, например, на улицу, приходится следить за своим телесным поведением, чтобы быть правильно понятым и не попасть в двусмысленную или попросту неприятную ситуацию, постепенно утрачивая автоматизм движений⁴⁵. Иными словами, в социальном пространстве за пределами стен своего дома знаковое поведение, которое русские эмигранты первой волны считают нормативным и относят к *пристойному* или *приличному*, должно, с одной стороны, соответствовать общественным нормам новой, в нашем случае финской, культуры, а с другой стороны, не должно включать в себя жестовые «советизмы» и «постсоветизмы», которые ими же самими оцениваются как неприличные. Таким образом, эмигрантам первой волны, ревностно и с максимальной бережностью относящимся не только к речи, но и к жестовым манерам поведения, необходима, так сказать, бдительность в квадрате.

Приведу один пример характерной особенности жестового поведения русских эмигрантов первой волны. Если сегодня интерактивное взаимодействие физически и психически здоровых русских людей отличают широкие и свободные движения, контактное тактильное поведение, улыбки, то для старых русских эмигрантов, живущих за границей, скорее типична сдержанность в движениях, и это касается как мужчин, так и женщин⁴⁶. Амплитуда и разнообразие движений и жестов рус-

---

⁴⁵ О том, что жестикаляционные и мимические знаки поддаются контролю в меньшей степени, чем речь, писал еще Р. Якобсон (1970, с. 284 и сл.).

⁴⁶ Этот вывод я делаю на основании наблюдений (впрочем, не слишком продолжительных) над коммуникативным поведением рус-

ских эмигрантов в Финляндии относительно небольшие, а скорость сравнительно малая; кроме того, людям свойственны замкнутые, неширокие улыбки и, по-видимому, воспринятая от финнов невысокая тактильная контактность и закрытость тела. Последняя, вероятно, вообще характерна для финской культуры, поскольку (здесь я вынужден, за неимением других данных, опираться на наблюдения за невербальным диалогическим поведением русских людей и поведением людей других культур)⁴⁷ между возрастом человека и коммуникативным тактильным поведением не существует сколько-нибудь семиотически значимой и статистически достоверной корреляции (о тактильном поведении и его параметрах см. Крейдлин 2002).

Далее, опираясь (а) на содержащиеся в литературе (см. упомянутые статьи М. Я. Гловинской и Е. А. Земской, работы М. Лейнонен (1992), Н. Башмаковой и М. Лейнонен (1990)) или почерпнутые мной из многочисленных устных бесед исторические и общекультурные сведения о русских эмигрантах первой волны в Финляндии, (б) на материал, отражающий жестовое поведение финнов и русских эмигрантов примерно

ских эмигрантов первой волны, живущих в США и во Франции (общее число пар — 8), а также над одной семейной парой пожилых людей, с которой я познакомился в городе Хельсинки, — это были, правда, эмигранты уже второй волны, но я полагаю, что различия в невербальном поведении тут сглажены.

⁴⁷ Наблюдения за невербальным поведением велись как визуально, так и с помощью любительской видеокамеры. Запись поведения осуществлялась мной (я наблюдал за невербальным взаимодействием разнополых пар разных возрастов в Европе — России, Австрии, Финляндии, Франции, Швеции — и в Северной Америке, которое происходило в кафе и барах и на улице), а также моими студентами, участниками моего семинара по невербальной семиотике в Институте лингвистики Российского государственного гуманитарного университета во время студенческой практики и летних каникул (в городах Москве, Курске, Иванове, в разных городах Подмосковья) и летних экспедиций в разных частях России. В основном изучалось и описывалось невербальное взаимодействие пар в полевых условиях открытой местности, а также в помещениях железнодорожных вокзалов Москвы, в музеях и на выставках.

того же возраста, имущественного, культурного и социального положения в других странах (см., например, ЯРЗ 2001), а также на особенности невербальной коммуникации пожилых русских людей в самой России, (в) на установленные общие свойства жестовых систем (в частности, на отмеченный в книге Крейдлин 2002 параллелизм глубинных процессов, происходящих в жестовых и языковых системах) и (г) на имеющуюся в моем распоряжении информацию о параязыковых, проксемных и жестовых элементах, с разной степенью обязательности сопутствующих тем или иным единицам устного текста (ср. Арндт, Джанни 1987; Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002; Николаева 1972; 1973), и вербальные и невербальные ключи, предсказывающие появление сопутствующих иллюстративных жестов в определенных контекстах, пробуем реконструировать некоторые невербальные единицы языка русских мужчин и женщин — эмигрантов первой волны в Финляндии и описать причины их виртуального появления.

§2. Описание эксперимента по реконструкции и обсуждение результатов

Работа по реконструкции жестового мужского и женского поведения эмигрантов строилась следующим образом. Сначала на основе вышесказанного были предложены предварительные гипотезы о месте появления, характере и функциональном назначении иллюстративных жестов в исследуемых мной более двадцати записанных текстах интервью. Затем эти гипотезы были проверены в эксперименте (к сожалению, весьма небольшом и по количеству отобранных текстов, и по составу участников)⁴⁸.

Я попросил три пары людей, согласившихся помочь мне в эксперименте, прочесть по два из записанных текстов (№13 и №44). Первую пару испытуемых составили молодые люди,

---

⁴⁸ Больше число участников нам было недоступно, а чтение большего числа текстов заняло бы у испытуемых-добровольцев слишком много времени, на которое мы рассчитывать не могли.

студенты — актеры театра РГГУ, вторую — люди среднего возраста, никогда прежде не игравшие в театре, а третью — пожилые люди, когда-то принимавшие участие в любительских спектаклях. Пара знакомы друг с другом не были; тексты читались в разное время и в разных местах, так что пары друг друга не видели. Задание для участников эксперимента было сформулировано так: «Представьте себе, что вы — люди, давно покинувшие Россию и много лет живущие в Финляндии. Выберите для себя одну из ролей, указанных в текстах тех записанных интервью, которые мы вам сейчас раздадим, и, исполняя свою роль, прочтите, пожалуйста, тексты вслух. При этом мы будем снимать вас на видео».

В целях чистоты эксперимента о его задачах испытуемым ничего не говорилось. Между тем моей основной целью, было, конечно, проверить справедливость некоторых рабочих гипотез.

Полученные в ходе эксперимента результаты выглядят следующим образом.

Из всех видов иллюстративных и регулятивных жестов для русских эмигрантов, видимо, наиболее характерны мануальные жесты и разнообразные жесты головы: для мужчин это кивки, для женщин это больше наклоны головы в сторону, для мужчин — подъемы головы с одновременным отведением ее в сторону и взглядом, устремленным вверх вправо или влево (жест вспоминания, чрезвычайно типичен для пожилых людей европейской культуры), покачивание головой — разновидность жестового отрицания. Кроме того, для речи русской эмиграции характерно большое число параязыковых единиц (это видно прямо из аудиозаписей текстов) и индексальных жестов, исполняемых головой и рукой (но не пальцами!), дружественное поведение, заключающееся в характерных голосовых модуляциях, голосовой и жестовой мимике, нерезких движениях рук. Интонационные синтагмы по большей части сопровождаются разнообразными жестами рук и головы — кинетическими ударениями.

В заключение приведем фрагмент из записанных и сыгранных диалогов и посмотрим, что можно сказать о жестовом поведении интервьюируемого. Это мужчина, и его поведение ти-

пично для мужского стиля поведения, свойственного эмигрантам. Комментарий дан в квадратных скобках.

[Интервью записано 4.7.1986 финской лингвисткой Марьей Лейнонен. Характеристика интервьюируемого, обозначенного далее как X: X — это мужчина пожилого возраста, его родители — обрусевшие немцы из Прибалтики, но жили долгое время в Петербурге. Сначала X учился в шведской школе Nya Svenska Läroverket i Helsingfors, а после школы поступил в Хельсинкский университет, где изучал, в частности, славистику.]

*(X): моя фамилия / имя / и отчество // Н. Н. // э...
родился двадцать девятого июля тысяча де... тысяча де-
вятсот тридцать седьмого / года / в городе Хельсинки //
Мои родители / оба / уроженцы / питерские / отец
родился в тысяча (тыща) девятьсот первом году / а мать /
в тысяча девятьсот третьем году / приехали в Финляндия
мать / в тысяча (тыща) девятьсот восемнадцатом
году, а отец / на три года / позднее / в тысяча девять-
сот двадцать третьем / году //*

[Во многих культурах, в том числе русской, сбои в синтаксически правильной речевой последовательности обычно сопровождаются — у мужчин — движением головы (у женщин, впрочем, тоже, но характер движения у них гораздо более плавный). Человек как бы стряхивает неверно выраженную мысль и метафорически избавляется от ненужного или неуместного слова. Постпозиция прилагательного (*питерские*) в группе сказуемого почти всегда предполагает не только постановку на нем фразового акцента, но и выраженное кинетическое ударение. Впрочем, сила ударения невелика, и, скорее всего, здесь можно ожидать движение головы.]

*(X): Э... я начал школу / сразу / после / Второй миро-
вой войны / и родители / решили / посадить меня в
шведскую школу / Nya Svenska Läroverket i Helsingfors //*
(Л) А почему / именно?

*(X) Потому что они считали, что / так как ни мать,
ни отец / не говорили по- /-фински ни по-шведски / они
считали что / человек, который будет проживать в Фин-*

ляндии / должен знать / или один или другой из / местных языков //

(Л) А почему именно шведский язык?

(Х) Потому что тогда уже шведский язык был в меньшинстве / как говорится / и... и я уже говорил по-фински, / так как в сорок пятом году уже мне пришлось / примерно восемь лет / (кашляет) с товарищами на улице по-фински говорить / так что можно сказать, что финский язык был моим / вторым языком, // а шведский язык нужно было изучать // из-за этого посадили в шведскую школу //

(Л) Угу.

[Начальное Э ... предполагает взгляд в сторону от собеседника, особенно у людей первого поколения эмигрантов, следящих, вообще говоря, за своей речью. Неясно, что реально происходило в момент синтаксического сбоя (вставной конструкции) во второй реплике Х фрагмента — информанты, которых я записывал, дали разные результаты, молодые делали здесь движение **отведение руки в сторону**, а у более пожилых наблюдалось чуть заметное движение бровей и головы.]

(Х) Там конечно были и другие рассуждения / и другие... как бы причины к этому, но это я здесь не хочу... э... как бы о них... говорить... может быть позднее о них... как-нибудь придут к слову // ну / и начал / значит / обучаться шведс... в шведской школе / не зная ни одного шведского я...слова // вначале было трудно / а потом понемножку / все больше и больше как говорится, / пришлось насобачиться / шведским языком / и / начал говорить // но / в течение / как бы / всего / времени обучения / до тысяча девятьсот пятьдесят девятого года / шведский язык мне причинял / довольно / большие / как бы трудности / чтобы освоить / этот язык // и можно сказать что когда я писал / свой студенческий экзамен / и у меня было письменное... или сочинение на шведском языке / то это сочинение / было мое первое сочинение где я получил как бы... ээ... который... но... сейчас (щас) забыл русское слово... уже начинает забываться /.

[В начале повествования о том, как мужчина стал обучаться в шведской школе, с большой вероятностью появляется жест с формой *открытая рука* (в данном случае, скорее всего, вариант иллюстратора **ничего не поделаешь**). Жест выражает примирение с ходом вещей и как бы подчинение ему, подчеркивая словесную констатацию свершившегося. Большое число неотрефлексированных речевых ошибок (*там были и другие рассуждения, причины к этому, насобачиться языком, писал экзамен, причинял трудности, чтобы освоить и др.*) не приводит к новым жестам. А вот сочетание *не хочу*, за которым идет разрыв связности, в подавляющем большинстве случаев сопровождается иллюстратором **удаление**. Это либо жест рукой в сторону, либо резкое однократное мотание головой, символически отображающие удаление слова, группы слов или фразы за пространство, в условных пределах которого осуществляется жестикация. Выход траектории жеста за пределы этого пространства, названного в работе Печерская 2001 «жестовым полем», означает переход в иную реальность, отличную от данной пространственной, временной, речевой и иной нормы: неудачное сообщение как бы выносится за пределы дискурса, поскольку жестовое поле воспринимается как данное и положительное, как задающее норму коммуникативного пространства.]

{...}

{X} Ну вот / теперь пришлось изъяснить на / финском языке потому что... но так вот уже тут и... первые... там вопросы / на них ответ дан, / потому что первым языком был русский / вторым языком был финский / ну а потом / уже третьим / стал / шведский язык //

{Л} А ро... родители все-таки ...

{X} Родители /

{Л} Все время говорили по-русски?

{X} Дома / у нас / говорили по-русски //

{Л} Угу //

{X} Только по-русски //

{Л} Но а у... у вас шв... какая / немецкая фамилия?

{X} не... да остзейская / фамилия //

{Л} Какой?

{X} Остзейская //

⟨Л⟩ Аа!

⟨Х⟩ Значит ...

⟨Л⟩ Из Прибалтики /

⟨Х⟩ Прибалтики // балтийская фамилия //

⟨Л⟩ Обрусевшие...

⟨Х⟩ А-а-а да обрусев... обрусевшая / обрусевшая фамилия потому что / в середине / прошлого столетия / гмм... из Прибалтики / переехало много / ээ... людей в Петербург / там они имели разные должности и то что наша семья занималась там / плотницким или плотническим / поприщем / это уже / становится ясно из... из имени / Холтхоер / это значит Holzhauser /

[В этом отрывке информанты согласованно исполняли серию жестов (хотя с разной амплитудой и скоростью), которые я за неимением лучшего названия называю «**процессуальными**». Процессуальные жесты иллюстрируют процессы, происходящие в определенной последовательности и как бы логически возникающие один за другим (переезд, получение должности, занятие). По форме процессуальный жест — это плавное движение руки с отведением ее чуть в сторону от тела.]

⟨Л⟩ Аа! да-да-да!

⟨Х⟩ Начальник / (нрзб.) так что дровосек / плотник /

⟨Л⟩ Угу /

⟨Х⟩ Ну а потом / они / пошли по военной стороне / и... мои предки / в прошлом столетии / в конце прошлого столетия в начале / настоящего столетия были / армейцами они были военными //

⟨Л⟩ Так что их язык представляет ка... какой язык? петербургский? или немецкий? или

⟨Х⟩ Петербургский / петербургский главным образом / петербургский // и я не знаю, / в какой мере петербургский язык теперь / сохранился петербургским языком / и где он применяется /.

[Многократный повтор слова всегда, без исключений, сопровождается утвердительным **кивком** — движением головы, иногда едва заметным в первый момент, но уже более энергичным к концу, как бы фиксирующим окончательность в принятии решения.]

⟨Л⟩ Угу /

⟨X⟩ в Советском Союзе / но я часто замечаю / что употребляю / такие / выражения / которые приводят / слушателей / в... в раздумье / как например / иногда говорю «спасибо» как полагается / а иногда у меня выскакивает слово «благодарю вас» // нечто что больше уже... не существует, как говорится / и тоже иногда / гм... такие выражения как «чем могу служить» / вместо того «как могу помочь» или что-нибудь такое //.

[Рассуждения о языке у русских эмигрантов пожилого и старческого возраста, как у мужчин, так и у женщин, обычно сопровождается **улыбкой извинения** (об **улыбках** и их видах см. Крейдлин 2002, с. 335—373). Я сам наблюдал это во время бесед с информантами разной национальности и культурной принадлежности. Думаю, что здесь такую улыбку тоже с большой вероятностью можно реконструировать. Причина появления ее, видимо, в том, что человек не может взять на себя ответственность за использование некоторых языковых выражений или за «выскочившее» слово в условиях, когда он начал забывать язык или не знает современного словоупотребления.]

Буквально несколько слов о глазном поведении. Широко известна, например, роль глаз при передаче важной информации в диалоге (см., например, Арндт, Джанни 1987; Битти 1978; 1981; Кендон 1967). Посредством взгляда или смены взгляда говорящий осознанно или неосознанно направляет внимание адресата на те идеи или чувства, которые он хочет в данный момент выразить или по поводу которых хочет создать у адресата ложное представление, что именно ими он сейчас озабочен. Звуковым аналогом такого поведения является акцентное выделение важного (типа *Дай мне вон ту игрушку* vs. *Дай мне вон ту игрушку*). Если признать наличие такого параллелизма, то по крайней мере некоторые взгляды в записанных текстах реконструируются однозначно.

* * *

Завершая анализ особенностей невербального поведения русских эмигрантов первой волны, еще раз подчеркну, что ре-

конструкция мужских и женских жестов и жестовых комплексов имеет очень большое значение там, где мы хотим представить себе, спланировать или смоделировать (в обычной жизни или в профессиональной деятельности — при постановке пьес в театре, в кинорежиссуре, создавая рекламу или, например, моделируя диалог на компьютере) диалогическое поведение людей в условиях, когда в нашем распоряжении нет никаких видеозаписей текстов. Для проведения полной и надежной реконструкции невербального поведения, конечно, необходимы гораздо более масштабные и многосторонние исследования. Мне хотелось здесь лишь корректно сформулировать проблему реконструкции невербального поведения, привлечь к ней внимание читателя и показать, что поиск ее решения может быть осмысленным и небезнадежным.

Часть V

ГЕНДЕРНАЯ НЕВЕРБАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО: СЕМИОТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ

§1. Невербальная семиотика и анализ изобразительного текста

Одной из самых примечательных и выигрышных характеристик художественного произведения является его способность постоянно и целенаправленно привлекать к себе интерес, заражая зрителя. Изображение людей и объектов, пространственная композиция произведения, отражение времени в пространственных формах представляют собой смысловую конструкцию, обнаружить которую предстоит каждому, кто хочет по-настоящему понять и оценить художественное изобразительное произведение. И здесь существенную помощь может оказать невербальная семиотика. Ученые, занимающиеся такими ее разделами, как кинесика, проксемика или хронемика (наука о времени коммуникации и временных знаках), предложили ряд оригинальных общих методик и конкретных приемов анализа художественного произведения и отдельных его элементов, прежде всего тех, которые производят особое эмоциональное и эстетическое воздействие на адресата. Усилия специалистов в области невербальной семиотики позволили обнаружить и уточнить некоторые смыслы и контекстуальные смысловые связи, прежде остававшиеся незамеченными или непроясненными, прояснить синтаксис отдельных форм и частей произведения.

В ряде работ изучаются место и роль вербальных сообщений в визуальных искусствах. Так, в статьях Банн 1985; Барт

1985; Гомбрих 1985 и Сарапик 1999 в качестве составных частей изобразительного произведения анализируются подписи под картинами и надписи на картинах. В них обсуждаются проблемы примарности кода, а именно, что в соотношении слова и картины, а также слова и фрески, слова и скульптуры и др. считать первичным — вербальные или невербальные, в данном случае визуальные, модели.

Из недавних исследований по невербальной семиотике, полезных для анализа произведений живописи и архитектуры, следует назвать также работы, которые связаны с синхронным и диахронным описаниями отдельных жестов и комбинаций жестов, встречающихся на живописных полотнах, а также исследования по дешифровке языка художественной пластики, который представляет форму и динамику тел и предметов в их соотносительном пространственном расположении в архитектурных ансамблях, фресках, скульптурах или барельефах.

Так, говоря о категории пространства и **пространственном** компоненте культуры, крупнейший специалист в области проксемики Э. Холл в своем «Руководстве по проксемичному анализу» (Холл 1974, с. 2) пишет: «Исследование культуры в ее пространственном аспекте — это изучение того, как люди, находящиеся в разных эмоциональных состояниях и ситуативных контекстах, совершающие различные действия и вступающие в разнообразные человеческие отношения, пользуются своими способностями для восприятия пространства и его овладения». Разные школы и направления изобразительного искусства отличает не только разное отношение к пространству и разная эстетика его восприятия, но и особые невербальные языки его представления. Художественное пространство выступает и как предмет эстетического творчества и как предмет поэтики, а потому невербальную семиотику интересует не только воздействие пространственных составляющих на зрителя и эмоциональные зрительские впечатления, но также попадание пространства под творческое произволение и существование тех композиционно-пространственных решений, которые свойственны данному автору. Особое место в исследованиях отводится структурной и содержательной организации пространства, его функциональному наполнению, семантике и прагма-

тике пространственных форм, их визуальному восприятию, а также выявлению универсальных, общечеловеческих и специфических пространственных компонентов, причем специфических как для данного автора, так и для той или иной художественной школы, направления, культуры. Акцент здесь делается на выявлении геометрических и топологических свойств пространства и его частей, на указании способов знаковой репрезентации и перцепции пространства, его обустройства и украшения, сообщаящих ему ту выразительность, благодаря которой структурная организация художественного визуального произведения приобретает способность впечатлять и заражать сама по себе, независимо от изображаемых персонажей и форм (см., например, работы Богс 1962; Гоффман 1979; Джеймс 1988; Джекендоф 1987; Коулз 1974).

Параллельно с пространством в невербальной семиотике активно изучается использование художниками и скульпторами возможностей риторического отображения **времени**, его соположения и совмещения с пространством, т. е. явления, известного в искусствоведении под именем *паратаксис*. Рассматривается проблема, как в той или иной художественной форме изображается нечто материальное или абстрактное, но, главное, движущееся сквозь время, «прозенное стрелой времени» (В. Кандинский). В картины и скульптуры, фрески и барельефы вводятся протекающие во времени движения, процессы и действия, а также их статические противоположности — состояния, позы и положения, которые принимают объекты перед глазами художника.

«Игры с временем и пространством» (Х. Борхес) всегда занимали художников, но соотношение между временем и пространством, передаваемое на полотнах или скульптурах художниками различных школ и направлений, далеко от тривиального и зависит от очень многих факторов. Мастера-реалисты, прежде всего русской школы, передавали время и его движение сменой красок и оттенков, изменением естественных статичных пространственных положений предметов и тел, наклонами и поворотами, тогда как импрессионисты, по их же собственным словам, были вообще готовы пожертвовать пространством ради торжества длительности, ради «трепета се-

кунды» и «часа жизни». Не нужно быть искусствоведом-профессионалом, чтобы ощутить воздух, пространство и движение на полотнах лучших импрессионистов французской школы, таких как Писарро, Моне, Дега, Сезанн, Мане или Сислей. Язык живописи импрессионистов, несомненно, отражает временные отношения: на наших глазах уходят в сине-серую даль лодки и пароходы, возникает полное ощущение плывущего в полях тумана, кружатся в танце голубые танцовщицы, движутся люди на бульваре Монмартр. Мы видим отражение постепенно исчезающего света на стенах соборов и сливающейся солнечные блики на скалах. Побывав в галерее Дега, французский писатель Эдмон де Гонкур, один из братьев Гонкуров, совсем не искушенный знаток, а простой любитель живописи, записывает в своем дневнике: «На фоне освещенного окна фантастическими силуэтами вырисовываются ноги танцовщиц, сходящих на ваших глазах по маленькой лестнице, и ярко-красные пятна ткани среди всех этих раздувающихся и плывущих облаков». Единицы времени для импрессионистов являлись символами природы и жизни, о чем художники сами заявляли в своих манифестах и декларациях. Замечательный теоретик-искусствовед, культуролог и психолог Р. Арнхейм (см. книгу Арнхейм 1994, перевод книги мой. — Г. К.) писал, что организующие функции пространства и времени выполняли, в сущности, движение и свет. Действительно, свет совмещает в себе многие важнейшие признаки времени и пространства.

Футуристы, напротив, пытались в своих произведениях передавать время по-другому, а именно, непосредственно через пространственные отношения форм. Они часто изображали время вложением одних объектов и их частей в другие или наложением на другие, о чем сами не раз писали и говорили. В манифесте итальянских футуристов можно прочесть следующее: «⟨...⟩ откроем фигуру как окно и заключим в нее среду, в которой она живет, провозгласим, что тротуар может влезть на ваш стол, что ваша голова может пересечь улицу, и внешний мир бросится на вас». Для передачи временных смыслов на полотнах футуристы использовали всевозможные пересечения, наплывы и сдвиги форм. В связи с этим вспомним, например, картины итальянцев У. Боччони, Л. Лотто или библейские и

фольклорные сюжеты на картинах М. Шагала с наклонными, наплавающимися и как бы вкладывающимися одно в другое изображениями. Кстати, по поводу последних М. Шагал сам говорил, что это все «сны и воспоминания об ушедшем времени». Таким весьма своеобразным художественным языком он описывал свой родной Витебск, события и образы детства, свободно летающие и в полете вползающие друг в друга дома, людей, животных, рыб. В одном из интервью художник подчеркнул: «Я всегда хотел угадать тайну времени, уловить его магию, еще довольно давно, когда я начал изображать человека и его воспоминания, его размышления как что-то одновременно существующее и видимое, мои картины иногда считались чудачеством. Но ведь это время человека, каков он есть на самом деле. Разве память — это не форма времени? А память всегда с человеком, его прошлое всегда с ним. И его мысли. Это как бы одно существо. И я его изображаю. Это помогает мне понять человека...». В связи с этим можно упомянуть также его знаменитые разобранные часы, которые были для художника символом смерти. Часы-ходики можно увидеть сразу на нескольких картинах М. Шагала: «Время — река без берегов», «Фокусник», «Моей жене» и др. Некоторые искусствоведы полагают, что представление о часах как символе смерти идет у художника от каббалы, с которой тот был хорошо знаком. Об этом свидетельствуют также записки-воспоминания самого М. Шагала, относительно недавно вышедшие на русском языке под названием «Моя жизнь». Кажется, впрочем, что часы для художника были символом не столько смерти, сколько всей жизни, точнее, символом жизненного времени, сложным образом расчлененного и распределенного по жизненным событиям.

Замечание (о часах и времени)

Часы как метафора и символ жизни, как «неодушевленный наблюдатель» времени жизни присутствуют в творчестве многих представителей мира искусства, на что впервые, кажется, обратил внимание Вяч. Вс. Иванов (1976). Так, в фильме И. Бергмана «Земляничная поляна» в самой знаменитой сцене сновидения появляется циферблат без стрелок. Л. Арагон

писал о часах жизни в своих стихотворениях, посвященных М. Шагалу. В прошлом веке художники-авангардисты нередко уподобляли отлаженным, а чаще испорченным или поломанным часовым механизмам людей, человеческие тела и части тел или сравнивали часы и ход времени с мягкими, жидкими, расплывающимися или растекающимися предметами, как, например, это сделал С. Дали на своих известных полотнах «Утекающее время» и «Постоянство памяти». Часы как предметное воплощение жизни встречаются в романе «Шум и ярость» У. Фолкнера и в стихотворении М. Цветаевой «Минута», в романе М. Каннингема «Часы» и в рассказе Х. Борхеса «Другой тигр», в «Путевых записках» А. Битова и в целом ряде стихотворений А. А. Ахматовой.

Совсем иначе, чем у представителей других направлений живописи, запечатлено время у художников-абстракционистов, в частности у супрематистов. Наиболее известный из них К. Малевич уже в самом начале своей творческой деятельности писал, что времени как такового не существует, его нет вообще, оно сжато в точку. Структура картин супрематистов, столь несхожих между собой и лично и творчески, — взять хотя бы знаменитый «Черный квадрат» или «Жизнь в большой гостинице» К. Малевича, «Город» Эль Лисицкого, не говоря уже о художественных композициях самой, на мой взгляд, интересной из супрематистов О. Родионовой, — была сугубо пространственно-геометрической.

§2. Жесты на картинах

В последнее время изучение пространственных (пространственных) и временных (временных) особенностей художественного изобразительного произведения происходит одновременно с семантическим и синтаксическим анализом представленных в нем кинетических знаковых элементов. Несколько лет тому назад итальянские специалисты М. Коста, М. Мензани и П. Риччи Битти провели детальное описание жеста **наклон головы**, представленного на картинах-портретах одиннадцати художников с XIV по XX в. (Коста, Мензани, Риччи Битти 2001). Всего ими было рассмотрено 1498 фигур. Художники

отбирались по их мировой известности и славе, а также по тому влиянию, которое их творчество оказало вообще на развитие живописи как вида искусства. Поэтому авторами исследуемых картин оказались выдающиеся мастера прошлого, принадлежащие разным странам и разным художественным направлениям. Это три брата — Мартин (Масейк), Хуберт и Ян — Ван Эйки, а также Гольбейн, Карраччи, Веласкес, Рембрандт, Дега, Сезанн, Климт и Модильяни.

Коста, Мензани и Риччи Битти поставили перед собой задачу всесторонне описать жест **наклон головы**, выявить мотивы его появления на данной картине и раскрыть роль жеста для эмоциональной и эстетической характеристики изображаемых персонажей.

Наклон головы — это невербальный знак с такой формой: голова наклоняется вбок, и человек принимает позу, в которой вертикальная линия, идущая от центра лба до носа и центра подбородка, не перпендикулярна плечам. Жест **наклон головы** издавна относили к единицам, выражающим значения уступчивости адресату и покорности перед ним, любви и нежности, к единицам, свидетельствующим о «различии или перепаде силы» коммуникантов («power differential» — Хенли 1973, 1977). О нем писали как о знаке, выражающем просьбу о защите (Моррис 1977), о выражающем интерес к собеседнику, ср.: «откинутае назад и <наклоненное. — Г. К.> немного вбок положение головы означает заинтересованность» (Игумен Евмений 2000, с. 79). Кроме того, форма наклоненной головы указывает на то, что жестикулирующий хочет снискать расположение адресата или успокоить его, при этом символически уменьшая свой собственный рост и статус (Гоффман 1979).

Как мы видим, характер значений, приписываемых **наклону головы**, во многом определяет ту особую роль, которую исследователи этого жеста, его смысла и функций отводили в живописных полотнах гендерному фактору. Между тем именно в отношении признака «гендер» результаты анализа этого жеста в разных контекстах часто оказывались весьма противоречивыми. Например, в ранее уже упоминавшейся нами известной, многократно цитируемой по самым разным поводам ра-

боте Кендон, Фербер 1973, в которой изучалось поведение молодых американцев во время встречи хозяевами дома (мужчиной и женщиной) званных на вечер гостей, отмечается сравнительно невысокая частота **наклона головы** у женщин. Между тем в статье Риган 1982, где представлены результаты анализа 1296 фотопортретов учеников старших классов школ и студентов колледжей, приводятся убедительные данные, говорящие о статистически несравненно большем числе, чем у А. Кендона и А. Фербера, и мужчин и женщин, исполнявших этот жест. А спустя еще несколько лет выходит работа Милз 1984, в которой изучается, как садятся перед фотокамерой люди, желавшие сфотографироваться на официальные документы и не получившие никаких указаний от фотографа, как им нужно сесть, и Вилсон, Ллойд 1990, где анализируются позы, которые добровольно принимали перед объективом фотокамеры выпускники американских Art and Science Schools (т. е. выпускники художественных школ и школ с различной научной специализацией). Авторы этих работ вообще не обнаруживают каких-либо статистически значимых расхождений в числе **наклонов головы** у женщин и мужчин. (Отмечу по ходу, что, согласно данным статьи Вилсон, Ллойд 1990, учащиеся художественных школ больше улыбались и больше наклоняли голову, чем учащиеся спецшкол; при этом меньшее количество наклонов у учащихся спецшкол интерпретируется авторами как диагностический показатель их более высокой, а местами даже завышенной, самооценки.)

В работе Халберштадт, Сайта 1987 изучалось соотношение между **наклоном головы** и восприятием доминанции. В своем первом эксперименте исследователи остановились на анализе 1106 мужских и женских портретов из газет и журналов. Было зафиксировано 42% **наклонов головы** у женщин и 43,5% у мужчин, причем больше **наклонов** наблюдалось у чернокожих людей обоего пола. Во втором эксперименте анализу подверглись 1257 человек в естественных условиях бытовой жизни. Здесь количественные показатели, хотя и были несколько иные (37,7% **наклонов головы** у женщин и 39,1% у мужчин), в пропорциональном отношении были такими же, как в первом эксперименте.

В третьем эксперименте (среди прочего) изучалось то, какими качествами люди обоого пола наделяют тех женщин, которые любят наклонять голову. Оказалось, что такие женщины обычно оценивались как мужчинами, так и женщинами как более дружественные и склонные к флирту, а женщины, не исполнявшие или крайне редко исполнявшие жест, — как склонные к доминации.

В упомянутой выше статье Коста, Мензани и Риччи Битти была выдвинута гипотеза о том, что частота и интенсивность **наклона головы** на живописных портретах будет выше, чем в реальной жизни, поскольку художники вынуждены передавать свои чувства исключительно через визуальный канал. Авторы статьи предположили, что художник, пребывавший в момент написания картины в состоянии любви, обожания или страсти по отношению к изображаемому лицу, покорности или преклонения перед ним, в особенности если это женское лицо, стремится не только выразить испытываемые им чувства, но и раскрыть некоторые качества своего персонажа: женственность, страсть, сдержанность, величественность, способность к самопожертвованию и др. Это, по их мнению, и приводит к росту числа наклонов головы на картинах, т. е. именно тех невербальных знаков, которые в норме передают такие смыслы.

Исследователи поставили также перед собой задачу соотнести данный жест с другими характеристиками невербального поведения, такими как пол, число людей, представленных на картине, положение глаз и направление взгляда героя картины (например, направлен ее/его взгляд в сторону зрителя или нет), контекст (естественный он или искусственный, позовый, как говорят искусствоведы, т. е. человек специально позировал художнику), возраст персонажа, его статус (мифологический, религиозный, профессиональный), степень знатности, характеристика самого художника, и некоторыми другими признаками, такими как, например, «в какую сторону повернута голова персонажа — направо или налево от зрителя», «положение головы», «план фигуры на картине — передний или задний», «поворот лица — вперед, направо, налево» и др. Относительно пола было выдвинуто предположение, что **наклон головы** — жест скорее женский, чем мужской (впро-

чем, следует подчеркнуть, что все художники сами были мужчины). Мужские и женские фигуры составили соответственно 55% и 45% от общего числа. Результаты анализа гендерного параметра жеста таковы: у женщин относительная частота **наклона головы** выше, чем у мужчин: 12,8 против 7,2. Особенно заметной была разница в частоте употребления жеста на картинах художников, питающих пристрастие к мифологическим сюжетам и таинствам (Карраччи, Ван Эйк, Мартини). Напротив, у художников, облеченных специальными полномочиями рисовать парадные и иные портреты (это Гольбейн, Модильяни, Веласкес, Рембрандт), выраженного гендерного эффекта отмечено не было.

Более ранние художники, те, кто работал преимущественно в церквях и рисовал святых, Деву Марию, Христа, ангелов, библейские или мифологические сцены, передавали на своих полотнах большее количество **наклонов головы**, чем это делали художники, рисовавшие светские портреты. В первом случае картины обычно выражали жалость, покорность или же обожание, поклонение Христу, Богу, в то время как для светских портретов важна была прежде всего демонстрация знатного лица, его красоты, величия и мощи. Позже, в XIX веке, когда у художника был уже выбор, что рисовать (Сезанн, Климт, Дега, Модильяни), картины представлены как совершенно независимые от формы патронажа. Действительно, короли и знать уже не были больше в числе лиц, которым оказывалось предпочтение. Появились новые изображаемые фигуры: ими становятся крестьяне, ремесленники, «простые люди» — друзья и знакомые художника. На полотнах, может быть, уже и нет того выражения мощи и власти, зато имеется очевидно более спонтанное и откровенное выражение эмоций. И частота использования жеста **наклона головы** в это время заметно увеличивается — хотя для старых персонажей в меньшей степени, чем для молодых, что, впрочем, вполне объяснимо: в прошлом жизненный век был короче, а власть была у стариков.

К сожалению, жест **наклон головы** изучался авторами в отрыве от положения тела, мимики, пространственной и временной композиции и т. п. А ведь если бы, например, в число

исследуемых художников попал М. Шагал с его наклонными фигурами на картинах, то едва ли действие гендерного фактора осталось бы таким же.

§3. Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»: сюжет и предметно-композиционная структура⁴⁹

Когда содержанием изобразительного произведения становится встреча, столкновение или жесткий конфликт лиц, участвующих в каком-либо действии или событии, его автор нередко разворачивает перед адресатом сцену, в которой жесты, мимика, движения и позы персонажей, равно как и окружающие их пространство и предметы, получают особый, не бытовой, а символический, ритуальный или культурный смысл. Такова сцена, представленная на всемирно известной и поистине гениальной фреске Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (или «Сенасоло»), которая находится в трапезной монастыря Санта Мария дела Грацие (Santa Maria delle Grazie) в Милане и около которой мне посчастливилось как-то провести более шести часов. Религиозная, искусствоведческая и историческая литература, посвященная фреске Леонардо да Винчи, весьма обширная, тем не менее мне хотелось бы показать, что невербальная семиотика и проводимый на ее принципах семиотический анализ фрески могут тоже рассказать что-то новое о природе и смысле ряда художественных решений, воплощенных Леонардо.

При входе в трапезную монастыря перед нами предстает застывшее в камне знаменательное и величественное действие, передающее разнообразные невербальные знаковые формы интерактивной коммуникации — от жестовой до проксемной. Сохранившийся в Англии, в Королевской библиотеке в Виндзорском замке листок под № 12542 г в художественной форме раскрывает первоначальный замысел Леонардо в отношении «Тайной вечери». Рисунок, выполненный отдельными штрихами карандаша или грифеля, очень живой, но (по-видимому, осознанно) компактный и сжатый. На листке (мне, к сожалению

⁴⁹ См. иллюстрации на вклейке после с. 128.

нию, не пришлось видеть сам оригинальный листок — я видел только его копию, впрочем хорошо выполненную) представлено несколько набросков художника. Один из них — изображения пяти евангельских фигур. Самые крупные из них расположены в верхней части листка. Это фигуры Христа, сидящего за столом в окружении восьми или девяти (это не очень отчетливо видно на копии) его учеников — апостолов и Иуды, сидящего за столом рядом. Очертания голов на рисунке показаны как бы пятнами и перекрестными черточками для бровей и носа.

На листке есть и другой рисунок, справа от первого; он чуть меньший по размеру. На нем изображена группа, состоящая из Христа, Иоанна, Петра и Иуды, как в Евангелии от Иоанна (13, 21—26). Ученики смотрят друг на друга, словно думая, о ком же Иисус мог сказать, что тот его предаст. На грудь Иисусу склонился Петр, любимый ученик Иисуса. Фактически он лег на грудь Христу, как припадает ребенок на грудь своему отцу, как бы говоря этим: «Господи, кто это?». Христос протягивает Иуде хлеб, намоченный в молоке, и именно этим, символическим указательным жестом показывает на того, кто Его предаст. Самая впечатляющая деталь рисунка Леонардо да Винчи, на мой взгляд, — это руки Христа, представленные на рисунке в двух положениях. Одна участвует в жесте, который можно назвать **протянутая рука**, совершаемом во время взятия или вручения хлеба, а другая, отведенная в сторону и чуть забранная назад, — в жесте, не имеющем стандартного, стереотипного обозначения в русском языке. Поэтому его условно можно было бы назвать «**движением к чему-либо** (в данном случае — к тарелке) **или в сторону чего-либо** (в сторону тарелки)»⁵⁰. Этот рисунок напоминает последовательность фотографий, придающих ситуации живость и динамику. Изображение рук на рисунке дополнено мимической реакцией Петра, и это явно реакция удивления. Форма этого жестово-мимического комплекса такова: глаза Петра уставлены на Иуду, они сурово, вопросительно и удивленно смотрят на него, а рука

⁵⁰ В случае, если канонического названия жест не имеет, его условно принимаемое название заключается в кавычки.

направлена в движении ко лбу. Лицо Петра на рисунке контрастирует со страдающим, но милосердным и покорным, как бы уже смирившимся с предательством лицом Христа. Картина поражает наполненными страстью и мощью жестами и взглядами, которые художник изобразил в карандаше.

Из многих исторических документов нам сегодня известно, что сначала Леонардо да Винчи собирался отобразить момент, когда Христос протягивает хлеб Иуде, указывая таким способом на предателя. Этот центральный эпизод, как он представлен в Евангелии от Иоанна⁵¹, рисовали многие художники на протяжении целого ряда веков. Как отмечает Джек Вассерман, к числу первых изображений этого события относится барельеф на стене собора Вольтерра. Еще одно изображение, восходящее к XII веку, хранится в Сан Джованни Фуорицивитас в Пистойе. Имеются также фреска «Тайной вечери» того же XII века в аббатстве Уиболдон близ Милана, фреска Таддео Гадди в трапезной флорентийского монастыря Санта Кроче. А сколько еще изображений Тайной вечери — Фра Анджелико в соборе Св. Марка во Флоренции, Дирка Боутса в алтаре собора Св. Петра в Лувене, Козимо Росселли в Сикстинской капелле в Ватикане — или живописных интерпретаций Лукаса Кранаха Старшего на гравюрах и в алтаре замковой церкви в Дессау, изобразительные трактовки-гравюры Дюрера XVI в., картины Серра, Рубенса, Иоса ван Вассенхове, картина «Тайная вечеря» неизвестного автора, расположенная над дверями у входа в музей живописи в Лионе, и сотни, если не тысячи, других!

Те же евангельские фигуры, что и на рисунке, — но не только они! — отражены и во фреске Леонардо, на которой мы теперь подробно остановимся.

Каждое изобразительное произведение должно наделяться соответствующими своей значимости формой и величиной и располагаться на подходящем для этого произведения месте.

---

⁵¹ Как известно, в Евангелии от Луки предатель распознается, или идентифицируется, благодаря его же собственным рукам, которые, как и руки Христа, находятся на столе, — существует предположение, что эта сцена никем никогда не была нарисована.

Можно назвать это следованием принципу уместности, основанному на признании относительной значимости (ценности) фигуры, картины или скульптуры. Чисто духовная благость фрески сопрягается с функциональным удобством местоположения, с одной стороны, и с визуально воспринимаемой красотой фрески — с другой. Роспись «Тайной Вечери» размещена прямо напротив стены с консолями, т. е. выступами монастырского свода, и образует единую композицию со стеной и рядом круглых окон (тимпанов), характерных для всей архитектуры длинных стен трапезной. Пьетро С. Марани, автор каталога, характеризующего монастырь и его знаменитую фреску (Марани 1999), отмечает (на с. 11 каталога), что у нас нет, однако, оснований полагать, что Леонардо действительно намеревался с самого начала написать фреску на одной из стен, — изображаемые фигуры были бы чересчур большими (см. ил. 1 на вклейке после с. 128).

Фреска «Тайная вечеря» представляет собой визуальное изображение на камне знаменитого события, представленного в текстах всех четырех Евангелий Нового Завета, — в Евангелии от Матфея — Мф. 26. 17—29, в Евангелии от Марка — Мк. 14. 12—25, в Евангелии от Луки — Лк. 22. 7—23, и в Евангелии от Иоанна — Ин. 13. 1—30. Эта фреска является результатом эстетического истолкования художником евангельских событий.

Евангелисты Матфей, Марк и Лука повествуют о Тайной вечере довольно кратко: они рассказывают лишь об изобличении предателя Иуды и установлении таинства Евхаристии (причащения), т. е. принятия тела и крови Христовой (хлеба и вина). Распятое на кресте тело Христа и пролитая им кровь должны отныне служить ученикам и последователям Христа постоянным напоминанием о принесенной им жертве и о связи их с Христом и друг с другом. На протяжении веков будет возобновляться жертва, которую Христос принесет на кресте для искупления человечества: он сам становится истинным хлебом — той пищей, которая освящает и соединяет людей с ним самим и между собой. Согласно христианскому учению, Тайная вечеря является проявлением высшей жертвенной любви Христа.

В отличие от первых трех евангельских текстов, в Евангелии от Иоанна о Тайной вечере рассказывается более подробно. В нем повествуется о пасхальном вечере и совместной трапезе Иисуса Христа и его двенадцати учеников-апостолов, об омовении Учителем ног апостолов, о наставлении Иисуса о смирении и о том, как он подал апостолам личный пример смирения, не погнушался показать своим ученикам и всем людям, насколько смирение и кротость необходимы для вступления в Царство Божие.

В тот пасхальный вечер Иисус Христос сказал своим ученикам-апостолам, что его предаст один из них. Христос собирает всех апостолов за ужином, чтобы объявить, что он знает о том, что произойдет, но сначала умывает всем им ноги. Мыть ноги гостям было обязанностью слуг, и Христово умывание (или, на языке Евангелия, омовение) ног ученикам — не простое утилитарное, чисто физиологическое действие, а жест, т. е. телесный невербальный знак, свидетельствующий о его миссии Служителя и о том, что все люди равны перед ним, ср. *Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! Не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя своего, потому и сказал: не все вы чисты (Ин. 13. 8—11)*. Омывая ноги своим ученикам, Иисус сделал это даже предавшему его Иуде, о котором еще до акта омовения знал, что тот принадлежит к числу его врагов. Завещая верующим в него «любить врагов своих» (*мыть ноги друг другу* и означает 'служить друг другу в духе смирения и любви') и «благо творить ненавидящим» и желая привести Иуду к раскаянию и тем самым сотворить добро ему и спасти его душу, Иисус наклоняется над Иудой и омывает его ноги точно так же, как и ноги у остальных апостолов. А далее в Евангелии от Иоанна можно прочесть об обличении предателя и уходе Иуды с вечери с целью предать Учителя (ср. *Когда он (т. е. Иуда. — Г. К.) вышел, Иисус сказал*). Кроме того, в Евангелии говорится об установлении таинства Евхаристии и о прощальной беседе.

На фреске Леонардо да Винчи, однако, изображен только тот эпизод, который имел место во время пасхального ужина сразу же за словами Иисуса, обращенными к апостолам: *истинно, истинно говорю вам: один из вас предаст меня* (Ин. 13. 21). Художник запечатлевает фигуры Христа и всех двенадцати апостолов, какими их видит в этот момент, и показывает эмоциональную и поведенческую реакцию каждого из апостолов на слова Христа. Леонардо производит нечто большее, чем моментальный снимок: он предлагает нам изобразительный эквивалент события. Он синтезирует в камне евангельский сюжет и поведение персонажей, переводя их действия и состояния в изобразительные копии. Фреска тем самым оказывается аналогичной отдельным узловым моментам евангельских текстов о Тайной вечере, являясь своеобразной аналоговой изобразительной моделью текста-теории.

Фигуры на фреске расположены по одну сторону длинного стола, покрытого белым сукном. Хотя подобное расположение персонажей с изобразительной точки зрения является естественным — ведь зрителю, смотрящему на фреску, хорошо видны телесное поведение и реакция каждого из персонажей, — для беседы во время совместной трапезы многих лиц такое линейное расположение вдоль длинного стола кажется в высшей степени странным и неудобным. В попытке дать объяснение этому необычному пространственному решению Леонардо русский художник, автор знаменитого полотна «Явление Христа народу» А. Иванов, который изучал логику построения фрески, приходит к выводу, что в основе замысла Леонардо да Винчи лежит отказ от изображения внешнего действия и воспроизведение единства отклика персонажей на происшедшее событие. Действительно, идея единства воплощается в разных невербальных знаках: (а) все персонажи, включая Иуду, помещены за одним столом; (б) все по одну сторону стола и (в) симметрично, по равному числу (по шесть) справа и слева от Христа (проксемные знаки); (г) ни один из персонажей не смотрит на зрителя (визуальные знаки); (д) все лица и фигуры апостолов выражают смыслы протеста, неожиданности, недоумения и испуга (кинетические знаки).

Важной особенностью эстетического восприятия и впечатления является механизм дифференциации и детализации, т. е. каким образом из большого числа персонажей и объектов произведения искусства человек выделяет то, что составляет предмет его истинного интереса. Общая, давно подмеченная закономерность тут такова: за исключением относительно немногочисленных случаев, когда пространство искусства рассматривается как некое единое целое, мы обычно останавливаем свое внимание на каком-то ограниченном участке целого. Леонардо, однако, так строит аранжировку фигур, что место каждой фигуры, изображение ее частей и действий оказываются соотношенными и согласованными с местами и изображениями других объектов на фреске, благодаря чему, во-первых, эмоциональное состояние и поведение каждой фигуры становятся видимыми, во-вторых, выявляются сложные отношения между фигурами и объектами и, в-третьих, открывается возможность понять функцию отдельно взятого знакового элемента во всей композиции в целом.

В самом центре «Тайной вечери» — фигура ее главного героя, Иисуса Христа, и это самая величественная, хотя и несколько, на мой взгляд, статичная фигура. Она совпадает с вертикальной осью симметрии прямоугольника фрески, а потому ее части удобно рассматривать в соотношении с этой осью. Руки Христа тоже симметричны относительно этой оси; правая рука нарисована ладонью вниз, с чуть отогнутым в сторону большим пальцем, и она покоится на столе, а левая рука изображена художником открытой ладонью вверх. Пальцы обеих рук направлены к хлебу, лежащему по другую сторону стола, и как бы тянутся за ним. Иисус смотрит перед собой вниз (жест величественной скромности), не выдавая предателя ни взглядом, ни жестом. Его голова повернута несколько влево и чуть наклонена вперед. Фреску отличает полифония стаза и действия: поза Иисуса Христа — это отчетливо выраженная статичная поза смирения и внутреннего спокойствия, так сказать, поза молчания и равновесного душевного состояния. Этим она резко противопоставлена динамичным позам эмоциональных прорывов, характерным для всех апостолов.

По-видимому, по замыслу автора у зрителя должно происходить нечто вроде пространственного осмысления запечатленных христианских образов. Подобное осмысление, впрочем, не новация Леонардо, хотя общепризнано, что он первым внес во фреску присущую изображаемому семантическому пространству эмоциональную напряженность. Достигается это смысловое наращение при помощи неочевидного, можно сказать даже парадоксального, распределения по фреске пространства и света. Так, мир Христа на фреске — это мир тени, тогда как окружающие Христа апостолы все предстают в свете.

Если говорить на языке проксемики, то тело Христа выделено на фоне остальных тел, и не только при помощи игры пространства и света. Между фигурой Иисуса, с одной стороны, и фигурами его ближайших соседей слева и справа, соответственно Иоанном и Фомой — с другой, физическое расстояние, отчетливо большее, чем расстояние между соседними фигурами каких-либо апостолов. Таким комбинированным способом Иисус и отделяется от остальных героев фрески, и выделяется на их фоне.

Прямоугольник окна за спиной Иисуса играет роль нимба: этим художник тоже подчеркивает уникальность этого персонажа. По каждую сторону от Христа находятся две группы апостолов по три человека в каждой, т. е. здесь тоже имеет место симметрия — шесть человек слева и шесть справа от центральной фигуры. Слева направо первую группу образуют — самый крайний Варфоломей, а затем «возлегают за столом» Иаков Младший и Андрей. Вторую группу следом за первой, т. е. группу, ближайшую к фигуре Христа (ближайшую физически, а также, как мы знаем по текстам Евангелий, и психологически; см. о различии физической и психологической дистанции в книге Крейдлин 2002), образуют по порядку слева направо Иуда, Петр и Иоанн (место Иоанна рядом с Христом — дополнительное свидетельство того, что Иоанн был любимым учеником Христа среди апостолов).

С правой от Христа стороны расположена группа из трех апостолов (перечисляю также по порядку слева направо): Фомы, Иакова Старшего и Филиппа, и еще далее от Христа

расположена группа апостолов, куда входят — по порядку — Матфей, Фаддей и Симон (см. ил. 2 на вклейке после с. 128).

Может показаться любопытным тот факт, что до Леонардо Иуду, предавшего Иисуса, все художники, писавшие тот же сюжет, как и Иисуса, композиционно обособляли и тем самым выделяли Иуду среди других апостолов. Его фигуру размещали либо совсем отдельно от других апостолов, либо все же усаживали напротив остальных апостолов и Иисуса по другую сторону стола, как это сделано, например, на картине «Тайная вечеря» Андреа дель Кастаньо (XV в.), которая хранится в трапезной монастыря Сан Аполлония во Флоренции. Леонардо да Винчи отказывается от столь жесткого обособления и помещает апостола Иуду непосредственно в одном ряду с другими учениками Христа. Но ведь Иуда должен же быть хоть как-то выделен! И гениальный художник поступает весьма необычно, деля композиционно апостолов на четыре группы по три и этим создавая в одном ряду не только симметричные группы, но и некий сюжетный подтекст.

Границы между группами на фреске Леонардо заданы особыми позами и жестами. Между первой и второй группами (слева направо) границу определяют рука Иакова Младшего, устремленная к Христу, и поза Петра. Петр выдвинулся вперед и шепчет что-то на ухо Иоанну, наклонившему к нему голову. Отклонившиеся от Христа в сторону к Петру голова и корпус Иоанна определяют границу, отделяющую целиком вторую группу апостолов от фигуры Христа. Мы видим, что Иоанн наклонился к Петру в позе слушающего (см. выше о наклоне головы), глаза Иоанна смотрят в сторону и вниз, а ухо приближено ко рту говорящего ему что-то Петра.

Единство третьей группы, примыкающей непосредственно к Иисусу, обеспечивается взглядами всех трех образующих эту группу апостолов. Взгляды их обращены на Учителя, а границей, отделяющей группу от Христа, служат руки Иакова Старшего, который, приоткрыв рот и несколько приподняв плечи в жесте изумления, развернул корпус к Учителю. Правая рука Иакова Старшего отведена вправо с открытой ладонью в сторону Христа и вместе с корпусом загоразживает фигуру Фомы, так что на фреске видны только рука и лицо Фомы. Левая же

рука Иакова Старшего открытой ладонью и расслабленными пальцами в останавливающем движении тянется к Иисусу. Обе руки загораживают и отгораживают Христа от остальных апостолов той же группы. На заднем плане пространство ограничивается направленным вверх указательным пальцем Фомы.

Границу между двумя группами апостолов, находящихся правее Христа, задают: слева — возвышающаяся фигура Филиппа, наклонившаяся к Нему и с несколько выдвинутой вперед головой, и справа — вытянутая горизонтально и направленная в противоположную от Христа сторону голова Матфея. Корпус Матфея, в отличие от его обеих рук, повернут не в сторону Учителя, а к двум другим апостолам — Фаддею и Симону; Симон занимает крайнюю позицию за столом. Матфей, Фаддей и Симон, три апостола, образующие последнюю группу, взволнованно беседуют между собой, причем говорит, видимо, Симон, а двое других активно слушают. Очень выразительными являются руки всех трех апостолов, говорящие зрителю больше, чем позы или мимика.

Ритмическая организация четырех групп апостолов подчеркивается симметричным расположением окон позади сидящих: на каждую из двух — левой и правой — троек апостолов приходится по одному окну на заднем плане фрески.

Проведя анализ общего пространственного плана фрески, мы можем заключить, что, заполняя ее пространство, Леонардо да Винчи каким-то непостижимым образом приблизил все жестовые, позовые и мимические подробности к глазам зрителя, оставляя на фреске четкими даже самые мелкие детали. И эта яркость выписанных художником деталей не померкла и по сей день.

Невербальные знаки, отображенные на фреске, создают ритм и метрику изобразительного произведения. Изобразительные фразы языка телодвижений относительно легко распознаются и идентифицируются. Неслучайно наш отечественный искусствовед, художник и психолог Н. Н. Волков сравнивал фреску «Тайная вечеря» со стихотворением, разбитым на строфы (Волков 1977, с. 26 и сл.). Можно думать, что здесь невербальные знаки, складываясь в невербальное произведение, образуют цитаты, продиктованные событиями и обстоя-

тельствами литературного текста Евангелия и перенесенные из него в визуальный текст фрески.

§4. Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»: тематическая организация и изобразительное решение

Формальный или, иначе, структурный план фрески, как и любого другого произведения искусства, нельзя отделить от содержательного, или смыслового, плана. Основное положение, которое я хотел бы здесь сформулировать и обосновать, состоит в следующем: все визуальные образы фрески являются посредниками между концептуальной обработкой замысла и порождением телесных жестов (в широком смысле слова, включая жесты рук и головы, мимику, позы и взгляды). Так, каждая из групп апостолов предстает на фреске как некое единство, объединенное определенной смысловой темой или эмоциональным ощущением, и задача зрителя состоит в том, чтобы по жестам, позам, взглядам и пространственному расположению фигур понять, что это за тема и каковы испытываемые апостолами чувства, и расшифровать передаваемые визуальные сообщения.

Основные темы фрески известны из текстов Евангелий — это предательство и ритуальное претворение, т. е. преломление хлеба и вина Христом, понимаемое как превращение хлеба и вина в знаки духовного единения людей. Последняя тема изобразительно передана исключительно мануальными жестами, а именно движениями рук Христа к хлебу, тогда как для выражения первой Леонардо прибегает сразу к трем невербальным кодам — позовому, жестовому и визуальному.

Абрис голов фигур образует на фреске нечто вроде волны, расходящейся от центра. Кажется даже, что сам длинный стол имеет форму кругового сегмента, поднимающегося к центру, т. е. к месту, где находится фигура Христа. Во всяком случае, профиль стола — это не строго горизонтальная линия. Волнообразная форма голов подчеркивается контрастными позами самых крайних фигур фрески: Варфоломей привстал со своего места и стоит в напряженной позе, опершись руками о стол

тельствами литературного текста Евангелия и перенесенные из него в визуальный текст фрески.

§4. Фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря»: тематическая организация и изобразительное решение

Формальный или, иначе, структурный план фрески, как и любого другого произведения искусства, нельзя отделить от содержательного, или смыслового, плана. Основное положение, которое я хотел бы здесь сформулировать и обосновать, состоит в следующем: все визуальные образы фрески являются посредниками между концептуальной обработкой замысла и порождением телесных жестов (в широком смысле слова, включая жесты рук и головы, мимику, позы и взгляды). Так, каждая из групп апостолов предстает на фреске как некое единство, объединенное определенной смысловой темой или эмоциональным ощущением, и задача зрителя состоит в том, чтобы по жестам, позам, взглядам и пространственному расположению фигур понять, что это за тема и каковы испытываемые апостолами чувства, и расшифровать передаваемые визуальные сообщения.

Основные темы фрески известны из текстов Евангелий — это предательство и ритуальное претворение, т. е. преломление хлеба и вина Христом, понимаемое как превращение хлеба и вина в знаки духовного единения людей. Последняя тема изобразительно передана исключительно мануальными жестами, а именно движениями рук Христа к хлебу, тогда как для выражения первой Леонардо прибегает сразу к трем невербальным кодам — позовому, жестовому и визуальному.

Абрис голов фигур образует на фреске нечто вроде волны, расходящейся от центра. Кажется даже, что сам длинный стол имеет форму кругового сегмента, поднимающегося к центру, т. е. к месту, где находится фигура Христа. Во всяком случае, профиль стола — это не строго горизонтальная линия. Волнообразная форма голов подчеркивается контрастными позами самых крайних фигур фрески: Варфоломей привстал со своего места и стоит в напряженной позе, опершись руками о стол

ным, а может быть, даже скорбным (несколько женоподобным) **лицом**. Фома выражает свои чувства удивительным мануальным жестом: он взволнованно **поднимает вверх указательный палец**, как бы утверждая, что правда возможна лишь на небесах. Иаков Старший «в ажитации» разводит руками (одно из значений этого жеста — выражение безнадежности и бессилия перед кем-то или каким-то событием, см. Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001). Филипп **прижимает руки к груди**, как бы желая полной ясности и прося Христа о ней. Эмоциональный и рациональный отклики апостолов Матфея, Фаддея и Симона выражены в форме их беседы друг с другом, однако руки апостолов по-разному направлены в сторону Христа и потому являют собой разные изобразительные **жестово-эмоциональные реакции** на Его слова о предательстве, варьирующие от возмущения до недоумения.

Особое место на фреске занимает Иуда. Лицо его находится как бы в тени, оно не столь выразительно, как другие лица. Корпус чуть откинут в движении **отшатнуться** и выдается вперед из общего ряда, а локтем он опирается о стол. В руке у него зажат какой-то мелкий предмет.

Хотя Леонардо да Винчи помещает Иуду по одну сторону стола и в один ряд с фигурами остальных апостолов, тело и лицо Иуды резко контрастируют с телесными движениями и жестовыми, в частности мимическими, реакциями других апостолов. Этот невербальный контраст отражает смысловое противопоставление Иуды другим апостолам.

Жесты, позы, взгляды, ориентации тел и расстояния между ними создают, таким образом, три вида дихотомий, воспроизведенных на пространстве фрески: (1) Христос — апостолы; (2) Христос — Иуда и (3) Иуда — остальные апостолы.

* * *

Уместность и плодотворность использования разнообразных исследовательских методов при расшифровке изобразительных невербальных кодов сегодня уже едва ли вызывают какие-то сомнения. Частое обращение к одному и тому же произведению искусства и его аналитическое обсуждение людей

разных научных и профессиональных интересов нисколько не умаляют значение произведения, а скорее подчеркивают неослабевающее внимание к нему. И если фреска Леонардо да Винчи способна на протяжении столь длительного времени вызывать восхищение и, я бы сказал, чуть ли не ритуальное поклонение всех тех, кто на нее смотрит, то совершенно очевидно, что мы имеем дело с могущественной силой, власть которой над людьми стоит хотя бы попытаться объяснить.

Как пишет в своей статье под названием «Евангелие от лукавого, или триста миллионов сребреников» известный культуролог и публицист С. Резник, «одно из назначений искусства — тыкать носом почтенную публику в ее собственные зловонные гнойники и миазмы. Искусство выполняет гигиеническую функцию: демонстрируя нам наши мерзости, оно помогает от них очищаться, помогает сидящему в нас зверю очеловечиваться». Если это справедливо по отношению к искусству вообще, то применительно к произведениям на сюжет жизни и смерти Христа — в особенности.

Уровнем мыслей и чувств фреска Леонардо выходит далеко за пределы живописи и искусствоведения. Она дает основания для размышлений о личной и общественной нравственности, о социальных поступках и этических нормах, о самосовершенствовании человека и системе жизненной ориентации. У человека должны быть азимут, указывающий, куда идти, и карта своего природного, социального и культурного мира (по Э. Фромму, «анатомия человеческой деструктивности»). Животному и карту, и азимут, и цель дают инстинкты, в то время как человек, лишенный инстинктивной детерминации и наделенный мозгом, позволяющим ему думать в нескольких направлениях, и душой, позволяющей ему чувствовать Другого и переживать за него, нуждается в объекте привязанности и поклонения, который стал бы фокусом всех его устремлений и базисом истинных, а не только провозглашаемых ценностей. К таким истинным, непреходящим ценностям и относится великое творение Леонардо да Винчи. Как абсолютно справедливо писал Р. Арнхейм, если художественное произведение «потрясает своей мощью, то всякое знакомство с ним является поистине Откровением» (Арнхейм 1994, с. 13).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Эпистемологический кризис», «релятивизм», «научная беллетристика», «описательность» и многие другие малопривлекательные и тревожные диагнозы ставились и гендерной лингвистике и гендерной невербальной семиотике на разных этапах их рождения и становления. Недооценка места и роли какой-либо области научного знания всегда преобразует научный пейзаж и ставит под сомнение устоявшиеся приоритеты и взгляды. Однако гендерные лингвистика и невербальная семиотика обнаружили замечательную жизнестойкость и изобретательность, что выразилось в появлении новых идей, продуктивных подходов и более точных, чем прежде, инструментов анализа соотношения пола, взятого в его культурном и социальном преломлении, с естественным языком и другими семиотическими кодами. Чутко отреагировав на новые общесемиотические, лингвистические, антропологические и культурологические идеи и методы исследования, эти дисциплины приняли, по выражению Габриель Спигель, «семиотический вызов» и сумели перестроить свои общие исследовательские установки, перейдя, по крайней мере в магистральных направлениях, от описательной стратегии к объяснительной. Постепенно гендерная лингвистика и невербальная семиотика, взятая в ее гендерном аспекте, начинают отходить от наиболее крайних и ортодоксальных, в частности агрессивно феминистских, подходов к мужским и женским языкам и к мужскому и женскому невербальному знаковому поведению.

В процессе анализа коммуникативной деятельности мужчин и женщин, действия которых подчиняются нормативным правилам и процедурам языка, а также закономерностям функционирования различных невербальных знаковых кодов, гендерная лингвистика и невербальная семиотика расширили не только свой инструментарий, переходя там, где необходимо, от

формальных структур к семантическим сетям, но и свой предмет: в область их интересов попадают уже не только монологические высказывания, но и конкретные ситуации диалогического общения. Все это позволило апробировать новые и усовершенствовать существующие когнитивные, этносемиотические и интеракционистские модели коммуникации.

В рамках гендерного направления сегодня создаются большие и малые коллективы ученых, успешно решающие научные и институциональные задачи, не доступные одному человеку. Формируются школы, возникают новые творческие контакты, проводятся конференции, симпозиумы и круглые столы, издаются монографии и журналы, защищаются диссертации. В Интернете открываются специальные сайты, увеличивается выпуск научной и научно-популярной гендерной литературы и растет число переводов. Все это, я полагаю, никак не свидетельствует ни о девальвации мыслительных и структурных моделей в сфере гендерной филологической проблематики, ни об отходе от универсальных принципов научного познания.

На этом, однако, содержательное сходство между гендерной лингвистикой и гендерной невербальной семиотикой, по видимому, заканчивается. Если о существовании гендерной лингвистики известно всем специалистам в области лингвистики и семиотики, то о невербальной семиотике как научной дисциплине, изучающей тело, помещенное в культуру и общество, и телесные знаки, образующие язык тела, не говоря уже о гендерной невербальной семиотике, знает лишь весьма ограниченный круг лиц. Если гендерная лингвистика опирается на богатейший концептуальный, теоретический и методологический аппарат, разработанный в самой лингвистике, то, будучи сами очень молодыми (им от силы вместе не более 200 лет, что для науки ничтожно малый возраст), ни общая, ни невербальная семиотика не способны оказать гендерной невербальной семиотике всей необходимой ей помощи и поддержки — просто потому, что невербальные аспекты человеческого поведения в ситуации коммуникативного взаимодействия, равно как и проблемы соотношения невербальных семиотических кодов с естественным языком, еще не только не описаны систематически, но и в целом ряде отношений даже не затронуты. Если

русская лингвистика — это весьма почтенная и уважаемая область научного знания, то в силу разных обстоятельств в литературе по невербальной семиотике почти полностью отсутствуют данные относительно русской лингвосемиотической традиции, хотя ее культурная, этнолингвистическая и общественная значимость не нуждается в особом обосновании. Наконец, если на сегодняшний день по гендерной естественной языковой, в частности русской, проблематике существует достаточно большое число монографий и статей, если уже проверены на практике многие исследовательские установки и научные факты, проведены важные наблюдения, поставлены и проанализированы лабораторные и полевые эксперименты, то настоящая книга по русской гендерной невербальной семиотике, с которой, как хочется надеяться, ознакомился читатель, является всего лишь первым опытом постановки и обсуждения ряда проблем этой науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Акстел 1998 — *Axtell R. E.* The Do's and Taboos of Body Language Around the World. New York; Chichester et al.: John Wiley and Sons, 1998.
- Апресян В. 1995 — *Апресян В. Ю.* Эмоции и их концептуализация в языке (на материале русского и английского языков): Дисс. Univ. of Southern California, 1995 [рукопись].
- Аржиль 1988 — *Argyle M.* Bodily communication. 2nd ed. London: Methuen, 1988.
- Аржиль, Кук 1976 — *Argyle M., Cook M.* Gaze and mutual gaze. Cambridge (UK): Cambridge Univ. Press, 1976.
- Армстронг, Хог 2001 — *Armstrong N., Hogg C.* The Pollyanna principle in French: A study of variable lexis // Journal of Pragmatics. 2001. 33, 157—185.
- Арндт, Джанни 1987 — *Arndt H., Janney R. W.* InterGrammar. Toward an integrative model of verbal, prosodic and kinesic choices in speech. Berlin; New York; Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987.
- Арнхейм 1994 — *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Аронсон 1969 — *Aronson E.* Some antecedents of interpersonal attraction // Nebraska Symposium on motivation / Ed. by W. J. Arnold, D. Levin. 1969. 17, 143—177.
- Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий / Ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1994, 106—117.
- Байбурин, Топорков 1990 — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета. Л.: Наука, 1990.
- Бак 1983 — *Buck R.* Emotional development and emotional education // Emotion: Theory, research, and experience. Vol. 2 / Ed. by R. Plutchik, H. Kellerman. N. Y.: Academic Press, 1983, 259—292.
- Банн 1985 — *Bann St.* The mythical conception is the name: Titles and names in modern and post-modern painting // Word and Image. 1985. Vol. 1. № 3, 176—190.

- Барлоу и др. 1979 — *Barlow D. H. et al. Sex role motor behavior: A behavioral check list // Behavioral assessment. 1979. 1, 119—138.*
- Барт 1985 — *Barthes R. Responsibility of forms. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1985 [особенно глава «Rhetoric of the image»].*
- Барышникова 2004 — *Барышникова Г. В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII—XX вв.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.*
- Батингер 1986 — *Батингер Э. Он и Она: изменение социальной роли мужчины и женщины в западном обществе // Курьер ЮНЕСКО. Апр. 1986, 14—17.*
- Башмакова, Лейнонен 1990 — *Башмакова Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии. 1917—1939. 1 // Studia Slavica Finlandensia. 1990. Т. 7, 1—100.*
- Безелянский 2004 — *Безелянский Ю. Тысяча и два поцелуя: Занимательная энциклопедия. М.: Радуга, 2004.*
- Бершейд, Уолстер 1969 — *Berscheid F., Walster E. H. Interpersonal attraction. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1969.*
- Бирдвистел 1952 — *Birdwhistell R. L. Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. Louisville (KY): Univ. of Louisville Press, 1952.*
- Битти 1978 — *Beattie C. W. Floor apportionment and gaze in conversational dyads // British journal of social and clinical psychology. 1978. 17, 7—16.*
- Битти 1981 — *Beattie C. W. Sequential temporal problems of speech in gaze and dialogue // Nonverbal communication, interaction, and gesture / Ed. by A. Kendon. The Hague: Mouton, 1981, 297—320.*
- Богс 1962 — *Boggs J. S. Portraits by Degas. Berkeley: Univ. of California Press, 1962.*
- Ботобекова 2004 — *Ботобекова А. Некоторые особенности невербального этикета киргизов и его параллели у тюркоязычных народов // Московский лингвистический журнал. 2004. Т. 8. № 2 [в печати].*
- Бочарова 1996 — *Бочарова О. Формула женского счастья (заметки о женском любовном романе) // Новое литературное обозрение. 1996. № 22, 292—302.*

- Бреммер, Руденбург 1991 — A cultural history of gesture / Ed. by J. Bremmer, H. Roodenburg. Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1991.
- Брид 1972 — *Breed G. R.* The effect of intimacy: Reciprocity or retreat? // *British journal of social and clinical psychology*. 1972. 11. № 2, 135—142.
- Броди 1985 — *Brody L. R.* Gender differences in emotional development: A review of theories and research // *Journal of personality*. 1985. Vol. 53. № 2, 102—149.
- Броди, Холл 1993 — *Brody L. R., Hall J. A.* Gender and emotion // *Handbook of Emotions* / Ed. by M. Lewis, J. M. Haviland. New York: Guilford Press, 1993, 447—460.
- Брук 1990 — *Брук Я. В.* У истоков русского жанра. XVIII век. М., 1990.
- Бучер, Осгуд 1969 — *Boucher J., Osgood C. E.* The Pollyanna hypothesis // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1969. 8, 1—8.
- Варгас 1986 — *Vargas M. F.* An introduction to nonverbal communication. Iowa: The State Univ. Press, 1986.
- Веман, Харрисон 1983 — *Nonverbal Interaction* / Ed. by J. M. Wiemann, R. P. Harrison. Beverley Hills (CA): Sage Publications, 1983.
- Верещагин, Костомаров 1981 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // *Вопросы языкознания*. 1981. № 1, 36—47.
- Вилсон, Ллойд 1990 — *Wilson A., Lloyd B.* Gender vs. power: Self-posed behavior revisited // *Sex roles*. 1990. 23, 91—98.
- Вильямс 1966 — *Williams T. R.* Cultural structuring of tactile experience in a Borneo society // *American anthropologist*. 1966. 68, 27—39.
- Вильямс 1971 — *Williams J. L.* Personal space and its relation to extraversion-introversion // *Canadian journal of behavioral sciences*. 1971. 3, 156—160.
- Винер и др. 1972 — *Wiener M., Devoe S., Rubinow S., Geller J.* Nonverbal behavior and nonverbal communication // *Psychological review*. 1972. 79, 185—214.
- Волков 1977 — *Волков Н. Н.* Композиция в живописи. М.: Искусство, 1977.
- Волконский 1913 — *Волконский С.* Сценические движения. М., 1913.

- Вольфанг 1979 — *Wolfgang A.* The teacher and nonverbal behavior in the multicultural classroom // *Non-verbal behavior: International Conference on non-verbal behavior / Ontario Institute for Studies in Education; Ed. by A. Wolfgang.* New York: Academic Press, 1979, 159—174.
- Вругт, Керкстра 1984 — *Vrugt A., Kerkstra A.* Sex differences in non-verbal communication // *Semiotica.* 1984. 50. № 1, 1—41.
- Гаспаров 1969 — *Гаспаров М. Л.* Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // *Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам.* 4. 1969, 504—514.
- Гивенс 1978 — *Givens D. B.* The non-verbal basis of attraction: Courtship, courtship and seduction // *Psychiatry.* 1978. 41, 346—351.
- Гловинская 2001a — *Гловинская М. Я.* Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина.* М.: Языки славянской культуры, 2001, 42—59.
- Гловинская 2001б — *Гловинская М. Я.* Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты (коллективная монография) / Отв. ред. Е. А. Земская.* М.; Вена: Языки славянской культуры: Wiener Slawistischer Almanach (Венский славистический альманах), 2001, 341—490.
- Голубева-Монаткина 1993 — *Голубева-Монаткина Н. И.* О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи дальнего зарубежья) // *Русистика сегодня.* 1998. № 1/2.
- Гомбрих 1985 — *Gombrich E. H.* Image and word in twentieth-century art // *Word and image.* 1985. Vol. 1. № 3.
- Гоффман 1956 — *Goffman E.* The presentation of self in everyday life // *Social Science Research Center Monograph.* Edinburgh: Univ. of Edinburgh Press, 1956. № 2.
- Гоффман 1967 — *Goffman E.* Interactional ritual: Essays on face-to-face behavior. Garden City (NY): Anchor, 1967.
- Гоффман 1979 — *Goffman E.* Gender advertisements. New York: Harper and Row, 1979.
- Граммер 1989 — *Grammer K.* Human courtship behavior: Biological bias and cognitive processing // *The sociobiology of sexual and reproductive strategies / Ed. by A. E. Rasa, C. Vogel, E. Voland.* London: Chapman and Hall, 1989, 147—169.

- Граммер, Крак, Магнуссон 1998 — *Grammer K., Kruck K., Magnusson M.* The courtship dance: Patterns of non-verbal synchronization in opposite-sex encounters // *Journal of non-verbal behavior.* 1998. 22, 3—29.
- Граммер и др. 1999 — *Grammer K. et al.* Fuzziness of non-verbal courtship communication unblurred by motion energy detection // *Journal of personality and social psychology.* 1999. 77. № 3, 487—508.
- Гране 1929 — *Granet M.* La civilisation chinoise. Paris, 1929.
- Гране 2004 — *Гране М.* Китайская мысль. М.: Республика, 2004.
- Грановская 1995 — *Грановская Л. М.* Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны / Отд-ние лит. и яз. РАН. М.: Ин-т рус. яз., 1995.
- Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — *Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- Дарвин 1872/1965 — *Darvin Ch.* The expression of the emotions in man and animals. New York: Philosophical Library, 1872 [3rd edition — 1965].
- Де Паоло 1992 — *De Paolo B. M.* Non-verbal behavior and self-presentation // *Psychological bulletin.* 1992. 111, 203—243.
- Джеймс 1988 — *James B.* Unscrambling the language of Medieval art // *International Herald Tribune.* 1988, Friday, May 13.
- Джекендоф 1987 — *Jackendoff R.* On beyond zebra: The relation of linguistic and visual information // *Cognition.* 1987. 26, 89—114.
- Дион 1973 — *Dion K.* Young children's stereotypes of facial attractiveness // *Developmental psychology.* 1973. 9. 183—188.
- Дион, Бершейд 1974 — *Dion K., Berscheid F.* Physical attractiveness and peer perception among children // *Sociometry.* 1974. 37, 1—12.
- Дион, Бершейд, Уолстер 1972 — *Dion K., Berscheid F., Walster E. H.* What is beautiful is good // *Journal of personality and social psychology.* 1972. 24, 285—290.
- Дэвис 1973 — *Davis F.* Inside intuition: What we know about non-verbal communication. New York; St. Louis; San Francisco, Düsseldorf et al.: Mc.Graw-Hill Book Company, 1973.
- Дэвис, Вейтц 1981 — *Davis M., Weits S.* Sex differences in body movements and postures // *Gender and non-verbal behavior* / Ed. by C. Mayo, H. N. Henley. New York: Springer, 1981, 81—92.

- Есперсен 1922 — *Jespersen O.* Language, its nature development and origin. London: George Allen and Unwin, 1922.
- Жуковская 1990 — *Жуковская Н. А.* Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М.: Наука, 1990.
- Захарин 2003 — *Захарин Дм.* Путин и Петр Первый. Стереотипы русского политического поведения в системе многоканальной коммуникации // *Wiener Slavistischer Almanach*. 2003. Bd. 49, 93—114.
- Земская 1995 — *Земская Е. А.* Еще раз о языке русского зарубежья // *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность: Сб. статей к 60-летию Ю. Н. Караулова / Отв. ред. Ю. С. Степанов, Е. А. Земская, А. М. Молдован.* М.: Ин-т рус. яз РАН, 1995, 233—241.
- Земская 1999 — *Земская Е. А.* Язык русского зарубежья: два полюса // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность / Отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова.* М.: Научный мир, 1999, 236—257.
- Земская 2000 — *Земская Е. А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны // *Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин.* М.: Азбуковник, 2000, 100—121.
- Земская 2001 — *Земская Е. А.* Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в русском языке // *Жизнь языка: Сб. статей к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина.* М.: Языки славянской культуры, 2001, 68—76.
- Земская и др. 1990 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // *Язык: Системы и подсистемы: К 70-летию М. В. Панова.* М., 1990, 224—242.
- Иванов 1976 — *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976.
- Игли 1987 — *Eagly A. H.* Sex differences in social behavior: A social-role interpretation. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987.
- Игли 1995 — *Eagly A. H.* The science and politics of comparing women and men // *American psychologist*. 1995. 38, 971—981.
- Игумен Евмений 2000 — *Евмений (Перистый), игумен.* Психотерапия в пастырском душепопечении // *Человек*. 2000. № 2, 78—91.
- де Кадт 1998 — *de Kadt E.* The concept of face and its applicability to the Zulu language // *Journal of pragmatics*. 1998. 29, 173—191.
- Казакевич 1999 — *Казакевич О. А.* Между гневом и страхом (человек и его эмоции в фольклоре северных селькупов) // Ло-

- гический анализ языка: Образ человека в культуре и языке: Сб. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. М.: Индрик, 1999, 272—280.
- Кантер 1977 — *Kanter R. M.* Men and women of the corporation. New York: Basic Books, 1977.
- Карли 1990 — *Carli L. L.* Gender, language, and influence // Journal of personality and social psychology. 1990. 59, 941—951.
- Карли, ЛаФлер, Лебер 1995 — *Carli L. L., LaFleur S. J., Loeber Ch. C.* Non-verbal behavior, gender, and influence // Journal of personality and social psychology. 1995. Vol. 68. № 6, 1030—1041.
- Кей 1975 — *Key M. R.* Paralanguage and kinesics. Metuchen (NJ): The Scarecrow Press, 1975.
- Кемпер 1978 — *Kemper T. D.* A social interactional theory of emotions. New York: John Wiley and Sons, 1978.
- Кендон 1967 — *Kendon A.* Some functions of gaze direction in social interaction // Acta Psychologica. 1967. 26, 22—63.
- Кендон 1985 — *Kendon A.* Some uses of gesture // Perspectives on silence / Ed. by D. Tannen, M. Saville-Troike. Norwood (NJ): Ablex, 1985, 215—234.
- Кендон, Фербер 1973 — *Kendon A., Ferber A.* A description of some human greetings // Comparative ecology and behavior of primates / Ed. by P. M. Michael, J. H. Crook. London: Academic, 1973, 591—688.
- Кибрик 2003 — *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дисс. ... докт. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 2003.
- Клейн 1984 — *Klein Z.* Sitting postures in male and female // *Semiotica*. 1984. 48. № 2, 119—131.
- Конвэй и др. 1996 — *Conway M., Pizzamiglio M. T., Mount L.* Status, communality, and agency: Implications for stereotypes of gender and other groups // Journal of personality and social psychology. 1996. 71, 25—38.
- Коннел 1987 — *Connell R. W.* Gender and power: Society, the person and sexual politics. Stanford (CA): Stanford Univ. Press, 1987.
- Коста и др. 2001 — *Costa M. et al.* Gender differences in personality traits across cultures: Robust and surprising findings // Journal of personality and social psychology. 2001. 81. № 2, 322—331.
- Коста, Мензани, Риччи Битти 2001 — *Costa M., Menzani M., Ricci Bitti P. E.* Head canting in paintings: A historical study // Journal of non-verbal behavior. 2001. Vol. 25. № 1, 63—72.

- Коулз 1974 — *Coles P. R.* Profile orientation and social distance in portrait painting // *Perception*. 1974. 3, 303—308.
- Красильникова 1983 — *Красильникова Е. В.* Жест и структура высказывания в разговорной речи // *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест* / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983, 214—235.
- Крейдлин 1996 — *Крейдлин Г. Е.* Стереотипы возраста // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1996. Bd 37, 207—218.
- Крейдлин 2000 — *Крейдлин Г. Е.* Голос и тон в культуре и языке // *Язык о языке* / Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 2000, 433—501.
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика. М.: Новое лит. обозрение, 2002.
- Крейдлин, Морозова 2004 — *Крейдлин Г. Е., Морозова Е. Б.* Внутриязыковая типология невербальных единиц: бытовые поклоны // *Вопросы языкознания*. 2004. № 4, 34—47.
- Крейдлин, Самохин 2003 — *Крейдлин Г. Е., Самохин М. В.* Слухи, сплетни, молва — гармония и беспорядок // *Логический анализ языка: Космос и хаос* / Под ред. Н. Д. Арутюновой, Т. Е. Янко. М.: Языки русской культуры, 2003, 117—157.
- Лаков, Джонсон 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1980.
- Лафт 1966 — *Luft J.* On non-verbal interaction // *Journal of psychology*. 1966, 63, 261—268.
- Лейнонен 1992 — *Leinonen M.* Language survival: Russian in Finland // *Slavica Tampereusia I*. 1992, 1—44.
- Лич 1983 — *Leech G.* *Principles of pragmatics*. London: Longman, 1983.
- Марани 1999 — *Marani P. C.* *Il Cenacolo*. Guide to the refectory. Milan: Electa, 1999.
- Марани, Цеччи и др. 1986 — *Marani P. C., Cecchi R. et al.* *The Last Supper and Santa Maria delle Grazie*. Milan: Electa, 1986.
- Маркел и др. 1972 — *Markel N. N., Prebor L. D., Brandt J. F.* Biosocial factors in dyadic communication // *Journal of personality and social psychology*. 1972. 23, 11—13.
- Мехрабиан 1968 — *Mehrabian A.* Relationship of attitude to seated posture, orientation, and distance // *Journal of personality and social psychology*. 1968. 10, 26—30.
- Мехрабиан 1969 — *Mehrabian A.* Some referents and measures of nonverbal behavior // *Behavior research methods and instrumentation*. 1969. 1, 203—207.

- Мехрабиан 1972 — *Mehrabian A.* Non-verbal communication. Chicago: Aldine, 1972.
- Мехрабиан, Уильямс 1969 — *Mehrabian A., Williams M.* Non-verbal concomitants of perceived and intended persuasiveness // *Journal of personality and social psychology.* 1969. 13. № 1, 37—58.
- Милз 1984 — *Mills J.* Self-posed behaviors of females and males in photographs // *Sex roles.* 1984. 10, 633—637.
- Милз, Аронсон 1965 — *Mills J., Aronson E.* Opinion change as a function of communicator's attractiveness and desire to influence // *Journal of personality and social psychology.* 1965. 1, 173—177.
- Миллер 1970 — *Miller G. A.* Role of physical attractiveness in impression formation // *Psychonomic science.* 1970. 19, 241—243.
- Миллер 1994 — *Miller G.A.* Non-verbal communication // *Language: Introductory readings* / Ed. by V. P. Clark, P. A. Eschholz, A. F. Rosa. 5th ed. New York: St. Martin's Press, 1994, 655—663.
- Монтегю 1971 — *Montagu A.* Touching: The human significance of skin. New York: Harper and Row, 1971.
- Моррис 1977 — *Morris D.* Manwatching: A field guide to human behavior. London: Jonathan Cape, 1977.
- Моррис 1994 — *Morris D.* Bodytalk: A world guide to gestures. London: Jonathan Cape, 1994.
- Мосс 1935/1996 — *Мосс М.* Техники тела // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Наука: Вост. лит., 1996, 242—263 [ориг. изд. — 1935].
- Мэйджор 1981 — *Major B.* Gender patterns in touching behavior // *Gender and non-verbal behavior* / Ed. by C. Mayo, N. M. Henley. New York: Springer, 1981.
- Наф 1990/1991 — *Knuf J.* Greeting and leave-taking: A bibliography of resources for the study of ritualized communication // *Research on language and social interaction.* 1990/1991. Vol. 24, 405—448.
- Нгуйен и др. 1975 — *Nguyen T., Heslin R., Nguyen M.* The meaning of touch: Sex difference // *Journal of communication.* 1975. 25, 92—103.
- Николаева 1969 — *Николаева Т. М.* Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста // *Международ. конф. преподавателей рус. яз. и лит. Актуальные вопросы преподавания рус. яз. и лит.* 22—28 августа 1969 г.: Тез. докладов и выступления. М., 1969.

- Николаева 1972 — Николаева Т. М. Жест и мимика у лектора. М.: Знание, 1972.
- Николаева 1973 — Николаева Т. М. Интерференция речевых и неречевых средств в человеческом общении // *Recherches sur les systèmes signifiants*. The Hague; Paris, 1973.
- Норд 1969 — Nord W. R. Social exchange theory: An integrative approach to social conformity // *Psychological bulletin*. 1969. 71, 174—208.
- Ньюман, Мавер 1938 — Newman S. S., Mather V. G. Analyses of spoken language of patients with affective disorders // *American journal of psychiatry*. 1938. 94, 913—942.
- Перкинс 1986 — Perkins R. E. The checklist of sex role motor behavior applied to European population in a natural setting // *Behavioral assessment*. 1986. 8, 285—300.
- Печерская 2001 — Печерская И. Б. Семантика лекторского жеста: Дипл. работа слушателя 2 курса / Ин-т европ. культур. М., 2001 [рукопись].
- Пойатос 1993 — Poyatos F. Paralanguage. A linguistic and interdisciplinary approach to interactive speech and sound. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins, 1993.
- Радклифф-Браун 1922/1964 — Radcliffe-Brown A. R. The Andaman islanders. New York: Free Press, 1964 (1st ed. — 1922).
- Раффлер-Энджел 1986 — von Raffler-Engel W. The transfer of gestures // *Semiotica*. 1986. 62. № 1/2, 129—145.
- Раффлер-Энджел 1988 — von Raffler-Engel W. The impact of covert factors in cross-cultural communication // *Cross-cultural perspectives in non-verbal communication* / Ed. by F. Poyatos. Toronto; Lewiston (NJ); Göttingen; Zürich: C. J. Hogrefe, 1988, 71—104.
- Риган 1982 — Regan J. M. Gender displays in portrait photographs // *Sex roles*. 1982. 8, 33—43.
- Рис, Уитмен 1962 — Reece M., Whitman R. Expressive movements, warmth, and verbal reinforcement // *Journal of abnormal and social psychology*. 1962. 64, 234—236.
- РРР 1970 — Русская разговорная речь: Сб. науч. трудов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970.
- РРР 1973 — Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1973.
- РРР 1983 — Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983.

- Сабателли, Бак, Кенни 1986 — *Sabatelli R. M., Buck R., Ken-ny D. A.* A social relations analysis of non-verbal communication accuracy in married couples // *Journal of personality*. 1986. Vol. 54. № 3, 513—527.
- Сарапик 1999 — *Sarapik V.* The problem of titles in painting // *Sign systems studies* = Труды по знаковым системам / Ed. by P. Torop, M. Lotman, K. Kull, Ü. Pärli. Vol. 27. Tartu: Tartu Univ. Press, 1999.
- Сартри 1975 — *Sartry M.* «The pretty girl» as a sexual and reproductive stereotype // *Paper presented at Western Psychological Association*. 1975.
- Сасмен и др. 1983 — *Sussman St., Mueser K. T, Grau B. W., Yarnold P. R.* Stability of female's facial attractiveness during childhood // *Journal of personality and social psychology*. 1983. 44, 1231—1233.
- Себеок, Умикер-Себеок 1992 — *Biosemiotics: The Semiotic Web 1991* / Ed. by Th. A. Sebeok, J. Umiker-Sebeok. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Систрик, МакДэвид 1971 — *Sistrunk F., McDavid J. M.* Sex variable in conforming behavior // *Journal of personality and social psychology*. 1971. Vol. 17. № 2, 200—207.
- Ситарама, Когделла 1976 — *Sitaram K. S., Cogdell R. T.* Foundations of intercultural communication. Columbus (Ohio): Bell Howell, 1976.
- Славянские древности 1995 — *Славянские древности: Энциклопедический словарь*. Т. 1 / Ред. Н. И. Толстой. М.: Междунар. отношения, 1995.
- Снайдер, Рофбарт 1971 — *Snider M., Rothbart M.* Communication attractiveness and opinion change // *Canadian journal of behavioral sciences*. 1971. 3, 377—387.
- Соммер 1959 — *Sommer R.* Studies in personal space // *Sociometry*. 1959. 22, 247—260.
- Стернин 2002 — *Стернин И. А.* Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж, 2002.
- Стефенсон и др. 1993 — *Stephenson J., Pine N., Zhang Liwei, Xie Jian.* Some gestures commonly used in Nanjing, PRC // *Semiotica*. 1993. 95. № 3/4, 235—259.
- Стрэйчампс 1974 — *Rooms with no view: A woman's guide to the man's world of media* / Ed. by E. Strainchamps. New York: Harper and Row, 1974.
- Тогоева 2000 — *Тогоева О. И.* В ожидании смерти: молчание и речь преступников в зале суда (Франция, XIV век) // *Человек в*

- мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени / Ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 2000. Гл. 11, 262—302.
- Триандис, Василиу 1967 — *Triandis H. C., Vassiliou V.* Frequency of contact and stereotyping // *Journal of personality and social psychology*. 1967. Vol. 7. № 3, 316—328.
- ТСОШ 1992 — Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М.: АЗЪ, 1992.
- Тумаркин 2001 — *Тумаркин П. С.* Жесты и мимика в общении японцев: Лингвострановедческий словарь-справ. М.: Рус. яз., 2001.
- Уильямс, Бест 1990а — *Williams J. L., Best D. L.* Measuring sex stereotypes: A multination study. Newbury Park (CA), 1990.
- Уильямс, Бест 1990б — *Williams J. L., Best D. L.* Sex and psyche: Gender and self-viewed cross-culturally. Newbury Park (CA), 1990.
- Уокстер и др. 1966 — *Wakster E., Aronson V., Abrahams D., Rothman L.* Importance of physical attractiveness in dating behavior // *Journal of personality and social psychology*. 1966. 4, 508—516.
- Филиппов 1975 — *Филиппов А. В.* Звуковой язык и «язык» жестов // Лингвистический сборник. Вып. 3. М.: Изд-во МОПИ, 1975.
- Фриз 1974 — *Frieze I.* Non-verbal aspects of femininity and masculinity which perpetuate sex-role stereotypes / Eastern Psychological Association. 1974 [рукопись].
- Фриз, Рамсей 1976 — *Frieze L. H., Ramsey S. J.* Non-verbal maintenance of traditional sex roles // *Journal of social issues*. 1976. Vol. 32. № 3, 133—141.
- Хадар, Баттерворф 1997 — *Hadar U., Butterworth B.* Iconic gestures, imagery, and word retrieval in speech // *Semiotica*. 1997. 115. № 1/2, 152—159.
- Халберштадт, Сайта 1987 — *Halberstadt A. G., Saitta M. B.* Gender, non-verbal behavior, and perceived dominance: A test of the theory // *Journal of personality and social psychology*. 1972. 24, 285—290.
- Хенли 1973 — *Henley N. M.* Status and sex: Some touching observations // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1973. 2, 91—93.
- Хенли 1977 — *Henley N. M.* Body politics: Power, sex, and non-verbal communication. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1977.

- Холл 1959 — *Hall E. T.* The silent language. Garden City; New York: Doubleday, 1959.
- Холл 1966 — *Hall E. T.* The hidden dimension. Garden City; New York: Doubleday, 1966.
- Холл 1974 — *Hall E. T.* Handbook of proxemic research. Washington (DC): Society for the Anthropology of Visual Communication, 1974.
- Холл 1979 — *Hall J. A.* Gender effects in decoding nonverbal cues // *Psychological bulletin.* 1979. 85, 845—857.
- Холл 1985 — *Hall J. A.* Male and female non-verbal behavior // *Multichannel integrations of nonverbal behavior* / Ed. by A. W. Siegman, S. Feldstein. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1985, 195—225.
- Холл, Халберштадт 1980 — *Hall J. A., Halberstadt A. G.* Sex roles and nonverbal communication skills // *Sex roles.* 1980. 7. № 3, 273—287.
- Холл П., Холл Д. 1983 — *Hall P.M., Hall D. A. S.* The handshake as interaction // *Semiotica.* 1983. 45. № 3/4, 249—264.
- Шифрин 1974 — *Shiffrin D.* Handwork as ceremony: The case of the handshake // *Semiotica.* 1974. 12. № 2, 189—202.
- Эстерберг 1996 — *Эстерберг Э.* Молчание как стратегия поведения. Социальное окружение и ментальность в исландских сагах // *Arbor mundi.* 1996. Вып. 4, 25—38.
- Эфрон 1941/1972 — *Efron D.* Gesture and environment. New York: King's Crown Press, 1941 (2nd ed. — 1972: в 1972 г. книга вышла под названием «*Gesture, race and culture*»).
- Эшмор 1981 — *Ashmore R. D.* Sex stereotypes and implicit personality theory // *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior* / Ed. by D. L. Hamilton. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1981, 37—81.
- Якобсон 1970 — *Якобсон Р. О.* Да и нет в мимике // *Язык и человек: Сб. ст. памяти профессора П. С. Кузнецова (1899—1968)* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. (Публикации Отделения структур. и приклад. лингвистики филол. ф-та МГУ; Вып. 4), 284—289.
- ЯРЗ 2001 — *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография* / Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена: Языки славянской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.

Григорий Ефимович Крейдлин

**МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ
В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Григорян

Художественное оформление переплета
Юрий Саевич, Оксана Максимова

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 21.04.2005. Формат 84 × 108¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 5,67. Тираж 2000 экз. Заказ № 5075.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Phone: 207-86-93 Fax: 246-20-20 (для аб. М153)

E-mail: Lrc@comtv.ru Site: <http://www/lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. А. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48,

e-mail: gnozis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1 (Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)